

Устами Буниных

Устами Буниных

Дневники

2

2

УСТАМИ БУНИНЫХ

*Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны
и другие архивные материалы,
под редакцией Милицы Грин*

В трех томах

Том II

ПОСЕВ

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1981
Frankfurt am Main
Printed in Germany

Во второй том этой книги входят дневниковые записи первого периода эмигрантской жизни Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Начинаются они с приезда Буниных в Париж весной 1922 года, кончаются получением Буниным Нобелевской премии по литературе в конце 1933 года.

Редактируя дневники, я соблюдала особенности правописания авторов и их знаки препинания. Орфография изменена на новую. Подчеркнутое набрано курсивом.

Печатать дневники полностью не было возможности — это увеличило бы издание на много томов. Пришлось делать сокращения, которые обозначены многоточием и взяты в квадратные скобки, как и редакторские примечания. Фамилии объяснены не все, без объяснения оставлены как некоторые общеизвестные фамилии, так и фамилии людей, лишь мельком упоминаемых.

★

Приношу свою глубокую благодарность профессору D. Ward, моему многолетнему начальнику и коллеге. Без его помощи это издание не осуществилось бы. Он приложил все усилия обеспечить мне финансовую помощь, поддерживал меня морально и давал дельные советы.

Чувствую себя благодарно обязанной Эдинбургскому университету, который щедро помог мне, дав заем на издание книги. Благодарю за субсидию Carnegie Trust for Scottish Universities. Батюшке о. Иоанну выражаю признательность за тщательную переписку рукописи, а моей коллеге Э. И. Вознесенской — за помощь в чтении корректуры и советы. Моей бывшей студентке Пенни Стир приношу благодарность за то, что она разобрала отелльные счета, хранящиеся в бума-

гах Буниных, и установила даты заграничных поездок Бунина.

Благодарю Р. Б. Гуля и Вл. Д. Соколова-Самарина, любезно указавших мне на некоторые ошибки и оплошности, вкравшиеся в мою публикацию отрывков из дневников И. А. Бунина в «Новом журнале».

С особой благодарностью поминаю покойного Леонида Федоровича Зурова, многолетнего хранителя дневников, доверившего их мне после смерти.

Издательство «Посев», в частности А. Н. Артемову, благодарю за советы и помощь в подготовке рукописи к печати.

Милица Грин

Часть третья

Ч У Ж Б И Н А

[Парижские записи открываются рукописным дневником Веры Николаевны, из которого даю выдержки. Из записей Ивана Алексеевича за 1920 год сохранилась только одна. Ее приведу своевременно.]

1920 (*продолжение*)

22 марта/4 апр.

Неделя в Париже. Понемногу прихожу в себя, хотя усталость еще дает себя чувствовать. Париж нравится [...] Устроены превосходно¹. Хозяева предупредительны, приятны и легки, и с физической стороны желать ничего не приходится, а с нравственной — тяжело. Нет почти никаких надежд на то, чтобы устроиться в Париже. Вероятно, придется возвращаться в Софию. За эту неделю я почти не видела Парижа, но зато видела много русских. Только прислуга напоминает, что мы не в России.

Сегодня за обедом были Фондаминские². Оба мне нравятся. Он приятный, хорошо разбирающийся во всем человек. [...] Фондаминский говорит, что здесь не верят тому, что рассказывается о большевиках. [...] не только французы, но и русские, кот[орые] не жили при большевиках, не хотят даже узнать, что такое большевики, и твердят, что [...] там много идеи и красоты. [...]

Толстые³ здесь, очень поправились. Живут отлично, хотя он все время на краю краха. Но они бодрь, не унывают. Он пишет роман. Многое очень талантливо, но в нем «горе от ума». Хочется символа, значительности, а это все дело портит. Это все от лукавого. Все хочется — лучше всех, сильнее всех, первое место занять. [...] Было чтение. Народу было много. Всем роман понравился. Успех очевидный. [...]

Был Шполянский⁴. [...] Уверяет, что в Софию нам возвращаться не придется.

23 [марта]/5[апреля]

[...] Фонд[аминский], М. С. [Цетлина. — М. Г.] и многие другие родились и учились в Москве, [...] потом уехали в университет в Германию. Вернулись к 1905 г. уже соц.-револ[юционерами], потом тюрьма, ссылка, эмиграция. Все видели, кроме слона, т. е. народа.

25 марта

День рождения М. Сам. Она получила массу цветов. Целые деревья роз. Все одеты изящно, в шелковых чулках, столичных башмаках. [...]

27 м./9 апр.

Вчера были на 12 Еванг[елиях]. Церковь очень большая, была полна. Масса русских говеют. Было грустно и тяжело.

[...] говорили о книгоиздательстве. Гальперн⁵ находит, что деньги собрать легко. [...]

30 м./12 апр.

К Заутрене ходили, но войти в церковь не было возможности: теснота была невообразимая. [...] Разговляться мы отправились к Люб. Серг. Гавронской. Там уже были Вишняк⁶, Марья Сам., но не было Керенского, кот. должен был быть. Он не пришел. [...] Немного спорили на политическую тему, но принимали

участие в разговоре только Ян, Авксентьев⁷, а Руднев⁸ и Зензинов⁹ не проронили ни слова. Зензинов производит впечатление очень упорного и узкого человека. [...]

14/1 апр.

[...] Ян в очень дурном настроении. [...] На первый день [Пасхи. — М. Г.] мы были в посольстве. Ездили есть пасху к Марусе Маклаковой. Она была в черном платье, возбуждена приемом. Народу было много, все Толстовский мир: какие-то графы, графини, князя — все бывшие люди, но еще не утратившие своего положения в «свете». [...] Ян долго беседовал с Вас. Ал.¹⁰ о русских делах. [...]

17/4 апреля

Вечером едем к Чайковской¹¹, там будет Савинков¹². Наконец, мы увидим этого героя, ныне ругаемого со всех сторон.

Сегодня за завтраком Зензинов сказал Яну: — Можно прислать Вам одну книжку? Но не подумайте, что я хочу Вас пропагандировать. Ян: Да, меня трудненько пропагандировать. Зензинов: Нет, нет, я только хочу показать Вам человек[еский] документ. Ян: Вероятно, что-нибудь о Колчаке? Зензинов: Да, именно.

Вчера Мих. Ос. [Цетлин. — М. Г.], Толстой и Ян были вечером у Львова. [...] Говорили об издательстве. [...] с маленькими деньгами начинать не имеет смысла. В Берлине затевается книгоиздательство, основной капитал 8.000.000 марок. Они хотят приготовить русские книги для будущей России. [...] Ян возражал, говоря, что можно и здесь устроить книгоизд., т. к. здесь можно собрать хороший букет из современ[ных] писателей. [...] Редакторами намечаются Ян, Толстой и Мих. Ос. [...]

18 апр./5 [апр.]

[...] Савинков, лысеющий мужчина среднего роста

с маленькими ступнями [...] очень некрасивый, с плохой кожей, с надутыми жилами на лбу [...] Почти весь вечер он пил коньяк и разговаривал с сестрой Маршака. Даже когда приехали Ян и Толстой, он не пошел к столу, а оставался в гостиной. [...] Зашел общий разговор о политике. Сообщалось, что Врангель назначил министром иностр. дел Струве¹³, что Кривошеин будет послом. Савинков сказал: — Мы не признаем их. И я пожал Сазонову руку сегодня, ибо мы солидарны с ним на этот раз. [...]

Сав[инков] 2 раза повторил адрес, чтобы мы не забыли. Яну он дважды пожал руку. Вероятно, он очень самолюбивый человек. [...] раньше щупает почву, а потом уже начинает общаться.

19/6 апреля.

[...] Вчера, очень волнуясь, Мих. Ос. сказал Яну, что он окончательно пришел к заключению, что не может принимать участие в книгоиздательстве. [...] М. С. [...] сказала мне, что причина Толстой. Но более подробно она ничего не объяснила.

После этого мы решили пойти к Толстому на новую квартиру. Квартирка маленькая, но светлая, с чудесным видом на Сену и левую часть Парижа, расположение комнат тоже хорошо. [...] Ал. Н. спал, но скоро проснулся. Мы рассказали об отказе М. Ос., он объяснил это тем, что М. Ос. испугался того, что слышал о немецком книгоиздательстве. [...]

За обедом был Ларионов¹⁴. [...] Самую простую вещь он объясняет так запутанно, что трудно понять.[...]

21 апр./8 апр.

Обедали вчера у Толстых с Набоковым¹⁵. Набоков, очень хорошо по внешности сохранившийся человек, произвел на меня впечатление человека уже не живого. Он очень корректен, очень петербуржец. [...] Разговор шел на политические темы, между прочим, о царе.

Про Николая II он сказал, что его никто не любил и что сделать он ничего не мог.

[...] Вчера за обедом Толстой очень бранил Савинкова: «Он, прежде всего, убийца. Он умен, но он негодей». [...] он рассказывал им о своей поездке в Варшаву: — Да, вот мы с Пилсудским полагали так. Тут будут стоять его войска, а здесь мои (!). Потом заговорили о «Бледном Конне». Толстой говорит, что редактировал его Мережковский¹⁶. [...]

23/10 [апреля]

[...] Был Алексинский¹⁷, который пригласил Яна участвовать в «Mercure». Кроме того он сообщил о книгоизд. в Стокгольме, во главе которого стоит Ляцкий. [...] Заговорили о большевиках. О Ленине он сказал, что он презирает людей. Луначарский — пустоцвет, Троцкий — просто гадина. Горький — неискренний. — Алексинский сидел несколько месяцев в тюрьме. Его бывшие товарищи подослали одного каторжника задуть его. [...] Спасла сестра милосердия. [...]

24 апр./11 апр.

Присутствовала на заседании в редакции «Грядущая Россия». Все они редактора никакие. Ян кое-что советовал нужное и дельное. Ал. Н. [Толстой. — М. Г.] перескакивал с одного предмета на другой. [...]

Ян говорит, что ему странно здесь слышать, как говорят о Керенском, в России нет о нем двух мнений. Если бы шли рядом Керенский и Ленин, то растерзали бы сначала Кер[енского].

26 апр./13 апр.

Вчера были в музее Онегина. И трогательно, и печально, и как настоящее, нужное мешается с пустяками, ненужным. Онегин — глубокий старик, с неприятным характером, от старости, от заброшенности, от недостатка денег для музея. [...]

28 апр./15 апр.

[...] Вчера были у Толстых по случаю оклейки их передней ими самими. Пили вино. Толстой завел интересный разговор о литературе, о том, стоит ли вообще ему писать. Говорили о том, что литература теперь заняла гораздо более почетное место, чем это было раньше. [...] Все поняли, что литература — это в некотором роде хранительница России. Потом говорили об иррациональном в искусстве. Ян считает, что хорошо в искусстве не то, что иррационально, а что передает то, что хотел выразить художник. Приводил Фета, Ал. Толстого и др. Потом заговорили о Льве Николаевиче Толстом. [...] Письмо от Гессена¹⁸ просит Яна продать свои сочинения в Берлин.

17/30 апреля.

Обед у Львова, Стаховича и Вырубова был необыкновенно приятен. Кроме нас и хозяев, был еще Балавинский, [...] затем Орлов-Давыдов, знаменитый своим делом с Пуарэ. [...] Потом приехал Гальперн. Он из Лондона. [...]

Чудная квартира Нарышкиных (которые застряли в Совдепии), с фамильными портретами, с лакеем Иваном — все это напоминает мне времена очень далекие. [...]

Оказывается, Стахович страстный поклонник Горького. [...] Марья Самойловна, Ян, Ал. Н. [Толстой. — М. Г.], Мих. Ос. [Цетлин. — М. Г.] и я говорили приблизительно так: «У Горького литературный талант большой, но художественного почти нет. Слава его обусловлена тем, что он писал в предреволюционное время, и кроме того, очень умелая реклама». Остальные или молчали, или говорили как раз обратное. [...]

2 мая/19 апр.

Были у Толстых, а вечером Толстые у нас. Ал.

Ник. читал свои стихи. Он читает хорошо и хорошеет сам. Ян прочел свои 2 рассказа: «Сказка» и «Последний день».

10 [мая]/27 [апр.]

[...] Шурочка [дочь Цетлиной от брака с Авксентьевым. — М. Г.] вчера спросила меня: «А вы после лекции уедете от нас? Я уже привыкла к вам». — Что это значит? Может быть, правда пора переселяться? Я с наслаждением переселилась бы в крохотную квартиру, сама бы готовила и никого бы не видала. Я чувствую, что устала от людей, от вечного безденежья, от невозможности жить, как хочется. Кажется, я всего счастливее чувствовала себя на кухне в Софии.

17/4 мая.

[...] Лекция Яна, несмотря на забастовку такси, состоялась и было народу довольно много. Но публика была непохожа на одесскую, когда вся аудитория сливалась с читающим и когда, после окончания, долго стоя, приветствовали его аплодисментами. Здесь хлопали мало и публика была очень разношерстная, большей частью отвыкшая от России, большевизм представляющая себе слабо. Но много было и известных людей: кн. Львов, Стахович, Вырубов, Рудневы, Авксентьев, Вишняки, Роговский, Алексинские, Маклаковы, m-me Сталь, Бурцев, Орлов-Давыдов, Балавинский и много других. [...] Времени было всего два часа, а Яну нужно прочесть и о революции, и рассказ. [...]

Вечер у них [Савинковых. — М. Г.] был один из самых интересных в Париже. [...] Его программа «Родина, Демократическое управление и Частная собственность» [...] он говорил, что считает, что нужно дать землю крестьянам и возможность работать, чтобы они могли жить лучше, богаче. А до всяких идеалов ему дела нет, с чем с ним не соглашался Толстой. [...]

В воскресенье были у Алексинских. Он дышит злобой к Савинкову, обвиняет за польский вопрос, за отношения с Пилсудским. [...]

8 июня.

Последние дни у нас ушли на поиски квартиры. Утомлены очень. Масса впечатлений. [...] Переселяемся в комнаты, которые будут очень жаркими. Левый берег Яна тоже не привлекает. [...] Из фонда Яну предложено 3000 рублей. Он принял деньги, хотя мне очень тяжело. Одно утешает, что 1000 рублей он отдал М. С. [...]

15 июня. Отель Св. Отцов.

Завтракали в Café Voltaire, куда мы были приглашены Струве. Нас было четверо: П. Б., его сын и мы. В этом доме жил Камилл де Муллен, а в этом ресторане часто бывал М. М. Ковалевский, а в 1915 г. Струве тут совещался с Милюковым¹⁹. [...] Струве человек обаятельный, он остроумен и тонок. [...] П. Б. расспрашивал Яна о планах. Ян говорил, что чувствует себя слабым, больным, в большой нерешительности. Больше же всего ему хотелось бы уехать в Россию. П. Б. сказал: «Нет, Вам туда рано, подождите». Мне кажется, что П. Б. относится к Яну любовно и хочет сохранить его для будущего. [...] П. Б. предлагал Яну стать во главе национальной лиги. Он хочет основать во всех европейских центрах отделения. Ян просил прислать ему программу. [...]

2 июля/19 июня

Все время, живя у Святых Отцов, вертимся как угорелые. [...] Больше всего за это время я виделась со Струве и больше всех он нравится мне. [...] как будто ничего не видит, а в то же самое время очень наблюдательный и одним словом может определить человека. Можно сначала думать, что обойти его легко, а между

тем он тверд в том, что ему кажется правильным. [...]

Все это время мы ищем виллу на лето. Ян с Наташей [жена А. Н. Толстого. — М. Г.] ездили [...] и в Диепп. Вкусы у них расходятся. Да и мне кажется, что с Толстыми нам будет трудно жить. [...] Но Ян всегда держит ориентацию на знакомых.

4 авг./22 июля.

[...] Вчера вечером мы зашли к Куприным²⁰, там немного выпили, закусили. Ян взволновался и, вернувшись домой, говорил мне: «Как я переживу, если Юлий²¹ умер. [...] я всегда, днем и ночью, думаю об этом, точно полог застилает все». [...]

15/2 августа.

[...] Приехал Бальмонт²². [...] Обедали у Куприных. [...]

17/4 [августа]

Ал. Ник. [Толстой. — М. Г.] сегодня утром сообщил, что Бальмонт говорил, что Юлий Ал. здоров. Он видел его часто на Арбате в круглой шапочке и все в том же пальто, вид у него не плохой. [...]

[Привожу единственную запись Ив. Ал. Бунина за этот период:]

Париж, 19 авг. 1920 г.

Прочел отрывок из дневника покойного Андреева²³. «Покойного»! Как этому поверить! Вижу его со страшной ясностью, — живого, сильного, дерзко уверенного в себе, все что-то про себя думающего, стискивающего зубы, с гривой синеватых волос, смуглого, с блеском умных, сметливых' глаз, и строгих, и вместе с тем играющих тайным весельем; как легко и приятно было говорить с ним, когда он переставал мудрствовать,

когда мы говорили о чем-нибудь простом, жизненном, как чувствовалось тогда, какая это талантливая натура, насколько он от природы умней своих произведений и что не по тому пути пошел он, сбитый с толку Горьким и всей этой лживой и напыщенной атмосферой, что дошла до России из Европы и что так импортировала ему, в некоторых отношениях так и не выросшему из орловского провинциализма и студенчества, из того Толстовского гимназиста, который так гениально определен был Толстым в одной черте: «Махин был гимназист с усами...».

[Из записей Веры Николаевны:]

22 августа.

С утра народ: Куприн, Толстой, Зноские, Бальмонты, опять Толстой, Могилянский. Ян нездоров. [...]

Бальмонт бледен, одутловат. Он очень деликатно передал мне о смерти Севы²⁴, думая, что я не знаю. Сева умер от истощения еще прошлой осенью. [...]

26/13

[...] Телеграмма от Струве. Вызывает Яна и Карташева²⁵ в Севастополь. [...]

4 сентября.

Вчера обедали у Полякова²⁶, были Неклюдов²⁷, бывший дипломат, какой-то барон, Куприны и Бальмонты. Больше всех говорил Неклюдов. Он хорошо объяснил, откуда началась идеализация мужика. Это от помещиков, которые приехавши из столиц в деревню, поражались добротой, преданностью дворовых, старых слуг, нянек, а до настоящих мужиков они не доходили. [...]

8 сентября.

Вчера у нас обедало все семейство Бальмонта и

Ландау²⁸. Были литературные разговоры, были и политические, и было чтение стихов Бальмонта. [...] Ян говорил, что манера Тургенева для него нестерпима. Бальмонт считает, что он самый крупный русский поэт, что он, и только он, создал идеальный тип русской девушки. Ян: Но ведь эти образы бесплотны, вы сами вливаете в них содержание. Бальмонт: Вот это и хорошо. То и велико, во что можно вливать содержание. Ландау: Но вы и Иван Алексеевич, вы разве подписались бы хотя бы под «Накануне»? Ян, улыбнувшись: Нет.

Бальмонт с раздражением говорил о Толстом, ему не нравятся ни «Война и мир», ни «Казачьи», ни «Анна Каренина». А какую глупость он [Толстой. — М. Г.] писал об искусстве или о Шекспире. Выше всех писателей он ставит Эдгара По.

Потом говорили о Москве. [...] Бальм[онт] сказал: Горький негодяй. Мне он говорит «они» и бранит «их», а сам Ленину пишет дифирамбы. [...] Он [Бальмонт. — М. Г.] говорил, что нужно страдать вместе Россией.

14/1 октября.

[...] М[арья] С[амойловна] носит с Бальмонтом и, на мой взгляд, она оказывает ему медвежью услугу, как она несколько раз оказывала Яну. Она истерически кричит, что он герой. А между тем Джемс рассказывает, что только ему было позволено купить валюту, что провожали его на автомобилях и посадили в поезд с помпой. Конечно, Бальмонт не большевик, конечно, он страдал там, но геройства я не вижу. Видела Бальмонта, он говорил мне, что комиссары его не провожали, провожали его Зайцевы, Марина Цветаева и подобные люди. [...]

29/16 октября.

[...] Были вчера у Мережковских. Долго сидели с

Гиппиус²⁹. Она по внешности еще интересная женщина. Держится просто, но с сознанием собственной славы. Сначала почти не замечала меня, потом удостоила несколькими фразами. [...] Она сказала, что теперь нет политики, т. к. «жизнь стала политикой». [...] Верит в поход Савинкова: «Нужно побеждать большевиков их же способами, а не регулярными войсками». Балаховича хвалит, говорит, что он знает каждого солдата в лицо. [...] Провал Деникинской армии она предсказывала еще летом 19-го года. [...] К Врангелю она относится с опаской. [...]

Потом пришел, когда мы уже уходили, Мережковский. [...] У него приятная улыбка, мне кажется, он искренний человек. Ян вел с ним деловые разговоры насчет печатания книг. [...]

Они показывали свои комнаты. Очень приятные. [...] У них своя мебель, и как это чувствуется. [...]

15 ноября.

Армия Врангеля разбита. Чувство, похожее на то, когда теряешь близкого человека. [...] Вчера у нас обедали Тыркова³⁰ с мужем. Она горит желанием борьбы. [...]

16 ноября.

Мы снова живем от известия до известия. Снова надежда сменяется отчаянием, снова ждем, мучаемся, уходим в себя. [...]

Вчера был у нас П. Б. [Струве. — М. Г.] [...] постарел за это время, но все такой же очаровательный, благородный человек. Он говорил, что теперь он себя чувствует еще более подчиненным Врангелю, чем раньше. [...]

21 ноября.

[...] Весь день перестукивала статью Яна против Уэльса. [...]

Струве просил свести его с Авксентьевым, Фондаминским и Рудневым, чтобы инициативу этого взял на себя Ян. Сегодня мы были у всех трех. [...]

2 дек.

У Яна вчера был сердечный припадок. Его уложили в постель. Он целый день работает. Очень кроток и пока что терпелив. [...]

3 дек.

Яну немного лучше. Но все время он в постели. Я никого к нему не допускаю. [...] Ал. Ив. [Куприн. — М. Г.] бывает, но сидит всегда очень мало. [...]

14/1 [декабря]

[...] Вчера были у нас Толстые и Шполянский. Третьего дня — Тэффи, Лоло, Мережковские. [...] Дам я не пустила к Яну. Мужчины его достаточно утомили.

23/10 дек.

[...] Ян сказал, что если в субботу будет кровь, он согласится на операцию³¹. [...] Ян для ухода больной тяжелый, принимает все, как должное, скуп на слова, на ласки, не проявляет благодарности. Единственные заботы — чтобы я спала. [...]

31/18 [декабря]

Последний день европейского старого года. [...] Сегодня были в первый раз на токах. Ян довольно хорошо выдержал. [...] Сам сошел по лестнице. Обедал за столом и до сих пор не разделся, лежит и читает Герцена. [...]

[Дневники В. Н. за этот год перепечатаны на машинке. Привожу выдержки:]

1 янв./19 дек.

[...] За четверть часа до «басурманского» Нового года я заснула. В 12 часов пришло все семейство Куприных с шампанским. Потом пришел Кузьмин-Караваев¹. Он рассказал, что раз был на заседании «Объединенных Земств и городов», и его поразили отчеты. [...] Отчет о типографии 350.000 франков — устроена она якобы для того, чтобы дать возможность работать беженцам, а работает там только 9 человек. [...] Скоро они удалились.

Днем у нас долго сидел Мирский². [...] Был Ландау. [...] Вечером у нас был Ельяшевич³. [...] Струве он считает одним из крупных людей нашего времени. Говорили о «Деловом комитете». Его формула: «Можно войти в деловой комитет только тем, кто сумеет накормить беженцев, не растратив имущества русского. А то распродадут весь флот и, если падут большевики, не на чем будет перевезти ничего из Крыма в Одессу». [...]

20 дек./2 янв.

Ян проснулся поздно. Настроение у него тяжелое. Он сказал: «вот поправился, а зачем — неизвестно. Хуже жизни никогда не было». [...]

Вчера у Толстых [...] были принц Ольденбургский, Фондаминский, Авксентьев, Тэффи, Балавинский, Ландау и еще кто-то. Ольденбургский очень интересуется эсерами и Толстой, с которым он уже на «ты», сводит его с ними. Устраивает его рассказ в их журнал.

23 дек./5 янв.

[...] Сегодня, когда мы садились в автомобиль, я

видела в окне Авксентьева массу эсеровских голов, очень возбужденных и довольных. Приехал Виктор Чернов⁴. — «Они, кажется, вполне уверились, что опять их времечко настало, опять царствовать начнут», — сказал Ян, усмехаясь:

24 дек./6 янв.

[...] Вечером пришли Толстые, мы уговорили их пойти с нами к Ельяшевич. Там, кроме нас, Толстых, Куприных, были еще Бернацкие. Его я не узнала. Теперь ни один вечер не обходится без министра, хотя бы одного. Вот время! [...] Были разговоры и о Петре Великом, главным образом, между Куприным и Толстым. Куприн нападал на Толстого, что он не так написал Петра. Куприн был сильно на взводе, но все обошлось благополучно.

Была музыка. Бетховен. [...]

26 дек./8 янв.

Аминад зашел и рассказал несколько анекдотов.

Саша Койранский говорит, что он разваливает фронт у эсеров, он секретарь в «Современных записках».

30 дек./12 янв.

[...] Перед сном гуляли, говорили о том, почему партии [...] всегда врут, уверяя, что их программа — это воля народа или воля пролетариата? В действительности, члены партии думают, что это хорошо, что это лучше для народа. [...] Говорили и о будущем России, о том, что фактически ее поделят под видом окрайных государств, где будет протекторат то англичан, то французов, то немцев...

Ян сообщил, что вчера прочел у Герцена, как Гегель сказал привратнице: «Какая скверная погода», а она ответила: «Слава Богу, что такая-то есть, хуже было бы, если бы не было никакой». Герцен нахо-

дит, что это мещанская психология. А ведь это сама мудрость!

1/14 января.

Утром, довольно рано для визита, разбудил меня звонок. Прибыл в Париж Гребенщиков⁵. Я отказалась будить Яна, ссылаясь на его болезнь. [...] Днем был Мирский. [...] У Толстых вчера пировали весело. Сняты были двери между столовой и салоном, и получилась большая комната. [...] Было решено встречать Новый год в 10 часов, в час, когда в России полночь. [...]

Вначале было довольно неоживленно, даже грустно. Все только усердно ели с сосредоточенным видом. Как бывало в 18-ом году в Москве весной. [...] В 10 часов, подняв стаканы, мы выпили за всех близких, оставшихся в России. Потом [...] все немного повеселели. Но разожгло, «раскипятило и воспламенило» всех цыганское пение. Пела Шишкина-Афанасьева, которую теперь пропагандирует Аминад, и чуть ли не все пустились в пляс. Даже Ян не удержался, несмотря на сердце, сделал несколько цыганских движений, с таким выражением, что привел всех в восторг. [...]

В полночь мы, Куприны и Яблоновские ушли. [...]

Гребенщиков рассказывал, что его жена шьет ему костюмы. Вот молодец! [...] Он жил, как бедняк, в Одессе, а потом поехал в Крым и дачу построил. Далеко пойдет и богат будет. И как он ненавидит большевиков, ненавистью мужика, собственника. И сила в нем большая. Но обидчив, как семинарист, и совершенно невоспитан.

7/20 января.

Заседание в Комитете прошло сегодня не очень гладко[...] Когда обсуждался вопрос о просьбе Куприна дать ему 1000 франков, то Д. сказала: «если нет денег, то нельзя жить вдвоем в 4 комнатах». (А их

трое!) Значит, писателю нельзя иметь отдельного кабинета для занятий!? [...]

Вечером Ян с Толстым пошли к Мережковским. Я осталась дома до прихода Аитова. [...] Аитов проводил меня до Мережковских[...] Говорили о плане «Дневника писателей», который хорошо было бы издавать еженедельно, в виде тетрадки[...] Потом говорили об Ангеле и Дьяволе. Затем Мережковский развивал мысль, что биография писателя иногда важнее его творений. Толстой не соглашался. [...]

8/21 января.

[...] Вечером был Ландау, который получил письмо от своих, что они в Ровно. Он был взволнован, растерян и, может быть, поэтому очень интересен. Просидел у нас до 12 часов. Обедал он вместе со Шполянским, Инбером и Габриловичем. Пол-обеда шел разговор о Яне.

— И представьте, что очень редко бывает — все четверо хвалили его. Один даже доказывал, что он очень добрый.

— Конечно, Шполянский, — перебила я.

— Почему вы угадали?

— Потому что я знаю, как он относится к Яну.

9/22 января.

[...] Вечером Ян уехал на заседание в «Общее Дело», а я пошла к Ельяшевич. Там был полковник Тарновский, который изобрел пушки для обстреливания аэропланов. Чертежи остались на Путиловском заводе и вместе с 40 пушками попали в руки большевиков [...] Тарновский уверен, что в головах рабочих и крестьян революция уже миновала, и взять их может всякая власть только так: рабочим дать одежду, стол и дом, крестьянам — землю в собственность. [...]

Я вернулась раньше, потом приехал Ян. Он рассказывал, что на заседании шла речь об «объедине-

нии». Григорий Алексинский говорил, что нужно объединиться всем от монархистов до социал-демократов, но без учредилловцев. [...]

10/23 января.

Днем Гиппиус с Влад. Анан.⁶ [...] Темы самые разнообразные: о каком-то новом объединении, в которое входит и Руднев, и Балавинский, и Карташев, и Мережковские, и куда приглашают Яна. О журнале-дневнике писателей, где каждый писал бы все, что вздумается. [...] О литературе. З. Н. судит обо всех свысока. Она параллельно читала Бунина и Куприна. — «Полная противоположность во всем у вас». Укоряла Яна за «Клашу»: — «Немилосердное отношение к читателю. Писатель должен учить, а вы даете лишь картину». [...]

11/24 января.

[...] Моросил дождь. Как всегда, центр горел огнями, спешили пешеходы, мчались автомобили или стояли заторами. Зашли за пудрой, где нас обдали духами. Заходили в кондитерскую за русскими конфетами. И зачем нужны русские тянучки, когда столько французских конфет, ничуть не хуже русских, здесь приготовленных? Вообще меня раздражает умиленное отношение к «русским» блюдам. [...]

12/25 января.

— Если не будет большевиков, то Алексинский будет бороться с эс-эрами, не будет эс-эров, то он найдет, с кем бороться — вот борец по профессии, — говорил Ян. [...]

13/26 января.

[...] Прочла статью Мережковского. Очень риторично. Ловко написано. Но почему-то не верится, что у него «снята кожа». Слишком много остроумия,

метких слов без крови, а это трогает лишь ум, оставляя спокойным сердце. [...]

15/28 января.

Странный человек Ян: когда на него не обращаешь внимания, он тотчас начинает быть внимательным и даже нежным. [...]

16/29 января.

Были в музее у Мейнгарда, бывшего мирового судьи. Он работал в комиссии по собиранию материалов о большевистских зверствах, портретов деятелей революционного времени и т. д. Рассматривали портреты большевиков. Их 3 категории: звероподобные, фанатичные и евреи, большей частью, с красивыми лицами, задумчивыми глазами. Есть в этом собрании ящик с челюстями — челюсти убитых генералов. [...]

Вечером у нас Толстой с Куприным переделывали из «Жидкого солнца» пьесу для кинематографа. Ян присутствовал и иногда давал советы [...]

17/30 января.

[...] Обедали у Ельяшевич. Вас. Бор. развивал планы основания здесь академии для спасения русской культуры в лице писателей и ученых. [...]

20 янв./2 февраля.

[...] Утром к нам заходил Мережковский. Вел беседу о Христе: «Главное теперь нужно знать, какое у кого отношение к Христу». Беспокоится, чем жить. Опять говорил о «Дневнике писателей», — редкий случай, такое множество писателей в одном центре, непременно следует этим воспользоваться, а между тем, все живут вразброд.

21 янв./3 февраля.

[...] Сейчас у нас сидит Штерн⁷. Пришел узнать о

здоровье Яна. Он ушел из «Общего дела» [...] долго и пространно объяснял свое политическое кредо. Когда он ушел, Ян [...] сказал:

«Все это не спроста. Он, вероятно, с Милюковым войдет в «Последние Новости», мнбгих, конечно, оттуда выпрут. Аристократия и правящие круги, чорт знает, что делают, по-русски, себе на погибель, а с другой стороны, когда будут писать про революцию, писать будут лучше, чем про французскую. Тогда учтут, что наши «зубры» дали своих детей, которые и положили головы за други своя и в корниловские дни и после. Список знатных фамилий будет длинный, и какие юноши. Это тебе не краса и гордость революции. А что делала демократия? Низы грабили, а наверху болтали. Я исключаю простого обывателя, который и там и сям просто умирал».

Штерн говорил, что в России скорее примут красного генерала, чем генерала типа Врангеля. [...] говорит, что эс-эры мечтают пока о власти, а социализм они будут вводить исподволь.

22 янв./4 февраля.

Приехал Струве. Вошел к нам взъерошенный. И первый вопрос: «Есть рассказ?»

[...] в первой книжке статья Шульгина, затем статья о Блоке. Едва ли выйдет что-либо из этой затеи, особенно слабо будет в беллетристическом отношении.

Завтрак с Топорковым тоже ничего утешительно не дал. Денег у «Общего дела» нет. Топорков просил Яна писать, но в кредит. [...] В «Земле» тоже касса пуста. [...]

23 янв./5 февраля.

[...] Вчера был Толстой. Пришел расстроенный. Я спросила, не случилось ли что? Нет, ничего. [...] в конце концов, он развеселился, хотя перед уходом я опять заметила у него блеск ужаса в глазах. Сегодня

была Наташа и рассказала, что вчера они поссорились: был день ее рождения, а Алеша не поздравил ее и весь день его не было дома [...] Обедала она с Балавинским, ужинала со Шполянским. [...] Наташа похорошела, ее пьянит успех. [...] Есть муж, заботящийся о хлебе насущном, не мучающий ее ревностью. [...]

24 янв./6 февр.

[...] Год тому назад мы распрощались с Буковецким и в последний раз прошли по одесским улицам. [...]

25 янв./7 февраля.

Вернулись от Толстого. Наташи не было дома. [...] я сидела в кресле и слушала разговоры двух писателей. Алеша уверял, что в марте конец большевикам. [...] Потом они говорили о положении писателей, о гонорарах, которые хотел предложить Струве. [...]

28 янв./10 февраля.

[...] Потом к нам пришли Мережковские и Ельяшевич. Толстой почему-то очень боится Мережковских. Все время нас останавливал, когда мы громко смеялись или что-либо возражали им. В нем есть что-то непонятное. Почему такой трепет перед ними? Они держатся просто и не требуют никаких привилегий по крайней мере в обхождении.

Главная тема разговора — издание «Дневника писателей». [...]

29 янв./11 февраля.

У нас завтракают Струве и Шполянский. [...] Петр Берн. [Струве. — М. Г.] думает, что Россия в будущем будет жить с Германией и Балканами, а поэтому, по его мнению, нужно переезжать на Балканы. [...] Струве удивляется, как до сих пор интеллигенция не понимает, какая разница между Россией до 17 октября 1905 г. и Россией после этой даты. И вот за это непо-

нимание теперь и расплачивается [...] много было сделано Россией в промежуток между 17 окт. 1905 и 27 февр. 1917 г. [...]

30 янв./12 февраля.

[...] Был князь Аргутинский⁸, очень милый и редко порядочный человек. Рассказал под секретом, что у его близких знакомых покупают сахарные заводы на Украине за миллион фунтов стерлингов. А во-вторых, из Швейцарии слух от самого Скоропадского, что с помощью немцев будет восстановлена гетманщина, но Скоропадский просил передать что он русский монархист, а все до поры до времени. [...]

13/26 февраля.

Вчера Куприны, Ландау, Шполянский и мы обедали у Толстых. Обед был тонкий, с шампанским-асти. После обеда все отправились к Рябушинской⁹ на вечер. Она очень странная женщина, некрасивая, но очень приветливая, милая, хотя, конечно, большая истеричка. Живет она в мастерской и любит приглашать к себе всех более ли менее известных людей, хочет устроить салон. Но народу было так много, что даже теряется всякий смысл этих собраний, хорошо еще, что ее ателье высокое и воздуха достаточно. Стены увешаны картинами, но рассмотреть их не удалось. Много титулованных, богатых евреев, Маклаков с Марусей [...] художники, общественные деятели и красивые дамы. [...]

14/27 февраля.

Забегала к нам Рябушинская, протараторила что-то и убежала. [...] «У меня все или имена, или титулованные, или денежные мешки бывают. Некрасивых женщин я не приглашаю. [...] Но вы заметили, какая у меня дисциплина? Я всех держу в руках. [...] Меня всюду приглашают на обеды, но я не могу никуда попасть».

15/28 февраля.

Вчера обедали в кабачке. Угощал Карташев. Много говорили о религии, православной и католической церквях. Карташев горячо нападал на католическую церковь за их гордыню — только священнослужители принимают Причастие в двух видах: вино и хлеб, а всем остальным дается лишь хлеб.

22 февр./7 марта.

Вчера вечером, весь мокрый, пришел к Ельяшевич Струве. Он получил телеграмму от сына из Берлина: «Большевицкое правительство свергнуто»¹⁰. Они не верят, но взволновались очень. [...]

[С этого числа начинаются и записи Ивана Алексеевича Бунина за 1921 год. Записи перепечатаны на машинке. Привожу выдержки.]

Понедельник 22 февр./7 марта, 1921 г. Париж.

Газета удивила: «На помощь!» Бурцева, «Спешите!» А. Яблоновского («Хлеб в Крон[штадте] должен быть не позже вторника или среды!») [...] Неужели правда это «революция»? [...] До сегодня я к этой «революции» относился тупо, недоверчиво, сегодня несколько поколебался. Но как и кем м. б. доставлено в Кр[онштадт] продовольствие «не позже среды»? Похоже опять на чушь, на русскую легкомысленность. [...]

Вечером Толстой. «Псков взят!». То же сказал и Брешко-Брешковский. Слава Богу, не волнуюсь. Но все-таки — вдруг все это и правда «начало конца»!

23 февр./8 марта.

[...] С волнением (опять!) схватился нынче за газеты. Но ничего нового. В «падение» Петерб. не верю. Кр. — может быть, Псков тоже, но и только. [...]

Вечером заседание в «Общ. Деле», — все по поводу образования «Русского комитета национ. объединения». Как всегда, бестолочь, говорят, говорят... [...]

Возвращался с Кузьм[иным]-Караваевым. Он, как всегда, пессимист. «Какая там революция, какое Учр. Собр.! Это просто бунт матросни, лишенной советской властью прежней воли ездить по России и спекулировать!»

25 февр./10 марта.

По газетам судя, что-то все-таки идет, но не радуюсь, равнодушие, недоверие (м. б. потому что я жил ожиданием всего этого — и каким! — целых четыре года.)

[...] Американский Кр. Кр. получил депешу (вчера днем), что «Петроград пал». Это главное известие. [...]

Вчера до 2-х дочитал «14 Декабря». Взволновался, изменилось отношение к таланту Мережковского, хотя, думаю, это не он, а тема такая. [...]

28 февр. /13 марта.

Дело за эти дни, кажется, не двинулось с места. Позавчера вечером у меня было собрание-заседание Правления Союза Рус. Журналистов, слушали обвинение Бурцева против Кагана-Семенова [...] Бурцев заявил, что он, Каган, был агентом Рачковского. Были А. Яблоновский, Мирский, С. Поляков, Гольдштейн, Толстой, Каган и Бурцев. — Яблоновский сообщил, что получены сведения о многих восстаниях в России, о том, что в Царицыне р а с п я т о 150 коммунистов. Толстой, прибежавший от кн. Г. Е. Львова, закричал, что, по сведениям князя, у большев. не осталось ни одного города, кроме Москвы и Петерб. В общем, все уже совсем уверены: «Начало конца». Я сомневался.

Вчерашний день не принес ничего нового. Нигде нельзя было добиться толку даже насчет Красной Горки — чья она? [...]

Нынче проснулся, чувствуя себя особенно трезвым к Кронштадту. Что пока в самом деле случилось? Да и лозунг их: «Да здравствуют советы!» Вот тебе и парижское торжество, — говорили будто там кричали: «Да здравствует Учр. Собр.!» — Нынче «Новости» опять — третий номер подряд — яростно рвут «претендентов на власть», монархистов. Делят, сукины дети, «еще не убитого медведя». [...]

1/14 марта.

[...] Прочел «Нов. Рус. Жизнь» (Гельсингфорс) — настроение несколько изменилось. Нет, оказывается, петерб. рабочие волновались довольно сильно. Но замечательно: главное, о чем кричали они — это «хлеба» и «долой коммунистов и жидов!» Евреи в Птб. прятались, организовывали оборону против погрома... Были случаи пения «Боже, Царя храни».

У нас обедал Бярятинский. Затем мы с Куприным и Толстым были в Бул[онском] лесу на острове.

2/15 Марта.

[...] Савинков в «Свободе» все распинается, что он республиканец. А далеко не демократически говорил он, когда мы сидели с ним по вечерам прошлой весной, перед его отъездом в Польшу!

[Из записей Веры Николаевны:]

12/25 марта.

[...] Поляков много и долго говорил о «Деревне». Ландау сострил: — Новость. Поляков открыл «Деревню». — И правда Поляков признался, что раньше он этой книги не читал, да и вообще мало читал Бунина, а теперь, прочтя, пришел в восторг. [...]

13/26 марта.

[...] Прочла «Дневник» Гиппиус. Как все интересно, что относится к России. [...] Ян сказал: — Вот Гиппиус интеллигентная женщина, а Наташа и Тэффи неинтеллигентные, хотя Тэффи умна, умнее Гиппиус. Но все они — не добрые. [...]

20 м./2 апреля.

У нас обедал Т. Ив. Полнер. Он много рассказывал. Рассказывает он хорошо, художественно. Вспоминал Чехова, Гольцева, Лаврова...

Одно время Чехов тоже много пил вместе с «Русской Мыслью». Иногда [...] всю ночь переключивались из ресторана в ресторан. — «Вероятно, от этого сильно попортилось здоровье Антона Павловича.» [...]

Когда пили в «Русской Мысли», участники любили говорить речи. Раз приехал Чехов, стали его чествовать, а он взял да и завел речь о том, каким крючком какую рыбу нужно удить.

— Я один раз видел, как рассердился Чехов. Кто-то за обедом предложил послать телеграмму Короленко. Лавров стал говорить против, указывая, что Короленко не всегда честно относился к редакции, — намек на неотработанный аванс. Чехов так рассердился, что побежал сам послать телеграмму. [...]

21 м./3 апреля.

[...] Вечером у Куприных набился народ: Яблоновские, Толстой, Брещко, Ладыженский и, несмотря на плакат: «Без политики», весь вечер говорили о ней.

[Из дневника И. А. Бунина:]

1/14 Апр.

Вчера панихида по Корнилове. Как всегда, ужасно волновали молитвы, пение, плакал о России.

Савинков в Париже, был у Мережковских. Он убежден, что осенью большевикам конец. В этом убежден, по его словам, и Пилсудский, «который как никто осведомлен о русск. делах».

2/15 Апр.

[...] «Полудикие народы... их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражд. жизни, легкомыслие и жестокость...» («Капит. Дочка»). Это чудесное определение очень подходит ко всему у рус. народу.

«Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких нравственных потрясений...»

«Те, которые замышляют у нас переворот, или молоды, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, которым и своя шейка — копейка и чужая головушка — полушка...» («Кап. Дочка») [...]

4/17 Апреля.

Опять идет снег, белый, хлопьями. Лежу со льдом, — опять кровь. Вчера приехал Манухин¹¹, мы хотели его устроить на квартире Куприных, которые уезжают в Севр. Говорит, что отношение к советской власти резко ухудшилось со стороны всех в России — он из Птб. всего полтора месяца, — убежден, что нынешним летом все кончится. Но настроение там у всех еще более подавленное, мало осталось надежд на иностр. или белую помощь. [...]

Читаю Соловьева — т. VI. [...] Беспрерывная крамола, притязание на власть бояр и еще неконченных удельных князей, обманное «целование креста», бегство в Литву, в Крым, чтобы поднять врагов на Москву, ненасытное честолюбие, притворное раскаяние («бьют тебе челом, холоп твой») и опять обман, вза-

имные укоры (хотя слова все-таки были не нынешние; «хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество...»), походы друг на друга, непрерывное сожжение городов, разорение их, «опустошение до тла» — вечные слова русской истории! — и пожары, пожары... [...]

5/18 Апр.

Карташев прислал несколько номеров советских газет. Уж, кажется, на что хорошо знаю советскую прессу — и все таки опять поражен. Да, никогда еще в мире не было ничего подобного по гнусности и остревенелости повторения одного и того же в течение четырех лет буквально изо дня в день, из часа в час! [...]

6/19 Апреля.

Уехали на дачу в Севр Куприны. Мне очень грустно, — опять кончился один из периодов нашей жизни, — и очень больно — не вышла наша близость. [...]

Была Гиппиус. О Савинкове: читал доклад о своей деят[ельности] у Чайковского, — грубое хвастовство — «я организовал 88 пунктов восстаний, в известный момент они все разом ударят...» Парижской интеллигенции грозил: «Мы вам покажем, болтунам!» С языка не сходит «мужик» — «все через него и для него», «народ не хочет генералов». Я сказал Гиппиус: что же этот народ за ним не пошел, — ведь он не генерал? Что значит «организовал»? Ведь тут легко что угодно врать! А насчет «мужика» совсем другое говорил он мне прошлым летом! — «Пора Михрютку в ежовые рукавицы взять!»

8/21 Апр.

[...] Герцен все повторял, что Россия еще не жила и потому у нее все в будущем и от нее свет миру. Отсюда и все эти Блоки!

[Из дневника Веры Николаевны:]

10/23 апреля.

[...] Прочла в «Последн. Нов.», что в «Союзе литераторов и журналистов в Париже» председателем избран Милуков, а товарищем председателя — Ян. И Ян это узнает из газет. После последнего заседания прошла почти неделя и никто не удосужился об этом известить Яна. Конечно, Ян сейчас же послал заявление и Милукову, и в газету, что он отказывается от этой чести. [...]

Днем мы были на лекции Бальмонта. Он смело говорил о большевиках, были и лирические отступления. Контрреволюция приобрела еще одного сторонника. [...] Вернувшись домой, мы застали у нас Толстого. Пришел нас звать на чтение его последнего рассказа «Никиты Шубина». [...]

11/24 апреля

[...] Вечером у нас гости: Алданов, чета Гребенщиковых, Потресов, чета Кречетовых¹², Алексинская, Яблоновский, чета Голобородько. [...] Вечер прошел очень оживленно. [...] Много кричали по поводу Распутина. [...]

13/26 апреля.

[...] бедная Рябушинская скончалась. [...]

Толстой сделал вчера скандал Т. Ив. Полнеру за то, что тот не мог дать ему сразу денег за рассказ «Никита Шубин», т. к. еще не было постановлено в Объединении, брать ли этот рассказ для беженских детей или нет [...]

Ян после завтрака [...] возвращался с Поляковым и Толстым. [...] Толстой снова кричал, что он «творец ценностей», что он работает. На это Ян совершенно тихо:

— Но ведь и другие работают.

— Но я творю культурные ценности.

— А другие думают, что творят культурные ценности иного характера.

— Не смей делать мне замечания, — закричал Толстой вне себя, — Я граф, мне наплевать, что ты — академик Бунин. — Ян, ничего не сказав, стал прощаться с Поляковым [...] потом он говорил мне, что не знает, как благодарить Бога, что сдержался.

Тих. Ив. [Полнер. — М. Г.] очень расстроен, не спал всю ночь. И правда, он всегда старался помочь писателям [...] и вдруг такое оскорбление. Ян, как мог, успокоил его. И прямо оттуда поехал к Тэффи на репетицию писательского спектакля. [...]

Когда пришел Толстой, он подошел к Яну и сказал: «Прости меня, я чорт знает, что наговорил тебе», и поцеловал его. [...]

Все это я записала со слов Яна. [...]

18 апр./1 мая.

Наш Светлый Праздник. Встретили мы его в церкви. [...] Сначала Толстые стояли от нас поодаль. Но после христосования они позвали к ним разговляться. [...] таким образом, окончательно помирились Ян и Алеша. [...]

27 апр./10 мая.

[...] Вечер мы провели с Эренбургом¹³. Вид у него стал лучше, он возмужал. Кроме нас, был приглашен только Ландау. Сначала Эренбург рассказывал все спокойным повествовательным тоном. Неожиданно пришел Бальмонт, который тотчас же сцепился с ним.

Бальмонт: У большевиков во всем ложь! И как иллюстрацию, привел, что Малиновский, архитектор, друг Горьких, сидя у Кусевицкого, развивал теорию, как устроить супопровод, чтобы в каждый дом можно было доставлять суп, как воду.

— А я в тот день ничего не ел, воровал сухари со

стола, стараясь схватить еще и еще, чтобы другие не заметили, — задорно говорил Бальмонт.

Эренбург: Мне тоже приходилось воровать, но не в Советской России, а в Париже. Иногда воровал утром хлеб, который оставляют у дверей. И часто, уходя из дому богатых людей после вечера, подбирал окурки, чтобы утолить голод, в то время как эти люди покупают книги, картины.

— Ну, да мы знаем, кто это, — вставил Толстой, — это наши общие друзья Цетлины.

Все засмеялись.

Очень трудно восстановить ход спора между Бальмонтом и Эренбургом, да это и не важно. Важно то, что Эренбург приемлет большевиков. Старается все время указывать то, что они делают хорошее, обходит молчанием вопиющее. Так он утверждает, что детские приюты поставлены теперь лучше, чем раньше. — В Одессе было другое, да и не погибла бы дочь Марины Цветаевой, если бы было все так, как он говорит. Белых он ненавидит. По его словам, офицеры остались после Врангеля в Крыму главным образом потому, что сочувствовали большевикам, и Бэлла Кун расстрелял их только по недоразумению. Среди них погиб и сын Шмелева...¹⁴ Трудно представить себе, что теперь с его родителями. По рассказам Эренбурга, телеграмма, которой отменялся расстрел, опоздала. Эренбург бежал из Крыма, где белые его будто бы чуть не утопили. За что? Добрался до Тифлиса, а уж оттуда в Москву. В Крыму он голодал. В Москву явился в таких штанах, что даже в мужском обществе нельзя было снять пальто. В Москве он прожил 5 месяцев. Две недели его не трогали. Он объявил вечер стихов. На вечере его арестовали и отправили в Че-ка, где продержали 3 дня. Обращение с ним было хорошее, как «при царском режиме». На допросе выяснилось, что его обвиняют, что он агент Врангеля, и что донес на него один писатель. Он объяснил, как

его преследовали в Крыму, что он там выстрадал, кроме того, кто-то из сильных из советского мира хлопотал за него, и его выпустили. Он начал заниматься детскими приютами, получил академический паек, паек на обед в Метрополе, где живет его товарищ по гимназии Бухарин. Затем он выступает на вечерах, а к марту месяцу получает командировку за границу. Едет в спальном вагоне до самой эстонской границы...

Почему же, если так там хорошо, он уехал за границу? И откуда у него столько денег, ведь в Москву он явился без штанов в полном смысле слова? Неужели скопил за 5 месяцев? И как его выпустили? Все это очень странно. [...]

Он очень хвалил Есенина, превозносил Белого. [...] Потом он читал свои стихи. [...] Писать он стал иначе. А читает все так же омерзительно. Толстые от стихов в восторге, да и он сам, видимо, не вызывает в них отрицательного отношения.

Когда, уходя, я сказала Наташе, что Эренбург рисует жизнь в России не так, как есть, она вдруг громко стала говорить:

— Нет, лучше быть в России, мы здесь живем Бог знает как, а там жизнь настоящая. Если бы я была там, я помогала бы хоть своим родителям таскать кули. А тут мы все погибаем в разврате, в роскоши.

Я возразила — живем мы здесь в работе, какая уж там роскошь!

[...] Вообще, Толстые делят людей на нужных и ненужных, и нужных сильно оберегают от мнимых соперников.

Возвращались с заседания с М. С. Цетлиной. Эренбург произвел на нее ужасное впечатление, так же, как и на «Мишечку». Эренбург говорил у них: — «Во власти большевиков есть творческое начало, большевиков нечем заменить».

Я поделилась своим впечатлением об Эренбурге. Рассказала, что Ян за весь вечер не произнес ни единого слова и почти «заболел» после этого свидания. Передала его слова: «То, что говорит Эренбург, душа принять не может». А Толстые этого не понимают... И Наташины тирады насчет подлой жизни здесь очень противны. Кто им велит здесь вести такую жизнь, какую они ведут?

Вечер Гребенщикова прошел так, как он хотел — были и генералы, как на свадьбе, да и вид у него был какой-то жениховский. А какой у него страшный лоб! Высокий, в пол-лица. [...]

[Из дневника Ив. Ал. Бунина:]

6 мая (пятница) 21 года.

Был на похоронах Кедрина. Видел его в последний раз в прошлую субботу, еще думал о нем: «Да, это все люди уже прошлого времени, — заседания, речи, протесты...» Он принес нам — это было заседание Парламентского Комитета — свой проект протеста на последнее французское офиц. сообщение о Врангеле. Опять протестовать? — говорили мы с Кузьм[иным]-Карав[аевым]. Да и все полагали, что это просто бесполезно. Однако, он настаивал. Всем хотелось разойтись — из неловкости стали слушать. Волновался, извинялся — «это набросок» — путался, я слушал нетерпеливо и с неловкостью за него. Мог ли думать, что через неск. дней он будет в церкви?

Нынче прелестн. день, теплый — весна, волнующая, умиляющая радостью и печалью. И эти пасх[альные] напевы при погребении. Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я — всю прежнюю жизнь, Россию...

[Из записей Веры Николаевны:]

14/27 мая.

[...] Манухин развивал идею, что все-таки большевики делают хорошо, что заботятся о мозге страны, т. е. о писателях, ученых, артистах и т. д. [...]

16/29 мая.

Лекция, вернее, — продолжение диспута по поводу доклада Шестова¹⁵ «Де профундис». Говорили Демидов¹⁶, Чайковский, Мережковский.

Демидов [...]: мы только тогда можем по-настоящему бороться и побороть большевиков, когда мы будем истинно религиозными и когда материализму большевиков будет противопоставлено христианство. [...]

Затем около часа говорил Чайковский. Говорил он очень элементарно, но искренне [...] развивал идею, что если может существовать коммуна, то только на религиозном основании. [...]

После его речи был перерыв, а после перерыва, запел Мережковский и пел он о вакханках, о Дионисе. Все это было интересно само по себе, но каждый говорил свое, а не на тему, на которую читал Шестов. [...]

За недостатком времени Мережковскому так и не удалось кончить, а Шестову многоречивые оппоненты даже не дали возможности сказать заключительного слова.

20 мая/2 июня.

Звонок. Отворяю. Гиппиус. Очень интересная. [...] Потом мы пошли с З. Н. в кухню. Я предложила ей отведать супа из куриных потрохов. Ей он очень понравился. Потом мы пили чай. К нам вышел Ян в зеленом халате:

— Настоящий Иоанн Грозный! — сказала она протяжно.

Заговорили о том, как ее продернули за то, что она в дневнике часто употребляет слово «еврей».

— Какая же я антисемитка, когда в меня всегда евреи влюблялись.

Тогда мы, шутя, стали доказывать ей, что она и мучила их из-за антисемитизма. Она смеялась и рассказывала, как ее всегда называли «гойкой» и Волынский и Минский.

Потом она стала рассматривать халат Яна, подкладку, и просить Яна, чтобы он надел его наизнанку. Ян вышел в другую комнату и вернулся весь красный.

— Вы настоящий теперь Мефистофель.

Зашла речь о том, что теперь красный цвет вызывает неприятное ощущение.

— Я теперь уже отошел, но в Одессе после большевиков красный цвет доставлял мне настоящие физические мучения, — сказал Ян, — этот халат был сделан еще в шестнадцатом году.

25 мая/7 июня.

[...] Мережковские заботливо относятся к Яну, стараются устраивать переводы его книг на французском языке. Меня трогает это очень. Вообще, репутация часто не соответствует действительности. Про Гиппиус говорили — зла, горда, умна, самомнительна. Кроме умна, все неверно, т. е. может быть, и зла, да не в той мере, не в том стиле, как об этом принято думать. Горда не более тех, кто знает себе цену. Самонительна — нет, несколько в дурном смысле. Но, конечно, она знает свой удельный вес. [...]

[...] мы сидели в комнате Вл. Ан. [Злобина. — М. Г.] с ним и с З. Ник. Говорили о поэзии и о поэтах. З. Н. читала свои стихи. Мне нравится, как она читает: просто, понятно. [...]

Ян вдруг спросил:

— Скажите, как вы могли переносить Блока, Белого? Я совершенно не мог. Я понимаю, что в Блоке

есть та мать, которая делает поэтов, но все же многое мне в нем непереносимо. А Белый просто не поэт.

Она защищала их, но слабо, потом прочла свое стихотворение, в котором она говорит, что Христос отвернулся от них и никогда не будет с ними.

2/15 июня

Вчера у Рожиной-Инсаровой¹⁷ было приятно: простая квартира, простые хозяева. Муж ее, граф Игнатъев, мне понравился, типа Николая Ростова, честный, дородный офицер, прекрасный сельский хозяин, к ней очень не подходит. Она прежде всего актриса. Не умеет находить простых слов и говорить не в повышенном тоне. [...] Был там и Плещеев, сын поэта [...] кажется, милый, но очень недалекий человек [...]

3/16 июня.

[...] Были на выставке «Мира Искусства». Хорошо, талантливо, но чувствуется во всем нарочитость страшная. Пикассо указал на этот же недостаток Цетлину. — «Слишком много русского. Вот, например, эта красная краска, может быть, вам, русским, много говорит, а мне она ничего не говорит».

[...] На выставке был весь наш бо-монд. [...] Познакомился с Милюковым. Он все просил напомнить, где мы раньше виделись. [...]

4/17 июня.

[...] Гр. Игнатъев хорошо рассказал, как Керенский под зонтиком на фронте говорил речь, смысл которой был: «Вперед, а я за вами». И никто не пошел, кроме офицеров, а сам Керенский даже и за ними не пошел, а отъехал на более дальние и безопасные позиции. [...]

Рожина просила у Земгора 10000 фр. для устройства в Софии драматической школы и образования труппы. Ей отказали. Против были эс-эры.

6/19 июня.

Проснулась поздно. Вошел Ян со словами: — Большая неприятность, умерла Вера Николаевна Чайковская.

[В тот же день Иван Алексеевич записал (рукопись):]

6/19. VI. 21. Париж.

Собаченка брешет где-то, а я: «собаченка брешет на улице, а ее уже нет...» Ее — Чайковской. И вроде этого весь день. А ведь я видел ее три-четыре раза за всю жизнь, и она была мне всегда неприятна. Как действует на меня смерть! А тут еще и у нас в доме кто-то умер (против Карташевых). И вот уже весь дом изменился для меня, проникся чем-то особенным, темным.

Что так быстро (тотчас же, чуть не в первый же день) восстановило меня против революции («мартовской»)? Кишкин, залезший в генерал-губернаторский дом, его огромный «революционный» бант (красный с белым розан), страстно идиотические хлопоты этой психопатки К. П. Пешковой по снаряжению поездов в Сибирь за «борцами», своеволие, самозванство, ложь — словом, все то, что всю жизнь ненавидел.

[Через два дня Бунин записывает:]

8/21. VI. 21. Париж.

Прохладно, серо, накрапывает. Воротились из церкви — отпевали дочь Чайковского. Его, седого, семидесятилетнего, в старой визиточке, часто плакавшего и молившегося на коленях, так было жалко, что и я неск. раз плакал.

Страшна жизнь!

Сон, дикий сон! Давно-ли все это было — сила, богатство, полнота жизни — и все это было наше, наш дом, Россия!

Полтава, городской сад. Екатер[инослав], Севастополь, залив, Графская пристань; блестящие морск. офицеры и матросы, длинная шлюпка в десять гребцов... Сибирь, Москва, меха, драгоценности, сиб[ирский] экспресс, монастыри, соборы, Астрахань, Баку [следуют 2 неразборчиво написанных слова. — М. Г.]... И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже посл. родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость Божия...

[Из записей Веры Николаевны:]

10/23 июня.

Банкет с французами [...] Был и Эррио. Мордастый, плечистый француз-сангвиник. Говорил, что он будет оказывать помощь писателям, пострадавшим от большевизма. [...] Ян скептически отнесся ко всем его обещаниям. [...]

Рядом со мной сидел Розенталь, король жемчугов, он русский еврей, ставший французом. Родился в Ставрополе, все богатство приобрел сам своим коммерческим гением. [...] Он очень прост, видимо, интересуется русскими писателями. [...] Он нас пригласил к себе. У него свой отель около парка Монсо. [...] По-едем и посмотрим, как живут в Париже миллионеры.

11/24 июня.

У меня обедали Аргутинский, Бакст¹⁸ и Белобородко [ошибка, речь идет об архитекторе Белобородове. — М. Г.]. Готовила два обеда: один обычный, а другой вегетарианский, без соли, для Бакста. Бакст принес духов. Он на досуге занимается приготовлением духов. [...]

О Мережковском Бакст сказал, что он самый бессердечный человек, какого он знает, что он ничем не интересуется, кроме своего. Ни музыка, ни картины для него не существуют. З. Н. интересуется миром больше или делает вид. — Мережковский, правда, теперь всегда вопит: «главное деньги». [...]

13/26 июня.

Вчера у нас сидел мальчик, князь Шаховской¹⁹. [...] Он пришел с очень вытянутым лицом, похудевшим и печальным: несколько дней тому назад он узнал о смерти своего отца. [...] Я убедилась, что он в некоторых отношениях замечательный юноша. В них, этих Шаховских, есть безусловно нравственная сила. [...]

14/27 июня.

Вечер Бальмонта с Прокофьевым. [...] Бальмонт читал какую-то бесконечную поэму, кажется, переводную. Я ничего не поняла, т. к. сидела далеко, в вестибюле. В антрактах разносили чай, напитки, бутерброды, птифуры. Цетлины принимают щедро. [...]

19 июня/2 июля.

Поздно засиделись у Аргутинского вчера, где были Бакст и Нувель. [...] Все общество было приблизительно одних вкусов. Так Нувель и Бакст так же, как и Ян, терпеть не могли Комиссаржевскую, как актрису. [...] Ян прочел свой рассказ «Илья-Пророк», спрашивал совета, нужно ли этот рассказ вставлять в сборник его переводов на французский язык? Рассказ всем понравился. [...] Долго обсуждали, какие рассказы включить в книгу. Все советуют — русские, а общечеловеческие подождать, но сам Ян в этом не убежден.

Напоследок Нувель представил, как Мережковский был на выставке «Мира Искусства» и говорил: «Все-таки нужно посмотреть на картины, Зина, а то неловко...» А пришел он, чтобы с кем-то встретиться. [...]

[Из дневника И. А. Бунина (рукопись):]

27/14 июня

Вчера были у «короля жемчугов» Розенталя. [...] Рыжий еврей. Живет [...] в чудеснейшем собств. отеле (какие гобелены, есть даже церковные вещи из какого-то древн. монастыря). Чай пили в садике, который как бы сливается с парком (Мопсеау). [...] Сам — приятель Пьера Милля, недавно завтракал с А. Франсом. Говорят, что прошлый год «заработал» 40 миллионов фр. [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

4/17 июля.

Перебিরались на новую квартиру. Ян сказал: «Мне все хочется плакать. [...] Переезжаю, а чем буду платить — не знаю». [...] Часа в 3 пришел Бальмонт с кианти. [...]

5/18 июля.

[...] Ян томится. Третье лето в городе. [...] Ян заражен жаждой ехать, но сам не знает, куда? На океан или в Висбаден?

[В Висбадене это лето проводили Мережковские. В архиве сохранились письма З. Н. Гиппиус:]

4 июня 21 [...]

Милый друг, Иван Алексеевич.

Холод собачий. У Д. С. сначала был насморк, а потом заболели зубы. Кроме того — скука, такая скука, уж даже не знаю какая и чья, похуже собачьей. Толстые немки с толстыми ногами в толстых чулках. Иногда старик на четвереньках [...] Правда, говорят, что когда он сюда приехал, то и на четвереньках не ходил, но для меня это дела не меняет.

Приятен только бесконечный Таупус, вековой лес, — но он от нас довольно далеко, в 15 минутах. [...]

Если бы вы сюда приехали, то месяц вам вдвоем стоил бы 500 франков. Но скука такая, что можно проклясть эти 500 франков. [...] Должно быть, если б вы приехали, нам всем не так было бы скучно. [...]

[В следующем письме Гиппиус уже определенно зовет Бунина приехать:]

[...] 17 Июля 21.

Maestro,

[...] У меня, однако, более широкие надежды: я нахожу, что вы бы не раскаялись, если б приехали сюда. Зная ваш капризный характер и боясь ответственности, я вас не убеждаю; но зато нарисую вам беспристрастную картину данного, а там — решайте сами.

Мы живем во флигеле, стоящем в саду. Наши комнаты в дальнем коридоре. Живем, как на даче. Никого не видим, да как-то мало кто тут и есть. Ванны в большом доме, который тоже не велик. В саду валяемся на кушетках. Столовая — в больш. доме, наш столик прямо у двери в зимнюю галлерею, откуда мы приходим, никого не видим, ибо в столовой полутемно и тихо, — уходим. С балкона у нас только деревья парка, идущего далеко-далеко, до самого Курзала. С другой стороны нашего дома — поля, за ними начинается лес. [...]

Имеем чудесное молоко, какого годы не пивали. За Д. С. ухаживают: дали ему столько столов, что он всю комнату загородил от жадности.

Вы вдвоем, при 2-х комнатах и при extra вряд ли проживете 1000 фр. в месяц, разве уж очень постараетесь и В. Н. соблазнится висбаденскими магазинами. [...]

Папиросы здесь так хороши и такие дешевые, что я даже рассчитываю: не написать ли мне здесь все

статьи на зиму? Писанье требует многих папирос, а в Париже они 22 фр. сотня, т. е. 132 марки, а здесь (самые дорогие) 5 фр. сотня! Подумайте! Пять франков! [...]

Только не оставайтесь в Париже, это уж совет! В августе там пущая жара. Кланяюсь В. Н. Она бы здесь отдохнула от своего газа. У нас и свой доктор — очень дискретен и «литературен».

Если решитесь — телеграфируйте. Низкий поклон.

Ваша З. Гиппиус.

[Из дневника Веры Николаевны:]

18/31 июля.

Вчера часов в десять вечера прибыли в Висбаден. Ехать было хорошо, хотя и утомительно [...] На таможене обошлось все благополучно, провезли немного больше, чем позволяет, денег. Хорошо светились огни Майнца, и при звездах я впервые увидела Рейн. [...] На вокзале нас встретил Злобин. Весь в белом, без шапки. Злобин сказал: «Дмитрий Сергеевич читает об Египте, ему немецкие библиотеки присылают самые редкие издания, Зинаида Николаевна читает английские романы, а я изучаю романтиков для своей диссертации».

Когда мы приехали, то тотчас пошли к Мережковским. Комнаты у них великолепные, у всех трех, огромные, высокие, — а у нас паршивые. Они встретили нас очень радостно. [...] Посидев немного, мы пошли спать. Ян был недоволен. Комната с тонкими стенами, за которыми живут беспокойные люди.

— Завтра же нужно искать, где поселиться, здесь я жить не в состоянии. Другое дело — комнаты Мережковских. Но, конечно, сезон и теперь, вероятно, ничего не получишь. Зря приехали.

Я тщетно старалась его успокоить, он только сердился.

22 июля / 4 августа.

«Погубительница России — это мягкотелая интеллигенция, которая любит только пофигурировать. [...] Нет, если бы все отказались работать с большевиками и народ узнал бы, что помогут только при условии ухода их от власти, то в колья бы взяли большевиков! [...]» — говорил Ян, прочитав газеты.

23 июля / 5 августа.

[...] Под вечер зашел к нам Злобин. Они вели с Яном разговор о значении биографии. Ян доказывал, что биография не важна.

24 июля / 6 августа.

Ходила в город. Когда вернулась домой, Ян сказал: «На беззаботную семью, как гром, свалилась Божья кара»... Я испугалась: что такое? Оказывается, что Мережковских гонят из их апартаментов: слишком большие комнаты для одного человека!

Дмитрий Сергеевич так расстроился, что даже не поехал с нами в лесную санаторию. Мы смотрели там комнаты.

Был у нас Кривошеин²⁰ с младшим сыном. [...] Он находит, что монархия много сделала: «вывезла Россию из тьмы и топи, поставила на европейскую ногу». [...] Он считает, что первая коренная ошибка заключается в том, что крестьян освободили от крепостной зависимости, наделив их землей, чего нигде во всем мире не делали. Нужно было освободить их без земли, но тотчас же открыть крестьянский банк и на самых льготных условиях продавать им землю в собственность. Тогда бы не было этого предрассудка, что у русского мужика мало земли и что все беды от этого. [...]

З. Н. жалела, что мы не позвали ее. Она сказала: — Я люблю смотреть на людей. Жадна до них.

[Запись Ивана Алексеевича:]

6 авг. (н. с.) 21 г. Dietenmühle. Висбаден.

Сумрачно, прохладно, качание и шум деревьев. Был Кривошеин. Очень неглупый человек.

В газетах все то же. «На помощь!» Призывы к миру «спасти миллионы наших братьев, гибнущих от голода русских крестьян!» А вот когда миллионами гибли в городах от того-же голода не крестьяне, никто не орал. [...] И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!

[Из записей Веры Николаевны:]

25 июля / 7 августа.

Дома у нас волнение. Хозяева требуют, чтобы Злобин [...] перешел в наш этаж, в маленькую комнату, а в его вселяют французское семейство с грудным ребенком, очень крикливым. Дм. С. в панике. [...] З. Н. олимпийски спокойна, занята тем, как из рассказа «При дороге»²¹ сделать пьесу. Все уговаривает Яна [...] Вечером, после обеда, они около часу разговаривали на эту тему. [...] З. Н. советует вывести на сцену и любовницу отца Параши. Ян стал выдумывать, какая она должна быть, какой у нее муж. «Она может быть лавочницей, мало говорящей, но властной, с густыми волосами и прекрасной шеей. Муж у нее маленький, чахленький старикашка. Сидит на полу вечером, разувается, стучит сапогом и говорит: «Да, нонче все можно» — (намекая на связь жены). «Да, — повторяет она спокойно, — все можно. Только бы лучше об деле подумай!..» Она уже лежит в постели. З. Н. не понимает, что в деревне есть свой

бон-тон, что женщине заехать к любовнику почти невозможно. [...]

26 июля/8 августа.

[...] В газетах известие: Тэффи опасно заболела. Я очень беспокоюсь. [...] Ходили гулять с Яном. [...]

28 июля/10 августа.

[...] Кривошеин рассказал, как он ушел из-под ареста. [...] Рассказывает он хорошо, точно, кратко, твердо.

«В июле 1918 г. я еще оставался в Москве. [...] Приехал на службу автомобиль с красноармейцами, чтобы арестовать меня. По счастью, красноармейцы заинтересовались кассой. [...] и так увлеклись, что я свободно выходил и опять входил в комнату. [...] Мне пришла в голову мысль — уйти. [...] вышел из комнаты, спустился по лестнице, прошел по корридору в переднюю, снял шляпу, взял трость и прошел мимо красноармейцев. Они было сделали движение ко мне, но затем остановились, решив, что я кто-нибудь другой. Я вышел в переулок. Вижу автомобиль, красноармейцы с ружьями. Мгновенно соображаю, если пойду по переулку, то догнать меня легче — автомобиль стоит задом к бульвару. Иду к бульвару. Те три минуты, которые иду по переулку, кажутся вечностью. Хочется оглянуться, ускорить шаг. Но я выдерживаю характер. [...] у меня знакомый доктор немец. Я отстоял его во время войны, его хотели отставить, как немца-шпиона. Я отправился к нему. [...] изложил дело, вижу, он пугается и говорит, что же я могу вам сделать? Дал письмо к кому-то в Смоленск. А о ночевке ни полслова. Я ушел. В этот день я был приглашен к Харитоненко, к своим друзьям, которые мне также были в свое время обязаны. [...] Вижу, они испуганы, уже знают об аресте и о том, что я ушел. [...] От Харитоненко я вышел с Сосновским, одесским

городоначальником. Он немного помог мне. На другой день было воскресенье. Один сын умудрился ускользнуть из дому, хотя в доме была засада. Он принес мне переодеться. Весь день я просидел у Якуничиковой. Неловко. [...] утром обрился. Я выехал на извозчике в Кунцево. [...] В Смоленске, благодаря письму доктора Шимана, я получил фальшивый паспорт и совет ехать первым же поездом [...] До Орши доехал. Но вследствие восстания эсеров, граница оказалась закрытой. Двое суток я провалился на асфальте, пока ее не открыли. [...] через Могилев я отправился в Киев и думал, что это уже конец мытарствам». [...]

31 июля/13 августа.

Вчера переехали в Нероберг. [...] Сюда нас вез очень смешливый извозчик. Он был в Риге, знает Вильно, Ковно и т. д. Сразу понял, что мы русские. Говорил, что после войны Россия капут! [...]

Мы с Яном разъединены. Он в 7 номере, я в 10. Между нами Мережковские. [...] Ян сразу переставил у себя все вещи: Я тоже быстро устроилась. Мы переехали еще до обеда. Мережковские — после, днем. Обедаем все за одним столом. Мережковские едят мало. З. Н. говорит, что она никак не привыкнет к еде после России при большевиках. [...]

1/14 августа.

[...] Пришло известие о смерти Блока, умер от цынги. Уже появились некрологи. [...]

Милюков написал о нем, что он «общепризнанный наследник Пушкина». Пушкин и Блок? [...]

Вчера вечером мы с Яном расспрашивали З. Н. о Блоке, об его личной жизни. Она была хорошо с ним знакома. Сойтись с Блоком было очень трудно. Говорить с ним надо было намеками. [...] З. Н. стихи Блока любит, но не все, а пьесы ей не нравятся. «Розу и Крест» считает даже слабой. «Балаганчик» тоже ни-

когда не находила хорошим. Она показала свое стихотворение, переписанное рукой Блока. Почерк у него хороший. Я спросила о последней ее встрече с ним. Она была в трамвае. Блок поклонился ей и спросил: «Вы подадите мне руку?» — «Лично, да, но общественно между нами все кончено». Он спросил: «Вы собираетесь уезжать?» Она: «Да, ведь выбора нет: или нужно идти туда, где вы бываете, или умирать». Блок: «Ну, умереть везде можно».

— Да, Горький не мог спасти его от цынки, а ведь они были очень близки, — заметила З. Н.

2/15 августа

День рождения Дм. Серг. В честь этого пили дорогие вина. [...]

Вечером опять говорили о Блоке. Мережковский ставит Блока высоко, за то, что он «ощущал женское начало». Далее он говорил: «Мы считаем Бога мужским началом. А ранее, во времена Атлантиды, Богом считали женское начало. И вот Блок ощущал это. Он знал тайну. Когда он входил, то я чувствовал за ним Прекрасную Даму».

Ян возразил: — Ну, да, вы это чувствовали, когда видели его. Но я его не видал, а по стихам я не чувствую этого.

Дмитрий Сергеевич стал смеяться, по-волчьи оскаляться, зеленый огонек блеснул в глазах: — Мертвых нужно любить, ласкать.

— А Ленина? — спросила я.

— Ленина? Нет, — ответил Дм. С.

— Но ведь это не по-христиански, — заметила я.

— Нет, и в христианстве говорят о тьме крошечной и геенне огненной, — объяснил Дм. С.

З. Н. все сводила разговор на мирный тон. И все добивалась, как Ян относится к Соловьеву²² и признает ли его?

— Соловьева признаю, у него есть стройность. Хотя вы сами согласитесь, что у него есть и слабые стихи.

Они согласились. Мы посидели еще немного. [...]

Ян пришел ко мне и сказал возмущенно:

— Я хочу судить произведения, а мне суют, что когда он входит, за ним чувствуется «Прекрасная дама» или «Великий инквизитор». Да это совсем другое и ничего общего с искусством не имеет.

4/17 августа.

[...] Дм. С. развивал мысль, что в Германии нужно начать антибольшевицкую пропаганду, что здесь это гораздо легче, чем во Франции. Ян согласился с ним.

З. Н. никогда не говорит о женщинах, точно они не существуют. О мужчинах известных любит рассказывать.

[...] Мережковский считает, что скептицизм — слабость ума.

— А Вольтер? Соломон?

— Они тоже ограничены.

[...] З. Н. сказала: — Я умнее тебя. Ты талантлив, у тебя бывают гениальные прозрения, но я умнее. [...]

7/20 августа.

[...] Вечером мы час сидели в ее [Зин. Ник. — М. Г.] комнате. Д. С. уходит всегда вечером к себе, читать, Злобин тоже. Вот ей и скучно. Говорили о революции. [...] З. Н. сказала, что она приемлет революцию даже после того, что она за собой принесла, что февральская революция — счастье!

[С этого дня возобновляются и записи Ивана Алексеевича (Висбаденские записи рукописные):]

7/20 авг. 1921, Нероберг, над Висбаденом.

Юра Маклаков²³. Его рассказы. [...]

8/21 авг.

Прогулка с Мережковскими по лесу, «курятник». Лунная ночь. Пение в судомойне — чисто немецкое, — как Зина и Саша когда-то в Глотова. Звезда, играющая над лесом направо, — *смирренная, прелестная*. Клесья, Глотова — все без возврата. Лесные долины вдали. Думал о Кавказе, — как *там* они полны тайны! Давно, давно не видал лунных ночей. — Луна за домом (нашим)), Капелла налево, над самой дальней и высокой горой. Как непередаваема туманность над дальними долинами! Как странно, — я в Германии!

9/22 Авг.

Были с Верой в Майнце. Есть очаров[ательные] улицы. Четыре церкви (католич.) — в *двух* из них натолкнулись на покойников. Двери открыты — входи кто хочешь и когда хочешь. И ни души. В последней церкви посидели. Тишина такая, что вздохнешь поглубже — отзывается во всем верху. Сзади, справа вечернее солнце в окна. И гроб, покрытый черным сукном. *Кто в нем, тот, кого я во веки не видел и не увижу?* Послал из Майнца стихи в «Огни»²⁴.

[Запись Веры Николаевны:]

11/24 августа.

Вечером сидели у З. Н. Она расспрашивала Яна об его первой любви. О том, какой он бывал, когда влюблен. [...] Ян прочел стихотворение — дочь невеста и отношение отца. З. Н. никогда не читала его, спросила: «Оно напечатано?» — «Нет». — «Почему?» — «Таких стихов я не печатаю». — «Вы хотели бы иметь дочь?» — «Да, — помните, я рисовал идеал жизни: лесничий, у него две дочери с толстыми косями». — «Да, я начинаю понимать Ваше отношение. Оно очень тонкое, ничего общего не имеет со старческим чувством к девочкам». — «Конечно, терпеть

не могу ничего противоестественного. Во мне только аполлоновское начало». — «Во мне тоже», — сказала З. Н.

[Запись И. А. Бунина:]

12/25 авг.

Получил «Жар-Птицу». Пошлейшая статья Алешки Толстого о Судейкине. Были Кривошеины и интервьюер голландец. После обеда, как всегда, у Гиппиус, говорили о поэтах. Ей все-таки можно прочистить мозги да и вообще вкус у нее ничего себе.

[Из записей Веры Николаевны:]

12/25 августа.

[...] Сидели в комнате З. Н. Она вела разговор о революции. Восхваляла февральскую. Кривошеин молчал при всех рискованных местах. А за обедом З. Н. заявила, что — «Кривошеин наших убеждений. Он на все смотрит, как мы». [...]

13/26 августа.

Ох, устала я от знаменитостей. Скучно с ними, каждый занят собой и разговаривают они почти всегда лишь с равными. А ты сиди и слушай все, что бы они ни несли, а возразишь — так даже не удостоят ответом. [...]

14/27 августа.

[...] Ян долго и подробно рассказывал мне, о чем они так страстно говорили.

— Нет, с ней говорить можно, а с Мережковским нельзя, с Бальмонтом нельзя, с Куприным нельзя. Она много думает и многим интересуется.

Интереснее всего на мой взгляд у них был разговор: какая нужна любовь — плотская или духовная?

Нужен ли даже самый род? В Мережковских есть какая-то необычность, а поэтому и интерес к этим вопросам. Поэтому он был спокоен ко всем ее влюбленностям. Он сам до сих пор влюблен, именно влюблен в нее, а она рассудочна с ним, у нее нет восхищения жены перед ним, у Володи больше.

16/29 августа.

Посылаю в редакцию «Огней» призыв матерей, гибнущих в России, призыв только что дошедший до нас.

Переписываю его, ничего не видя от слез, ужаса, скорби, — за всю жизнь не читала ничего более потрясающего и великого.

Вместо подписей под этим призывом 44 креста, начертанных углем, карандашом, копотью, два — чернилами, десять — кровью.

Это письмо получил Мережковский от какой-то сестры милосердия Дьяковой для распространения. На всех оно произвело потрясающее впечатление.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, да поможет Мир детям России. Мы, матери, обреченные на смерть этой зимою от голода, холода, от болезней, которые не сможем уже перенести в силу нашего истощения, которых не выдержат переполненные мукой сердца, мы просим людей всего Мира взять наших детей, дабы не разделили они, ни в чем неповинные, нашей страшной участи, дабы могли мы хотя бы этой ценой — добровольной и вечной разлукой с ними на земле — искупить вину нашу перед ними, которым мы дали жизнь горше смерти.

— Все, кто имел детей и потерял их! Все, кто их имеет и боится потерять! Памятью, именем ваших детей призываем вас, да не останетесь глухи к нам, умоляющим вас за своих детей! Избавьте нас от ужаса, от безумия видеть их погибающими и быть бессиль-

ными — уже не помочь, а только облегчить их страдания!

— Мир! Возьми наших детей! Возьми за пределы нашего ада, пока еще есть в них сила расти и жить, быть, как все дети, которые могут громко говорить об отцах, матерях и братьях, не боясь быть замученными за то, что они — не дети палачей. Сжальтесь над ними, не знающими ни единой радости, доступной ребенку последнего бедняка счастливых стран.

Что будет с ними, если мы, матери, погибнем раньше их, оставив их здесь одних...

О нас не думайте! Нам для самих себя — все все равно. Для нас спасения нет. Мы уже не мечтаем вырваться отсюда, но мы будем счастливы единственным счастьем матерей, знающих, что детям их — хорошо. Мы будем сыты каждым куском хлеба, который мысленными очами увидим в руках наших детей, когда они будут далеко отсюда!

Мы будем согреты, зная, что они в тепле. Мы уже ничего не будем бояться здесь, зная, что они в безопасности. И сама смерть будет нам радостна, ибо мы верим, что души наши будут видеть, как они растут честными людьми, любящими Родину. Вам, люди всего мира, завещаем мы нашу последнюю и единственную мольбу: придти за нашими детьми! Возьмите их отсюда скорее! Каждый час отнимает силы. Голодные, раздетые, мы не вынесем холода. *Дети, счастливые дети счастливых стран!* Просите вы за наших детей. Мы не смеем подписать наших имен. Мы не смеем даже написать, в какой части несчастной России влачим мы наши дни, чтобы не навлечь гнева палачей. Но когда мы услышим, что мир послал за нашими детьми, мы приведем их вам, и никакая сила не удержит нас и не помешает нам. Услышьте нас!»

[И. А. Бунин:]

21. VIII. (3.IX.) 21 Висбаден.

Прогулка в лес. Мережковский читал свою статью по поводу письма 44 матерей. Сквозь лес воздушно-сизая гора на легком золоте заката.

[Вера Николаевна:]

22 авг./4 сентября

[...] Во время прогулки Дм. Серг. поминутно присаживается и читает о Египте, что производит впечатление гимназическое. За обедом он сказал: что он ничего больше не желает иметь, что имеет теперь: Египет — книги, какие угодно, лес, кормят хорошо. Так он прожил бы до ноября, но боится, что З. Н. соскучится.

Вечером Ян и З. Н. долго спорили о Толстом и Достоевском. Они спорили хорошо, давали друг другу говорить. Ян доказывал, что у Толстого такие-же глубины, как у Достоевского, и что он тоже всего касался. З. Н. утверждала, что Толстой гармоничен, а Достоевский нет и поэтому Достоевский сумел коснуться тех темных сторон человека, которых Толстой не касался, и привела пример шигалевщины. Ян говорил, что Толстой всегда думал о смерти, а Достоевский нигде не писал о ней. З. Н. возразила на это, что Достоевский как бы перешагнул смерть и думал о том, что дальше, пример: Зосима. Затем З. Н. доказывала, что Толстой, отрицая государство, не дал форму, тогда как Достоевский дал, сказав, что государство должно превратиться в церковь. Ян временами очень хорошо говорил, он возражал и на гармонию Толстого, приводя в пример отношение его к половому вопросу (Дьявол, Крейцера Соната и т. д.). Наконец, вошел Дм. С. и прервал спор.

23 августа/5 сентября.

З. Н. очень хорошо сохранилась, несмотря на сильную близорукость и некоторую глухоту. Одевается со вкусом, очень молодо, но ей это идет. Живет умственной жизнью. Человек с характером и определенно знает, чего хочет. Женщин не любит, вернее презирает, как вообще большинство людей. Живет и общается лишь с избранными. Все у нее распределено по полочкам, она и характеры, и людей любит составлять по своим местам — склонность к систематике большая. Обладает логикой и гордится этим. Гордится и тем, что «знает себе цену» и «не переоценивает себя». Будто бы? Любит рассказывать о людях, но они всегда мужчины и знаменитости. О женщинах говорит, что они или животное или божество, а не люди. Очень сдержанна. Если не захочет, она не поссорится. Но жизни и людей не знает, ибо прожила всю жизнь в оранжерее, и подлинная жизнь ей неизвестна. Литературу любит, писателей оценивает приблизительно правильно. Но все же на первом месте у нее — какой вопрос поставлен в произведении, а уже на втором качество произведения.

Жизнью избалована, друзьями тоже. По натуре эгоистка, но культурная, а потому не вызывает раздражения.

Несмотря на трезвый ум, она проникнута философией мужа, что с ней не вяжется, как с типом.

Спорить любит, но спорит хорошо, выслушивает противника. Если же противник ей кажется недостойн ее высокой темы, она просто не отвечает ему, делает вид, что не слышит.

25 авг./7 сентября.

Вечером пришел Кривошеин с сыновьями. Сидели у З. Н., вели «умные» разговоры, о текущем моменте, о Савинкове, о Филоненке²⁵.

Кривошеин считает Савинкова аморальным. [...] Он должен был в момент Корниловского движения устранить Керенского и соединиться с Корниловым, это могло быть его искуплением.

Мережковский говорил, что Савинков должен был убить Керенского и направить пушки на собачьих депутатов, [...] «[...] нужно было сделать выбор между Корниловым и большевиками, а Савинков не смог. Я мог бы быть тайным советником».

З. Н.: «Мы ими и были. Мы все были сумасшедшими в то время».

Кривошеин: «Но [...] Савинков не должен был быть сумасшедшим. Ведь с вас никто не спрашивает, а ему непростительно». [...]

Филоненко пришел летом 1918 г. к Кривошеину, [...] спросил, кто он? Кривошеин ответил: «Я был, есть и буду монархистом, т. к. думаю, что это единственная форма правления, при которой Россия может быть Великой и развиваться в культурном отношении». Филоненко сказал: «И я так думаю, но мне кажется, что сначала нужно что-нибудь другое. [...]»

З. Н. сказала, что считает Филоненко совершенно аморальным человеком, но еще более храбрым, чем Савинков. Это он устроил убийства Урицкого и Володарского. [...]

26 авг. / 8 сент.

Мережковский говорил мне, что при Кривошеине ему был неприятен разговор о Савинкове, т. к. они его любят, он вырос под их влиянием. «Конь Бледный» написан тоже с их благословения. Кроме того он, Мережковский, считает свою судьбу похожей на судьбу Савинкова, ибо в жизни они оба неудачники. Я что-то плохо понимаю это сходство.

[В тот же день Иван Алексеевич записал:]

Вчера был особенно чудесный день. Спал накануне мало, а бодрость, бойкость и уверенность ума. Прошли утром с Верой в город полем за санаторий. Город в долине грифельный, местами розоватый блеск крыш — и все в изумит. синеве, тонкой, блестящей, эфирной.

Вечером в лесу. Готические просеки. Вдали поют дети — растут в почтении к красоте и законам мира. Листва в лесу цвета гречневой шелухи.

В России едят грязь, нечистоты, топят голодных детей в речках. И опять литераторы в роли кормителей! Эти прокормят! «Горький при смерти» — как всегда, конечно. [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

27 авг./9 сент.

[...] Часто Мережковские ссорятся и, невзирая на присутствие нас, бранят друг друга резкими словами. А как-то З. Н. сказала Дм. С.: «Твоя хлестаковская слава продолжает всех обманывать». Она в дурном настроении, потому что она здесь почти не пишет, а Мережковскому омажи, особенно со стороны немцев. Ей это, видимо, неприятно. [...]

29 августа/11 сентября.

Мы долго с Яном вдвоем гуляли в лесу. [...] много говорили о большевизме, о сходстве революционеров всех стран и всех эпох. Говорили о том, что Злобин так все хорошо знает, что будет после смерти, «за миром явлений». Что у Дм. С. тоже все решено. Вспомнили, как на днях мы вели разговор на эту тему и Дм. С. сказал, что он знает, что его душа будет вместе с Лермонтовым. А Ян, улыбнувшись, сказал: «У него плохой характер». [...]

Вечером мы с Яном выходили в сад, слушали пение, вероятно, пели горничные из отеля, празднуя воскресенье. Ян, восхищаясь, говорил: «Нет, французы так петь не могут, не умеют, немцы человечнее. Поэтому, как у них воспитывается почтение перед миром, Богом, старшими, природой. Послушай, какая стройность в пении, какая ритмичность в движениях. Нет, это замечательный народ! Он не может быть побежденным».

1/14 сентября.

[...] Д. С. очень волнуется за будущее. У него почему-то не покупают сочинений на русском языке. И он нервничает, кричит, что они умрут с голода. [...]

Вечером было чудесно в лесу, мы с Яном гуляли, он говорил:

— Нет, раньше все меня волновало, хотелось написать, а теперь душа придавлена.

[...] Вспинали лица молодых мужиков, уже ставших говорить на языке, которого они сами не понимают, ввертывая городские словечки без всякого смысла. И мы вспомнили высокого худого малого на глотовской ярмарке, в лакированных сапогах и в синем картузе, который все что-то пытался объяснить Яну, но его язык был так набит «не деревенскими словами», что даже Ян с трудом улавливал, что он говорит. [...]

[Запись Ивана Алексеевича:]

15 сент. н. с. 21 г.

Нынче в 3 уезжаем из Висбадена. А какая погода! Дрозды в лесу, в тишине — как в России.

Быстрая начальственная походка начальников станций.

[Из записей Веры Николаевны:]

2/15 сентября.

[...] Обед, прощанье, проводы, и мы в автомобиле летим на вокзал. Провожает нас Злобин. [...]

Ехать приятно. Часто путь идет вдоль Рейна, мимо городков, иногда вырастают горы. Но таможни отравили все. [...] тащут всех на вокзал в таможенное отделение, теснота, давка, все нервничают, волнуются. [...]

3/16 сентября. [Страсбург. — М. Г.]

Комната тихая [...] Встали рано. Отправились в собор, слушали орган. [...] Проехали к открытому мосту, немного видели город. Есть старинные уголки. [...] Ян так устал, что решил на последние деньги ехать в первом классе. [...]

10/23 сентября.

Были у Куприных. [...]

11/24 сентября.

[...] Вечером у Аргутинских. [...] Позднее пришли Дягилев с Бакстом. [...] Дягилев — барин. Он, так же, как и Бакст, не страдает от беженства, а потому очень свободен, уверен в себе и не раздражен.

Говорили о Мережковских. Повидимому, эта компания их не очень жалует, особенно раздражен на них Дягилев. [...]

21 сент./4 окт.

Письмо от Федорова, где он сообщает о кончине Юл. Ал. [Бунина. — М. Г.]. Яну письма не передала. Очень тяжело. Бесконечно жаль Юлия Алексеевича. Страшно подумать, как Ян переживет это известие. [...]

22 сент./5 окт.

Ландау уже давно знал от Толстого о смерти Юл. Ал.

24 сен./7 октября.

Когда я вошла в семью Буниных, Юлию было 48 лет. Он был в то время еще совсем молодым человеком, очень жизнерадостным, но быстро теряющим при всяком несчастье. [...]

По наружности Юлий Алексеевич был в то время довольно полным и казался еще полнее, благодаря его маленькому росту. Фигурой он напоминал Герцена на памятнике в Ницце. Лицо было тоже несколько велико по росту, но освещалось оно умными иногда печальными глазами. Волосы были в то время каштановые, без малейшей седины. Голос был резкий, напоминающий коростеля. Ум несколько скептический, по-бунински горестный, но объективный. Математик по образованию, он обладал тем, чем редко обладают общественные деятели — это шириной ума и ясностью мысли. Он умел быстро ориентироваться в самых запутанных вопросах, конечно, отвлеченного характера.

Общественная деятельность, журнал, газетная работа — все это было как бы служение долгу, но тяга душевная у него была к литературе. Я думаю, что мало найдется русских, кто бы так хорошо знал всю русскую литературу. [...] Он обладал необыкновенно правильным литературным чутьем. Сам никогда ничего не писавший из художественных вещей, он превосходно разбирался во всех вопросах, касающихся сферы этого творчества. Это свойство его ценили и понимали все знавшие его писатели, а потому он был бессменным председателем «Старой Среды», так же и председателем «Молодой Среды». Был он и председателем вторичной комиссии в Литературно-Художественном кружке, а в последние годы он был

одним из редакторов в «Книгоиздательстве Писателей в Москве».

В нем было редкое сочетание пессимистически настроенного ума с необыкновенно жизнерадостной натурой. Он был добр, умел возбуждать к себе добрые чувства людей. К нему шли за советом, за помощью, с просьбой выручить из беды. [...] В практической жизни он был до странности беспомощен. [...] Он стал редактировать вместе с др. Михайловым педагогический журнал, потому что ему было вместе с жалованием предложена квартира с отоплением, освещением, и полный пансион. [...] Юлий Алексеевич был барин, да именно барин. [...] Делаю потому, что хочу, что считаю нужным. [...]

27 ок./9 ноября.

[...] Ян все еще ничего не знает, хотя удивляется, что он (Юлий Алексеевич. — М. Г.) нам ничего не пишет. [...]

[Следующие записи Бунина сделаны на вырванных из тетради листах, впечатление такое, что они остались в первоначальном виде и переписаны не были.]

27 Окт. — 9 Ноября 1921 г.

Все дни, как и раньше часто и особенно эти последн. проклятые годы, м. б., уже погубившие меня, — мучения, порою отчаяние — бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ, — хотя зачем это? — и попытки пренебречь этим, а сделать что-то новое, давным давно желанное и ни на что не хватает смелости, что-ли, умения, силы (а м. б. и законных художеств. оснований?) — начать книгу, о которой мечтал Флобер, «Книгу ни о чем», без всякой внешней связи где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то что довелось видеть в этом мире, чув-

ствовать, думать, любить, ненавидеть. Дни все чудесные, солнечные, хотя уже оч. холодные, куда-то зовущие, а все сижу безвыходно дома. 17-го ноября (н. ст.) — мой вечер (с целью заработка) у Цетлиных, необходимо читать что-нибудь новое, а что? Решаюсь в крайности «Емелю» и «Безумн. художника». Нынче неожиданно начал «Косцов», хотя, пописав, после обеда, вдруг опять потух, опять показалось, что и это ничтожно, слабо, что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока да еще не в меру интимная, что уже спета моя песенка. Утешаю себя только тем, что и прежде это бывало, особенно перед «Госп[одином] из С. Фр[анциско]», хотя можно-ли сравнить мои теперешн. силы, и душевн. и физич. с силами того времени? Разве та теперь свежесть чувств, волнений! Как я страшно притупился, постарел даже с Одессы, с первой нашей осени у Буковецкого! Сколько я мог пить почти безнаказанно по вечерам (с ним и с Петром [П. А. Нилус. — М. Г.]), как вино переполняло, раскрывало душу, как говорилось, как все восхищало — и дружба, и осень, и обстановка чудесного дома!

[...] Вышел пройтись, внезапно зашел в кинематограф. Опять бандиты, похищение ребенка, погоня, бешенство автомобиля, несущийся и нарастающий поезд. Потом «Три мушк[етера]», король, королева... Публика задыхается от восторга, глядя на все это (королевское, знатное) — нет, никакие революции никогда не истребят этого! Возвращался почти бегом от холода — на синем небе луна точно 3/4 маски с мертвого, белая, светящаяся, совсем почти лежащая на левое плечо.

[Из записей Веры Николаевны:]

4/17 ноября.

Сегодня вечер. Ян прочел мне то, что решил чи-

тать: 1) «Безумный художник». 2) Сказка «Как Емеля на печи к царю ездил», 3) «Косцы».

5/18 ноября.

Народу было много. Он имел большой успех. Все слушали с вниманием. Даже М. С. [Цетлина. — М. Г.] осталась довольна, она, видимо, не ожидала такого успеха. [...] было всего 200 человек, часть была безбилетных.

Сказка вызвала гомерический хохот. А во время чтения «Косцов» многие плакали. [...]

25 н. / 8 дек.

[...] Мережковские устраивают вечер с какой-то маленькой танцовщицей, которая будет исполнять египетские танцы. Дм. С. будет читать «Тайна трех», З. Н. — стихи. [...]

27 н. / 10 декабря.

[...] Я поняла одну черту З. Н. Она до крайности самолюбива. Из этой черты вытекает ее подчас резкое отношение к Дм. С. [...]

У Мережковских говорили еще о бессмертии. Они все верят в индивидуальное бессмертие, в воскресение. Вечно будешь с теми, кого любишь. [...]

[Вторая рукописная запись Ивана Алексеевича:]

28 ноября.

В тысячный раз пришло в голову: да, да, все это только комедия — большевицкие деяния. Ни разу за все четыре года не потрудились даже видимости сделать серьезности — все с такой цинической топорностью, которая совершенно неправдоподобна [...]

[Записи Веры Николаевны:]

30 н./13 декабря.

[...] Встретила на улице А. Она получила письмо от Щепкиной-Куперник. Татьяна Львовна очень довольна, сидит за своим столом. Перевела две пьесы, которые будут ставить в каком-то театре. Она счастлива, что не в эмиграции [...] Одно желание у нее — это признание Европой Советской России. [...]

7/20 декабря.

Ян из газеты узнал о смерти Юлия Алексеевича. [...] После завтрака он пошел отдохнуть, развернул газету и прочел, как он потом рассказывал, «Концерт Юл. Бунина». Перечел, секунду подумал, и решил, что концерт в пользу Юл. Бунина. Подумал: кто такой Юл. Бунин? Наконец, понял то, чего он так боялся. Сильно вскрикнул. Стал ходить по комнате и говорить: «зачем уехал, если бы я там был, то спас бы его».

[...] Он говорит, что не хочет знать подробностей. Он сразу же похудел. Дома сидеть не может. Побежал к Ландау. Я его не оставляю. Старается все говорить о постороннем. Разнеслось. Заходили Мережковские. З. Н. была очень нежна. Ян очень растерян. [...] Он говорил вечером, что вся его жизнь кончилась: ни писать, ни вообще что-либо делать он уже не будет в состоянии.

9/22 декабря.

Некролог в «Общем Деле» Потресо́ва-Яблоновского. Написан хорошо, умно, с большим чувством к Юлию Алексеевичу. [...] Он хорошо сказал, что деятельность Ю. А. есть деревья, за которыми не видно было его самого. [...] Упомянул об исключительной любви и дружбе его к Яну. Но не развил, скольким ему обязан Ян. [...] эти вечные разговоры, обсуждение

всего, что появлялось в литературе и в общественной жизни, с самых ранних лет принесли Яну большую пользу. Помогли не надорвать таланта. С юности ему указывалось, что действительно хорошо, а что от лукавого. [...]

12/25 декабря.

[...] Елизавета Маврикиевна тайная и единственная любовь Юлия Алексеевича. Он полюбил ее, когда был еще студентом. Она уже была замужем и имела дочь, поэтому считала невозможным разрушить семью. Но всю жизнь они любили друг друга. Юлий Алексеевич втайне держал свои к ней отношения, даже меня с ней не познакомил, а видался с ней чуть ли не ежедневно. Ян говорит, что она благородная, деликатная маленькая женщина, идеалистка. [...]

— А как он тебя любил, — сказал неожиданно Ян, — как часто заступался за тебя. — «Что ты все нападаешь на нее», и начнет тебя хвалить. [...]

13/26 декабря.

Вечер, я одна. Ян ушел к Ландау. Он бежит от одиночества на люди. [...]

После обеда он рассказывал мне о вчерашнем споре его с Фондаминским. Ян доказывал, что ни один класс не сделал так много бескорыстного, большого, как дворяне. Фондаминский утверждал, что когда дворянин делает что-нибудь большое, то он больше не дворянин, а интеллигент. — Ну, прекрасно, — согласился Ян, — скажем тогда, что лучшее, что было и есть в интеллигенции, дано дворянским классом. [...]

За обедом Ян сказал:

— Какой талантливый Андреев, и в то же время чего-то у него недостает. [...] свою моторную лодку он хотел назвать «Заратустра». Как же это он не понимает, что это пошлость. [...]

16/29 декабря.

Вечером у нас Ландау. [...] Ян говорит, что он не знает, не разобрался, испортил ли Короленко свой талант или же в нем изъян. Его рассказ «Сон Макара» очень хорош, автор все видит, что описывает, а затем масса рассказов на одну и ту же тему: и еврей — человек, и мужик — человек, и вотяк — человек и т. д. А в то же время есть во многих местах очень волнующее, что-то мутное, что означает уже настоящее в писателе. [...]

17/30 декабря.

[...] Эти дни часто видались с Бальмонтами. Почему в этом году его богатые друзья так к нему пренебрежительны? [...] Он никому не нужен, новизна утеряна, пьянство его всем надоело, а помогать бескорыстно никому не хочется.

Вчера были у Куприных. Было приятно. Но и у них я прочла полное равнодушие ко всему миру. И у Бальмонта тоже, [...] живет только собой, наслаждается исключительно собой.

— Скучаете ли вы на океане? — спросил его Ландау.

— Нет, почему? Нас четверо, а потому естественная потребность говорить удовлетворена. Я там больше, гораздо больше принадлежу самому себе, чем в Париже, а это самое интересное для меня...

18/31 декабря

В Париже был Савинков проездом в Лондон. [...] Несет, по словам Мережковских, чепуху: «Народ — все, он верный слуга Его Величества Народа».

— Без «Величеств» демократы не обходятся, — заметил Ян. [...]

Горький написал Манухину, что он разочаровался в русском народе и в коммунистах. В Россию он больше не вернется. Хочет написать книгу о русском на-

роде. «Теперь, — пишет он, — я узнал его досконально и почувствовал презрение к нему».

1922

[Из записей Веры Николаевны:]

1 янв. нового стиля, 1922.

Встречали «Новый год» у журналистов. [...]

7 января (25 декабря).

Никогда не бывает так тоскливо, как в наши русские праздники или в дни рождения и именины близких. [...]

8 января (26 декабря).

[...] Ян пришел домой очень взволнованный. Стал говорить об Юлии. — «Если бы верить в личное бессмертие, то ведь настолько было бы легче, а то невыносимо. Стал сегодня читать Толстого [...] и вспомнилась наша жизнь — Юлий, Евгений, и стало невыносимо тяжело. Я мучаюсь страшно, все время представляю себе, как он в последний раз лег на постель, знал ли он, что это последний раз? Что он был жалок, что умирал среди лишений. А затем — тяжело, что с ним ушла вся прежняя жизнь. Он вывел меня в жизнь, и теперь мне кажется, что это все-таки ошибка, что он жив». [...]

[Из записей Бунина:]

1/14 Янв. 1922 г.

Grand Hôtel — получение билетов на мольеровские празднества. Знакомство с Бласко Ибаньесом. Купил и занес ему свою книгу.

Вечером у Алек. Вас. Голштейн. Кто-то военный, в погонах, трогательно бедно одет. Как мало ценятся такие святые редкие люди!

Мальчик из России у Третьяковых. Никогда не видел масла, не знает слова фрукты.

Со страхом начал эти записи. Все страх своей непрочности. Проживешь ли этот год?

Новый год встречали у Ландау.

Да, вот мы и освободились от всего — от родины, дома, имущества... Как нельзя более идет это нам и мне в частности!

2/15

Вечером снег, вышли пройтись — как в России.

Вчера, когда возвращались из города, толпы и фотографы у Hôtel Grillon — ждут выхода Ллойд Джоржа. Что б его разорвало! Солнце было как королек в легкой сероватой мгле над закатом.

3/16

Легкое повышение температ. Все-таки были на завтраке в Кларидже. Какая дешевая роскошь по сравн. с тем, что было у нас в знаменитых ресторанах! Видел Марсея Прево. Молодец еще на удивление. Мережковский так и не дождался своей очереди говорить. Даже финн говорил, а Мережк., как представитель России, все должен был ждать. Я скрипел зубами от обиды и боли.

4/17

Визит ко мне Пуанкарэ — оставил карточку.

Поздно засыпаю, — оч. волнуясь, что не пишу, что, может, кончено мое писание, и от мыслей о своей промелькнувшей жизни.

5/18

Ездил с Мережковск. на мольеровский банкет [...]

Все во фраках, только мы нет, хуже всех. Речь Мережк. была лучше всех других, но не к месту серьезна. И плохо слушали, — что им мы, несчастн. русские!¹

6/19 января.

Письмо от Магеровского — зовут меня в Прагу читать лекции русским студентам или поселиться в Тшебове так, на иждивении правительства. Да, нищие мы!

7/20 января.

Вечер Мережковск. и Гиппиус у Цетлиной. Девять десятых, взявших билеты, не пришли. Чуть не все бесплатные, да и то почти все женщины, еврейки. И опять он им о Египте, о религии! И все сплошь цитаты — плоско и элементарно до нельзя. [...]

[Вера Николаевна об этом вечере, между прочим, записывает:]

20 Января.

[...] Я второй раз с большим интересом слушала Дмитрия Сергеевича. Но публика, видимо, скучала. [...] Стихи З. Н. слушались охотнее, но для нее почти не осталось времени. [...] После вечера Мария Самойловна пригласила [...] друзей к ужину. Говорились речи. [...] В конце ужина вспомнили, что это день свадьбы Мережковских — 33 года! И ни на один день они не расставались!

[Из дневника Бунина:]

8/21 Января.

Кровь. Нельзя мне пить ни капли! Выпил вчера два стаканчика и все таки болен, слаб. И все мысли о Юлии, о том, как когда-то приезжал он, молодой, начинающий жизнь, в Озерки... И все как-то не верится,

что больше я никогда его не увижу. Четыре года тому назад, прощаясь со мной на вокзале, он заплакал (конец мая 1918 г.). Вспомнить этого не могу.

Люди спасаются только слабостью своих способностей, — слабостью воображения, недуманием, недодумыванием.

9/22 Января.

«Я как-то физически чувствую людей» (Толстой). Я всё физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду — и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно!

В газетах вся та же грязь, мерзость, лукавство политиков, общая ложь, наглость, обманы, все те же вести о большевицком воровстве, хищничестве, подлости, цинизме... «Цинизм, доходящий до грации», пишут своим гнусным жаргоном газеты. Царица Небесная! Как я устал!

10/23 Января.

Ночью вдруг думаю: исповедаться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре, под Вологдой! Затрепетать от власти его, унизиться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца...

По ночам читаю биограф. Толстого, долго не засыпаю. Эти часы тяжелы и жутки.

Все мысль: «А я вот пропадаю, ничего не делаю». И потом: «А зачем? Все равно — смерть всех любимых и одиночество великое — и моя смерть!» Каждый день по 100 раз мысль вроде такой: «Вот я написал 3 новых рассказа, но теперь Юлий уже никогда не узнает их — он, знавший всегда каждую мою новую строчку, начиная с самых первых озерских!»

11/24 Января.

Я не страдаю о Юлии так отчаянно и сильно, как следовало бы, м. б. потому, что не додумываю значения этой смерти, не могу, боюсь... Ужасающая мысль о нем часто какая [как? — М. Г.] далекая, потрясающая молния... Да можно ли додумывать? Ведь это сказать себе уже совсем твердо: всему конец.

И весна, и соловьи, и Глотова — как все это далеко и навеки кончено! Если даже опять там буду, то какой это ужас! Могила всего прошлого! А первая весна с Юлием — Круглое, соловьи, вечера, прогулки по большой дороге! Первая зима с ним в Озерках, морозы, лунные ночи... Первые Святки, Каменка, Эмилия Васильевна и это «ровно десять нас числом», что пел Юлий... А впрочем — зачем я пишу все это? Чему это помогает? Все обман, обман.

12/25 Января.

Христианство погибло и язычество восстановилось уже давным давно, с Возрождения. И снова мир погибнет — и опять будет Средневековье, ужас, покаяние, отчаяние...

14/27 января.

Был секретарь Чешск[ого] посольства — 5000 фр. от Бенеша² и приглашение переехать в Тшебову. Деньги взял чуть не со слезами от стыда и горя. О Тшебове подумаю.

15/28 января.

Послал Гутману отказ от сотрудничества в качестве поставщика статей для «Утра», предложил 2 рассказа в месяц за 1600 фр. Гутман мое «Еще об итогах» сократил и местами извратил. Пишу «революция» — он прибавляет «коммунистическая». О Горьком все выкинул. [...]

У Карташевых был Струве. Тянет меня в Прагу неистово.

16/29 января.

Дождь, темно, заходил к Мережковским. Он спал (пять часов дня) — после завтрака у Клода Фарера. Фарер женат на актрисе Роджерс, когда-то игравшей в Петерб. Она только что получила письмо от Горького: «В Россию, верно, не вернусь, переселяюсь в горные селения... Советский минотавр стал нынче мирным быком...» Какой мерзавец — ни шагу без цели! Все это, конечно, чтобы пошла весть о его болезни, чтобы парализовать негодование (увы, немногих!) за его работу с большевиками, и чтобы пустить слух, что советская власть «эволюционирует». И что же, Роджерс очень защищала его.

Мережк. признавался, что изо всех сил старается о рекламе себе. — «Во вторник обо мне [будет] статья в «Журналь» — добился таки!»

18/31 января.

Послал письмо Магеровскому — запрос о Моравской Тшебове и на каких условиях приглашают туда.

20 ян./2 февраля.

Посылаю Дроздову «Восьмистишия»: 1. Поэтесса, 2. В гавани, 3. Змея, 4. Листоп[ад], 5. Бред, 6. Ночной путь, 7. Звезды. [...]

Дождь, довольно холодно, но трава в соседнем саду уже яркая, воробьи, весна.

Вечером у нас гости [...] Провожал Савинкову: «Все таки, если теперь бьет по морде мужика комиссар, то это — свой, Ванька». Конечно, повторяет мужа. А урядник был не Ванька? А Троцкий — «свой»?

21 ян./3 февраля.

Ходил к Шестовым. Дождь, пустые темные рабо-

чие кварталы. Он говорит, что Белый³ ненавидит большевиков, только боится, как и Ремизов⁴, стать эмигрантом, отрезать себе путь назад в Россию. «Жизнь в России, — говорит Белый — дикий кошмар. Если собрались 5-6 человек родных, близких, страшно все осторожны, — всегда может оказаться предателем кто-нибудь». А на лекциях этот мерзавец говорит, что «все-таки» («не смотря на разрушение материальной культуры») из России воссияет на весь мир несказанный свет.

22 ян. / 4 февраля.

От 4 до 6 у Цетлиной «Concert» франц. артистов в пользу Тэффи [...] Все артисты одеты сугубо просто — чтобы подчеркнуть домашний характер концерта. Исполнения изумит[ельные] по свободе, простоте, владению собой, дикцией; по естественности и спокойствию — не то, что русские, которые всегда волнуются и всегда «нутром». М-ель Мустангетт похожа на двадцатилетнюю, а ей, говорят, около пятидесяти. Верх совершенства по изяществу и ловкости. Партнер — молодой человек нового типа молодых людей — вульгарного, американского. Танцы — тоже гнусные, американские. Так во всем — Америка затопляет старый свет. Новая цивилизация, плебейская идет. [...]

23 ян. / 5 февраля.

Видел во сне поезд, что-то вроде большой теплушки, в которой мы с Верой куда-то едем. И Юлий. Я плакал, чувствуя к нему великую нежность, говорил ему, каково мне без него. Он спокоен, прост и добр. [...]

25 янв. / 7 февраля.

Панихида по Колчаке⁵. Служил Евлогий. Лиловая мантия, на ней белые с красным полосы. При пении я все время плакал. Связывалось со своим — с Юлием и почему-то с Ефремовым, солнечным утром каким-то,

с жизнью нашей семьи, которой конец. И как всегда на панихидах какое-то весеннее чувство. [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

8 февраля.

[...] Мы опять на распутьи: Чехия, Германия, оккупированная местность или юг Франции. Или, наконец, Париж в 100 фр. квартире? Не знаем, не знаем.

Я на все согласилась бы, лишь бы Ян писал. А он, бедный, еще очень страдает по Юл. Ал. Вчера на панихиде он все время плакал. Он сказал мне, что все время видит во сне Юлия. — «И возмущаюсь, что Юлий умер, а он так кротко утешает меня»...

[Из записей Бунина:]

30 янв. / 12 февраля.

Прогулки с Ландау и его сестрой на Vinese, гнусная, узкая улочка, средневековая, вся из бардаков, где комнаты на ночь сдаются прямо с блядью. Палэ-Рояль (очень хорошо и пустынно), обед в ресторане Véfour, основанном в 1760 г., кафе «Ротонда» (стеклянная), где сиживал Тургенев. Вышли на Avenue de l'Орега, большая луна за переулком в быстро бегущих зеленоватых, лиловатых облаках, как старинная картина. Я говорил: «К чорту демократию!», глядя на эту луну. Ландау не понимал — при чем тут демократия?

31 янв. / 13 февраля.

Завез в «Отель Континенталь» карточку и книгу «M. de S. Franc[isco]» Бенешу. Через два часа — его секретарь с карточкой, — ответный визит. Послал книгу (ту же) Пуанкарэ.

Прошлую ночь опять снился Юлий, даже не он, его, кажется, не было, а его пустая квартира, со свя-

занными и уложенными газетами на столах. Вот уже без остроты вспоминаю о нем. Иногда опять мысль: «а он в Москве, где-то в могиле, сгнил уже!» — и уже не режет, а только тупо давит, только умственно ужасает.

1/14 февраля.

Все едут в Берлин, падают духом, сдаются, разлагаются. Большевики этого ждали... Изумительные люди! Буквально во всем ставка на человеческую низость! Неужели «новая прекрасная жизнь» вся будет заключаться только в подлости и утробе? Да, к этому идет. Истинно мы лишние.

5/18 февраля.

Дождь. Стараюсь работать. И в отчаянии — всё не то!

Опять Юлий во сне. Как он должен был страдать, чувствуя, что уже никогда не увидеться нам! Сколько мы пережили за эти четыре года — так и не расскажешь никогда друг другу пережитого!

Вдруг вспоминаю — пятый час, солнце, Арбат, толпа, идем к Юлию... Этому конец на-веки!

Боже, какой океан горя низвергли большевики на всех нас! Это надо помнить до могилы.

Вечером у нас Злобин. Вышли пройтись, проводить его в 11 — в тихой темной улице старик, под шляпой повязанный платком, роется в мусорном ящике, что выставляют консержки на ночь возле каждого дома, — что-то выбирает и ест. И м. б. — *очень счастливый человек!*

7/20 февраля.

Солнце, облака, весна, хотя еще прохладно. Вышел на балкон — 5-ый час — в чистом, углубляющемся небе одно круглое белое облако висит. Вспомнил горы, Кавказ, небо синее, яркое и в нем такое же об-

лако, только ярче, белее — за что лишил меня Бог молодости, того, теперь уже далекого времени, когда я ездил на юг, в Крым, молодой, беззаботный, люди [вероятно, «людей». — М. Г.] — родины, близких? Юлий, наша поездка на Кавказ... Ах, как бесконечно больно и жаль того счастья!

11/24 февраля.

[...] Обедали у Цетлиных с Бакстом. Познакомился с Дионео [...] Понравился.

12/25 февраля.

[...] Все, что писал эти дни, — «Безъимянные записки», — противно, чепуха.

16 ф./1 марта.

Репетиция «Любовь книга золотая» Алеши Толстого в театре «Vieux Colombier». Пошлая вещичка, да и стыдно показывать французам нашу старину в таком (главное, неправильном) виде. Обедали у Ландау с Куприным. Куприн жалок и нищенской одеждой и общим падением.

14 марта.

Бальмонтам пишут из Москвы: «Очень трудно, одному на прокормление хлебом и картошкой надо пять[десять] мил[лионов], а служащие получают два с половиной мил[лиона]». [...]

18 марта.

[...] В 5 — лекция Жида⁶ о Дост[оевском]. [...] Жид не похож на художника, — пастор какой-то. Познакомились [...] Заснул поздно, читал «Палату ном. 6»⁷. Волнение, — очень нравится, — мучительное желание и себе писать, и чувство, что ничего не могу, что я полный банкрот — и что вот-вот откроется эта тайна. И тоска, тоска, и мысль, что теперь каждый день

дорог, что старость уже на пороге, — да, уже форм[енная] старость.

19 марта.

Погода опять чудесная, все то же за окном серое, чуть сиреневое, без единого облака небо (что-то вроде нашего севастопольского) и каменный красивый беспорядок домов.

Тоска до слез. Опять бесплодно посижу, почитаю «Посл. Нов.», от вестей и подлости которых плакать хочется, — и опять погибший день. Все, что ни вспомню о парижской жизни, отравлено тайной, непонятной тоской.

[Из дневника Веры Николаевны:]

27 марта.

Вернулись от Цетлиных. Сегодня вечером Бальмонт читал свой роман. [...] Роман длинен, начинается с романа матери героя. [...] Бальмонт спросил Яна о его мнении. Ян похвалил, что можно было, а затем сказал: «а то, что не понравилось, вам, конечно, не интересно?»

— Да, — ответил Бальмонт, — вы правы, это совсем неинтересно. [...]

— Это молитва! — произнесла Елена К. [жена Бальмонта. — М. Г.], — а молитву критиковать нельзя.

28 марта.

У нас были гости. Только что разошлись. Было так много, что пришлось все табуретки вытащить, и то некоторые сидели на полу. Были: Бальмонты, с ними пришла и княгиня Шаховская, которая летала над Парижем и которая купила у Бальмонта книгу для издания — большая широкая женщина с приятным медлительным голосом. Потом Аитова с Колей и Лешей Гессен, затем Левины, Койранские и т. д.

Бальмонт читал поэму о драгоценных камнях. Положительно всех зачитал. Большинство изнемогало. Мне, как хозяйке, было даже неловко. [...] Всякий раз, когда он бывает у нас, он просит Яна почитать стихи. Ян отказывается и, в свою очередь, просит его. Он со словом «охотно» вынимает книжечку с четко записанными стихами и начинает до одурения слушателя читать.

29 марта.

Убит Набоков⁸! Еще не верю. [...]

Вспоминается все время Набоков. Все наши мимо-летные встречи. Первый раз — у Толстых. Второй — у нас, в Отель дэ Сен-Пэр. Он нас пригласил к завтраку у Аргутинского, где он всегда останавливался, когда бывал в Париже. Помню, как приятно меня поразила квартира Аргутинского своими подлинно прекрасными вещами. [...] И люди, по старому приятные. Набоков производил на меня приятное впечатление, но не скажу, чтобы он пленил меня. Слушать было приятно его плавную, ровную речь. Потом я встречалась с ним у Тэффи, где он бывал оживленной, легкомысленнее [...] Но главное, я оценила его на Национальном съезде. Он произнес хорошую, умную речь. [...]

31 марта.

Панихида по Набокове. Много народу, но по-настоящему расстроен был только В. Н. Аргутинский. [...] Вечером у Аргутинского. Был там Нольде, который дал характеристику Милюкова: «Он — человек со всеми замашками из подполья, интеллигент до мозга костей, главным образом, по инстинкту. Теоретически он правее, но тяга у него всегда влево. [...] У него нет чутья к людям, к среде, к событиям, отсюда его необыкновенная бестактность. [...] Человек он с необыкновенным здоровьем и необыкновенными нервами. Работоспособность поразительная. Он может

почти ничего не есть, почти не спать и не ослабеть. Властолюбив».

Пришли Мережковские, внесли шум и смех. Мережковский почти все время нападал на Яна, что его хвалят в «Юманитэ» и в других коммунистических журналах:

— Вас они хвалят, потому что чувствуют в вас позитивиста, — кричал Д. С.

(Это Ян-то позитивист! Вот уменье разбираться в душах людей у «пророка».)

— А меня ненавидят за то, что я реакционер! Меня хвалят католики, роялисты.

И он стал уверять, что нужна реакция, как в тифу. [...]

[Из дневника Бунина:]

6 Апреля 22 г.

Вечер Куприна. Что-то нелепое, глубоко провинциальное, какой-то дивертисмент, в пользу застрывшего в Кременчуге старого актера. [...] Меня поразили хор, глаз отвык от России; еще раз с ужасом убедился, какая мы Азия, какие монголы! [...]

8 Апреля.

[...] На ночь читал Белого «Петербург». Ничтожно, претенциозно и гадко.

9 Апреля 22 г.

Ездил в Сен-Сир и в Версаль [...] мысль переселиться в В[ерсаль] на лето или на весь год. Поехал в окрестности, много прошел пешком. Прелестный день.

Вечером разговор с Карташевым. Он, как и я, думает, что дело сделано, что Россия будет в иностр[анной] кабале, которая однако уничтожит большевиков и которую потом придется свергать. В тысячный раз дивились, до чего ошалел и оподдел мир. [...]

Кондукторша на трамвае по пути в Версаль: довольно полна, несколько ленивые масляные глаза, два-три верхних зуба видны, чуть прикусывают нижнюю губу. От этого губы всегда влажны, кажутся особ. приятными.

10 Апреля.

В посольстве доклад генерала Лохвицкого, приехавшего из Владивостока. Барская фигура Гирса.

Возвращался — пустые улицы и переулки после дождя блестят, текут, как реки, отражая длинные полосы (золотистые) от огней, среди которых иногда зеленые. Вдали что-то церковное — густо насыпанные белого блеска огни на Place Concorde. Огни в Сене — русск. национал. флаги.

11 Апреля.

Все дождь, дождь, к вечеру теплее, мягче, слаже. Не могу слышать без волнения черных дроздов.

В 5 у Мережковских с Розенталем. Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр. в месяц. [...]

19 Апреля.

Все то же — безделье от беспокойства, необеспеченности, мука — куда ехать? Квартира зарезала!

23 Апреля.

Ездили с Верой через Maison Lafitte в С. Жермен. Чудесная погода, зеленеющий лес.

Вечер Шлецера и Шестова. Шлецер, осыпая похвалами Гершензона и В. Иванова, излагал содержание их книжечки «Из двух углов». [...]

[Запись Веры Николаевны:]

1 мая 22 года

[...] Был [...] Ян говорил с ним о своем разводе. Он уверен, что сделать это очень легко и стоить будет франков 600, можно все сделать в 2 месяца. [...]

[Из записей И. А. Бунина:]

6 Мая.

Вечером курьер из М[инистерства] Ин[остранных] Дел — орден и диплом Of[fice] de l'Instr[uction] Pub[lique].

9 мая.

Вечером у Мережковских с Клодом Фаррером и его женой, Роджерс. Хвалили меня Фарреры ужасно. Сам особенно: вскочил, уступая мне свое кресло, усаживал, «cher maître»... Большой, седой, волосы серебр., а местами золотые, голос довольно тонкий, живость, жестикуляция чрезмерная (говорят, кокаинист). [...]

[Записи Ивана Алексеевича прекращаются до сентября месяца. Привожу выдержки из дневника В. Н.]:

1 июня 1922 года.

[...] В шестом часу отправились с А. И. [Куприным. — М. Г.] к Розенталю. Ал. Ив., как заведенный, говорил одно и то же, что он говорит всякой женщине. И смешно и глупо, но от этого делается веселей. [...]

3 июня.

[...] Получила письмо от Яна⁹. Пишет, что он в Лионе, по дороге в Бордо. [...]

4 июня.

Пришла Савинкова. Пригласила к себе. [...] Куп-

рин читал свои стихи. Когда он прочел «Пастель», то Н. В. высказал неодобрение. Куприн не хотел больше читать. Но его упростили. После этого Мережковские стали вместе декламировать Пушкина. Куприн: «Я знаю, что мои стихи плохи, я отношусь к ним, как к застольным шуткам». Мережковский со смехом: «Какой скромник, он скромностью делает себе карьеру». Куприн: «Всякий по своему, кто скромностью, а кто ходит с кипой своих книг и повсюду ими восхищается». Мережковский, делая вид, что не понимает: «Да, вот Бальмонт — 'охотно'». [...]

7 июня.

Ян и сегодня не приехал. [...] Умер Ленин. [...]

У Розенталя я застала Куприных. [...] Наконец, последними являются Мережковские. З. Н. элегантна до последней возможности, вся в черном. На плечи наброшена легкая пелеринка-плиссе. Прозрачная шляпа. Дорогие перчатки. Откуда у них столько денег, чтобы тратить столько на туалеты?.. [...] Розенталь жалел, что с нами нет Яна. [...] Много говорил Мережковский о необходимости борьбы, о том, что если большевики не падут, то эта зараза пойдет и на Европу. [...]

9 июня.

[...] Вернулась я поздно и уже совсем не думала о Яне. Оказывается, он приехал и довольно рано. Он ничего не нашел, несмотря на то, что они объехали пол-Франции. Устал он сильно, но вид хороший, загорелый. Понравился ему один замок на окраине города Амбуаза, но почему-то не решились взять. Бордо ему понравилось. Понравились и штаны на рыбаках — красные.

20 июня.

Ян получил сегодня развод.

Вечером мы на балете Дягилева. Знакомых на каждом шагу, точно в России. [...]

22 июня.

Были в консульстве по поводу нашего брака. [...]

23 июня.

У нас дневной чай: А. Ос. Фондаминская, Куприны, Розенталь, Злобин. Мережковские куда-то приглашены, поэтому у нас не были. [...]

29 июня.

[...] Сегодня был завтрак у М. С. Цетлиной: чествовали Карсавину. [...] Карсавина очень мила, проста той особенной простотой, какая бывает у некоторых знаменитостей, которые тактично не дают чувствовать окружающим — кто ты, а кто я, помни. [...] Карсавина не похожа на балерину, вероятно, на нее имело влияние и то, что брат ее профессор, а потому с детства оказывал на нее известное влияние культурности. Она сама любит читать, любит книги. [...]

2 июля.

[...] Венчаться в мериі будем послезавтра. [...]

3 июля.

Какая разница в отношении к завтрашнему дню у Яна и у меня. Это и понятно. Он остается тем же. Я же как бы отказываюсь от прежнего своего существования и перехожу в новое. Правда, я понемногу привыкала к нему, ибо с приезда в Париж я зовусь везде м-м Бунин, но все же я чувствовала себя Муромцевой. Конечно, по-настоящему нужно считать после церкви, но это другое благословение — мистическое, а здесь будет именно гражданское. Это правильно: брак должен быть и гражданский, и церковный, а смешение оскорбительно для последнего.

Были гости: Фондаминские, Манухины, Зинаида Николаевна, Володя. Все чужие. И никому до тебя дела нет.

[...] Зайцевы¹⁰ привезли много писем от родных и друзей Толстых, в которых ему все пишут, чтобы он ушел из «Накануне»¹¹. [...]

Вечером я говорила Яну: «И чего ты женишься. Ведь мог бы еще хорошую партию сделать». Он сказал мне: «Нет, я счастлив, что это будет. Я, когда вспомню, что мог бы погибнуть, и что с тобой тогда бы было — то меня охватывает ужас. Я все время, пока ездил за дачей, об этом думал». [...]

4 июля.

[...] Кроме свидетелей, Куприна и Лихошерстова, будет Лизи [Е. М. Куприна. — М. Г.] и Мар. Сам. [Цетлина. — М. Г.]

Я оделась во все новое, просто. Но все же в светлое. Пришли рано. Были еще пары. Мы вступили в брак в общей зале. После прочтения общей части, стали по очереди вызывать пары, и мэр быстро читал возраст венчающихся, положение и т. д., потом поздравлял и нужно было расписаться. Он мне почему-то особенно улыбнулся. М. С. говорила, что я ничего себе невеста.

Вернувшись домой, мы хорошо закусили [...] После завтрака М. С. предложила покататься в ее автомобиле в Булонском лесу. [...]

7 июля.

В Амбуаз приехали вечером. Ехали в первом, т. к. много вещей пришлось взять с собой в вагон. Анна ехала с нами и от восторга почти все время пела или вскрикивала, как ребенок при виде сада, огорода, леса. Со станции мы ехали в какой-то средневековой «кукушке» с низким потолком.

Амбуаз спокойный и тихий городок, разделенный Луарой, на левом берегу которой возвышается старинный замок, в котором бывал Леонардо да Винчи, куда возвращался с охоты Франциск первый.

Наше шато Нуарэ стоит на широком дворе и производит необыкновенное впечатление простотой линий и каким-то спокойствием.

По приезде мы закусили и наскоро убрались. Когда Анна отправилась спать, Ян осветил весь дом и стал бегать по нему. Половина Мережковских, оказывается, гораздо лучше, и ему обидно: взять лучшую неудобно, выбираем первыми. Бегали мы с ним часов до 11, наконец, он успокоился. Правда, в его кабинете нет даже электричества, но зато в нем есть какой-то глотовский уют. [...]

17 июля. Понедельник

Вчера мы были в соборе. Я опять испытала за мессой то особое чувство, которое я уже несколько лет испытываю в церквах, соборах: только тут и есть весь смысл жизни, только тут и находится настоящее. Необыкновенно хорошо звучал орган, трогательны были кармелитки. [...]

Долго думала, как быть? Решила сама готовить и обходиться без ежедневной «хамы»¹². Иначе будет нам жизнь обходиться очень дорого. [...] Я думаю, что совершенно достаточно, если «хама» будет приходить ко мне раз в неделю, чтобы чистить коридор и наводить лак в наших комнатах. Ян сначала не соглашался, потом я убедила его. А за труды свои я буду откладывать ежедневно для посылок в Россию. Анна согласилась подождать Мережковских, которые приезжают в конце этой недели.

Амбуаз все больше и больше нравится. Гуляем вдоль реки, ходим к лесу, который довольно далеко. [...] Эта часть Франции напоминает Россию. [...]

25 июля, вторник.

[...] Приехали Мережковские. Дмитрий Сергеевич как-бы сконфужен, что их половина лучше. З. Н. не замечает этого. [...]

26 июля, среда.

[...] Ян читает вслух по-французски «Женитьбу» Гоголя. Пьесой восхищается. [...]

С Мережковскими я вижу только за обедом. Завтракаем мы в разное время. Встаем мы раньше их. С ними жить приятно, т. к. сюрпризов не будет — все размерено и точно. Твоей жизнью интересоваться не будут, не интересуйся и ты их. С такими людьми никогда не поссоришься при совместной жизни. [...]

Видели дом, где жил Леонардо да Винчи. [...] Очень хотелось бы побывать внутри, особенно Дмитрию Сергеевичу. Он недоволен Туреном, недоволен Амбуазом: негде ему гулять перед завтраком. Наш парк слишком мал, лес далек. А солнца он боится.

5 августа, пятница.

[...] По вечерам ходим гулять в поле между виноградниками. [...] Когда мы возвращаемся, город уже спит. [...]

13 августа, Воскресенье.

В Понтины окончательно решили не ехать. Жаль, [...] хотелось пожить новой жизнью, [...] а главное, поближе познакомиться с Андрэ Жидом и другими писателями. Само по себе Понтины тоже интересно. Это приглашение на 10 дней в старинное шато в литературную компанию, [...] в не похожую ни на что обстановку мне кажется очень заманчивым. Но Яну все это представляется в другом свете. Он, на мой взгляд, просто нервно болен. Вероятно, все думает об Юлии Алексеевиче, ведь, по всем вероятностям, скоро год с кончины его. Сегодня в церкви Ян плакал. [...]

20 августа, воскресенье.

[...] Как всегда по воскресеньям, завтракаем вместе с Мережковскими и я не мою посуды, а после завтрака идем все в нижний кабинет З. Н. и около часу ведем беседу [...] Она теперь в кокетливой переписке с Милюковым, читает нам его письма, иногда и свои.

21 августа.

Снимали летучую мышь в комнате Дм. Серг. Она высоко висела на стене над постелью. [...] Ян шутил: «Позвольте снять щипчиками». З. Н. возмутилась. Они все не могут никого убить, хотя все едят мясо. Дм. С. рассматривая ее, восхищался: «Какая шерстка, какая прелесть!» [...]

Гуляли вдвоем с Яном, было приятно. Говорили о политике. [...] Говорили и о том, что для Кусковой и Прокоповича не нужна старая Россия, а нужна новая, с их кооперативами, а мы не можем забыть того прекрасного, что было в России.

Ян сказал: «[...] Мне скучно с ними. Я не знаю, что мне делать, о чем говорить мне с ними. Поэтому и писать не хочется». [...]

Вечером я сидела с З. Н., говорили о Москве, об институтах. Она рассказывала мне о своих сестрах, которых очень любит. [...] Потом я рассказывала об Одессе. [...]

1 сентября 1922 года.

[...] От Андрэ Жида письмо, очень любезное. Сожалеет, что мы не могли приехать в Потиньи. [...]

Многие говорят, что у Мережковских большое умственное напряжение. Я его не ощущаю. Д. С. чаще всего говорит о деньгах, об еде и т. п., а З. Н., правда, спорить любит, но это любовь спортивная, а не для выяснения истины. Сегодня она говорит Яну: «Вот вы всех в одну кучу валите — Блока, Кусикова и т. д.» — «Бог с вами, — возражает Ян, — вы как на мертво-

го. Я всегда выделял и выделяю Блока, всегда говорю, что Блок сделан из настоящего теста». — «Нет, и Блока вы так же настойчиво ругаете», — говорит З. Н. не слушая, — «как и Кусикова. А по-моему, с Кусиковым нужно бороться как с вонью». — «Да, Блок опаснее Кусикова», — продолжает Ян: «ибо Кусиков погибнет, а Блок много еще вреда принесет».

В своей половине мы продолжали разговор.

Ян: Как к З. Н. ничего не прилипает.

Я: А как ты не понимаешь, что Кусиковы — ее порождение?

Ян: Правда, она много всякой дряни породила.

Я: Да, бабушка русской большевицкой поэзии.

Ян: Вот я скажу ей это.

Я: Она обидится.

Ян: Нисколько, ей это будет лестно.

31 авг./13 сентября.

[...] За обедом З. Н. сказала: «Бунин занимает меня», и сказала это, как-бы вслух свою мысль. [...] Пришел Ян и сказал: «Меня трогает Дм. С. вот уже два вечера. Он говорит: нет у меня земли, то есть не только нет России, но я чувствую, как вся земля уходит из-под моих ног. — Нет, — прибавил Ян, — он не плохой человек! А она — злая. Как она сегодня за завтраком была ко мне зло настроена».

21/8 сентября.

Чудный день с паутинками. Настоящее наше бабье лето! [...] Сегодня папе семьдесят лет. В Москве собирались отпраздновать этот день. И радостное, и щемящее чувство. Хочется что-то сделать, куда-то поехать. И я подбиваю Яна, Мережковских нанять автомобиль и поехать в какой-нибудь замок. Останавливаемся на Шанессоне.

Поездка удалась. День, замок, все выше самых высоких похвал. В замке есть комната Екатерины Ме-

дичи. [...] И весь этот замок принадлежит шоколаднику Менье. Да, теперь поистине царство капитала. [...]

17/30 сентября.

[...] Перед чаем гуляли вдвоем. Ян говорил, что он сойдет с ума, что чувствует себя так плохо, что не может писать и т. д. и т. д. Я возражала, старалась успокоить. Но, кажется, мало помогла. [...] Он все еще мучается Юлием. Почти по целым дням сидит один, не говорит, не пишет, и как все люди, у которых горе, равнодушен к тому, что чувствуют близкие. [...]

[Из записей И. А. Бунина:]

20 Сент./3 Окт. 22 г. Шато Нуарэ, Амбуаз.

[...] В Берлине опять неистовство перед «Художественным Театром». И началось это неистовство еще в прошлом столетии. Вся Россия провалилась с тех пор в тартарары — нам и горюшка мало, мы все те же восторженные кретины, все те же бешеные ценители искусства. А и театр-то, в сущности, с большой дозой пошлости, каким он и всегда был. И опять «На дне» и «Вишневый сад». И никому-то даже и в голову не приходит, что этот «Сад» самое плохое произведение Чехова, олеография, а «На дне» — верх стоеросовой примитивности, произведение семинариста или самоучки, и что вообще играть теперь Горького, если бы даже был и семи пядей во лбу, верх бесстыдства. Ну, актеры уж известная сволочь в полит[ическом] смысле. А как не стыдно публике? «Рулю»?

Поет колокол St. Denis. Какое очарование! Голос давний, древний, а ведь это главное: связующий с прошлым. И на древние русские похож. Это большое счастье и мудрость пожертвовать драгоценный колокол на ту церковь, близ которой ляжешь навеки. Тебя

не будет, а твой колокол, как бы часть твоя, все будет и будет петь — сто, двести, пятьсот лет.

Читаю Блока — какой утомительный, нудный, однообразный вздор, пошлый своей высокопарностью и какой-то кощунственный. [...] Да, таинственность, все какие-то «намекы темные на то, чего не ведает никто» — таинственность жулика или сумасшедшего. Пробивается же через все это мычанье нечто, в конце концов, оч. незамысловатое.

[Из дневника Веры Николаевны:]

24 с./7 октября.

Уехали Мережковские. «Нужно хлопотать о вечере, об издании книг, иначе погибнем!» Чувствуется грусть. Ян нервничает, приводит все в порядок. [...]

26 с./9 октября, 9 часов вечера.

Пошли гулять на мосты. Дождь только что перестал. [...] Подходим. Поперек тротуара ногами к мостовой навзничь лежит человек весь в крови от горла до колен. Ян впился. Я оттащила его. Еще месяц будет бояться спать. Повернули назад. Что же это — ограбление, убийство из ревности, самоубийство или просто кровь горлом пошла? И неприятно, и любопытно. Немного прошлись за мостом и опять поворотили к месту, где лежал этот человек. На острове встречаем группу людей. Впереди, шатаясь, в крови идет, окруженный полицейскими, тот, которого мы уже сочли трупом. Мы шарахнулись в сторону, один милый амбуазец объяснил нам: «рабочие-итальянцы поссорились из-за женщины и произошел бой на бритвах. Один полоснул другого и вот результат». [...]

15/2 окт. Воскресенье.

Были у вечерни [...] Сегодня Сен-Дени, патрон нашей церкви и патрон королей. Служба была тор-

жественная, длилась полтора часа. [...] Пели удивительно хорошо. Торжественно звучал орган. Ян плакал. Вообще он в очень тяжелом настроении. [...]

7/20 октября, пятница.

[...] Ян спокойнее. Работал. Камин развлекает его и чуть-чуть согревает. [...]

[Записи Бунина:]

9/22 окт.

[...] В газетах пишут: «От холода и голода в России — паралич воли, вялость, уныние, навязчивые идеи, навязчивый страх умереть с голоду, быть убитым, ограбленным, распад высших чувств, животный эгоизм, мания запасаться, прятать и т. д.»

Тот, кто называется «поэт», должен быть чувствуюем, как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т. д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и проч. На что же мне нужны изливания души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным? Вообще раз писатель сделал так, что потерял мое уважение, что я ему не верю — он пропал для меня. И это делают иногда две-три строки. [...]

10/23 окт. 22 г.

День моего рождения. 52. И уже не особенно сильно чувствую ужас этого. Стал привыкать, притупился.

День чудесный. Ходил в парк. Солнечно, с шумом деревьев. Шел вверх, в озарении желто-красной листвы, шумящей под ногой. И как в Глотове — щеглы, их звенящий щебет. Что за очаровательное создание! Нарядное, с красненьким, веселое, легкое, беззаботное. И этот порхающий полет. Падает, сложив крылышки, летит без них и опять распускает. В спальне моей тоже прелестно и по нашему, по помещицьи. [...]

[У Веры Николаевны записано:]

13/26 окт.

[...] мы совершенно одни. Приди убей, обокради, никто не услышит, и даже нет револьвера. [...]

14/27 октября, пятница.

Совершенно совдепская жизнь. Холод такой, что сидим одетыми во все, что имеем — не люди, а слоеные пироги. На дверях одеяла, благо их в нашем шатро много. В камине огонь. И все таки лечь в постель нельзя. А ведь большинство французов живут так всю зиму. [...]

Полдня переписывала дневник Яна. Как по разному переживали мы большевиков. У него все уходило в ярость, в негодование [...]

Ян говорит, что он больше не может, нездоров, нет здесь лекарств, нужно в Париж. Пока решили ехать в понедельник 30 октября. Надеемся остановиться в гостинице [...] Начали читать Жида по-французски, потом я читаю Яну свой перевод.

15/28 окт.

[...] Письмо от хозяйки Парижской квартиры. Обещает впустить нас к 15 ноября. [...]

Днем собирали сучья для топки.

23 окт./5 ноября.

Завтра едем. [...]

25 окт./7 ноября.

[...] У Яна что-то с ушами. Распухли так, как бывает после отморожения.

Вчера были у Мережковских. Там застали Манухиных. Все обрадовались нашему внезапному приезду. [...]

26 окт./8 ноября.

[...] Куприны на новой квартире, очень миленькой и не дорогой. В кухне проведена горячая вода, — моя мечта! [...]

14 ноября, вторник.

Вчера были в Петербургском землячестве. Народу было много, теснота, бестолковость. [...] З. Н. была очень интересна. Прочла три стихотворения. В одном месте ошиблась, сделала вид, что смутилась. Зато Д. С. говорил свободно, слушать было приятно, хотя, как всегда, мысль одна очень верная, а рядом парадокс. Время от времени раздавалось: «довольно!» — это З. Н. вмешивалась, вероятно, на правах жены. Тогда публика начинала протестовать и просить Д. С. продолжать. Бальмонт сидел со злым лицом. Прочел трое стихов, длинных, однообразных и скучных. [...]

Сказал слово и Куприн. Просто, симпатично, тепло. Словом, каждый остался верен себе: Гипсиус в стихах еще раз возвестила, что она пророчица. Мережковский сыпал парадоксами и тоже ввернул, что он пророк. Бальмонт истекал рифмами. А «Папочка» [А. И. Куприн. — М. Г.] кротко призывал всех к любви. [...]

20 ноября, понедельник.

[...] Зашел Куприн. Можно венчаться в пятницу. Говеть не нужно. Это меня немного огорчило. И даже стало жутко, точно Бог еще не хочет допустить меня до причастия. Позднее пятницы можно только в воскресенье, а там уже Филипповки. Уговаривал пригласить певчих, но Ян ни за что: «И так стыдно». [...]

11/24 ноября, пятница.

Сегодня мы венчались. Полутемный пустой храм, редкие, тонкие восковые свечи, красные на цепочках лампы [...]. Весь чин венчания, красота слов, наконец,

пение шаферов (певчих не было) вместе со священником и псаломщиком [...] я чувствовала, что совершается т а и н с т в о. [...] Было лишь грустно, что все близкие далеко.

По окончании венчания все были взволнованы и растроганы. Милый «папочка» так был рад, что я его еще больше полюбила. Лихошерстов был трогателен, а Ян казался настоящим женихом.

Вся служба напоминала нечто древнее, точно все происходило в катакомбах. Мне было приятно, что никого не было из «проводимых». [...]

Из церкви поехали домой [...] Меню: семга, селедка, ревельские кильки, домашняя водка, жареные почки и курица с картофелем, 2 бутылки вина, мандарины, чай с грушевым вареньем, которое превратилось почти в карамель. Ал. Ив. ласково упрекал Яна, что он мало приготовил водки. [...]

4 декабря.

[...] сегодня вечер Бальмонта и я должна ехать за ним, т. к. он требует, чтобы его «привезли», а послать за ним некого.

Обедали мы у Карташевых. Кроме нас был Куприн. [...] Говорили о Белом, об его воспоминаниях о Блоке. [...] К сожалению, мне пришлось рано уехать за Бальмонтом. [...] Бальмонт жаловался на безденежье. [...] Народу было мало. Как раз в этот день театр приветствовал Художественников и, конечно, весь русский Париж был там.

Бальмонт читал, как обычно, т. е. через пять минут уже невозможно было следить за смыслом. [...]

6 декабря.

[...] Ян поехал к Аргутинскому справиться насчет визы Шмелевым [...] Потом вернулся Ян. Читал вслух письмо от Шмелева, которое трудно читать без слез.

[Вероятно, тут говорится о письме И. С. Шмелева из Берлина от 13/23 ноября 1922, находящемся в архиве. Привожу выдержки:

Дорогой Иван Алексеевич, после долгих хлопот и колебаний, — ибо без определенных целей, как пушинки в ветре, проходим мы с женой жизнь, — пристали мы в Берлине 13-го (н. ст.) ноября. Почему в Берлине? Для каких целей? Неизвестно. Где ни быть — все одно. Могли бы и в Персию, и в Японию, и в Патагонию. Когда душа мертва, а жизнь только известное состояние тел наших, тогда все равно. Могли бы уехать обратно хоть завтра. Мертвому все равно — колом или поленом. $\frac{1}{4}\%$ остается надежды, что наш мальчик каким-нибудь чудом спасся. [...] Но это невероятно. Всего не напишешь. [...] осталось во мне живое нечто — наша литература, и в ней — Вы, дорогой, теперь только Вы, от кого я корыстно жду наслаждения силою и красотой родного слова, что может и даст толчки к творчеству, что может заставить принять жизнь, жизнь для работы. [...]

Внутреннее мое говорит, что недуг точит и точит, но Россия страна особливая, и ее народ может еще долго-долго сжиматься, обуваться в лапти и есть траву. Думать не хочется. Москва живет все же, шумит бумажными миллиардами, ворует, жрет, не глядит в завтрашний день, ни во что не верит и оголяется духовно. Жизнь шумного становища, ненужного и случайного. В России опять голод местами, а Москва живет, ездит машинами, зияет пустырями, сияет Кузнецким, Петровкой и Тверской, где цены не пугают [...] жадное хайло — новую буржуазию. «Нэп» жиреет и ширится, бухнет, собирает золото про запас, блядлив и пуглив, и нахален, когда можно. Думаю, что радует глаза «товарищам» и соблазняет. Зреет язва, пока еще закрытая. А что будет — не скажет никто. Литература — случайна, пустопорожна, ли-

шена органичности, не имеет лица, некультурна, мелка, сера, скучна, ни единого проблеска духовного. Будто выжжено, вытравлено все в жизни, и ей не у чего обвиться, привиться. [...]

Теперь Манухин уже за то, чтобы Яну дали Нобелевскую премию. А летом уговаривал меня, чтобы я склонила Яна отказаться от премии в пользу Мережковского. А когда Мережковский получит — он поделится. И был очень недоволен, когда я возражала, что кроме денег, есть кое-что другое, что заставляет желать получить премию. Ян сказал ему, что Ромэн Роллан выставил его кандидатуру в Стокгольме. Он очень оживился, стал строить всякие проекты, словом, впечатление такое, что мы самые близкие друзья. А я боюсь таких людей. Сегодня друг, завтра враг. [...]

[Следующая запись Бунина рукописная:]

28. XI. (11. XII.) 22 г.

У Денисовой, потом обедал у Фондаминских. Опять спор, как отнестись к Блоку, Белому. Мережковские: «Это заблудшие дети». Да, да блудить разрешается, но только влево. Вот Чехову 20 лет не могли забыть, что он печатался в «Нов. Вр.».

Кафедру рус. литературы предлагают мне чехи. Откажусь. [...]

У Фонд[аминских] муж Л. С. Гавронской, Бор[ис] Осип[ович], доктор, только что из России: «жить в России невысказано, вся Россия острог, вся поголовно больна, кроме главарей...» А в Париже все кричат о том, что большевики «в панике». Всё затем, чтобы сказать: «Всё обойдется и без Врангелей».

[Из дневника Веры Николаевны:]

18 декабря

Встреча с «художественниками» удалась как нельзя лучше. Все было хорошо, если не считать того, что Бальмонт напился и дважды сказал бестактную речь — сначала на тему, что он первый создал «Чайку», а потом что-то насчет актера.

В театре было очень хорошо. Москвин, действительно, талантлив. Ян даже плакал, конечно, и вся Русь старая, древняя наша сильно разволновала его. [...] Народу было битком полно. [...]

Приехали мы к Цетлиным одни из первых. [...] Когда приехали все артисты, хозяйка пригласила к столу. Качалов не приехал. [...] Так как оказалась брешь за главным столом, то с нашего стола попросили заткнуть ее Кульманом¹³. [...] Напротив Станиславский, А. В. Цетлин, Вишневский. [...] Блистала красотой Надежда Григорьевна Высоцкая. Книппер часто подходила к нам, шутила с Яном. Вообще все артисты были очень любезны с нашим столом. [...] Говорились речи и все на тему, что Художественный театр выше всего, а их главная заслуга — что его сохранили. [...]

После ужина мы разговаривали с Лужскими. Они рассказывали нам про Телешовых¹⁴. Мы их просили прийти к нам, чтобы получше расспросить их о Москве. Они обещали во вторник.

[...] Куприн говорил речь и был в благостном настроении.

Потом стали уговаривать ехать в Халь, есть луковый суп. Станиславский сказал, что поедет только в том случае, если поедет мы. Поехали: Станиславский, Гончарова, Ларионов, Книппер, Москвин, Маршак, еще кто-то и мы. Мы сели в такси со Станиславским, Гончаровой, Ларионовым, и отбились от прочих. Долго бродили по пробуждающемуся Халю, смотрели на

привозимые продукты. [...] Наконец, нашли в каком-то ресторанчике остальных. Было душно, дымно и шумно. Танцевали [...] Станиславский все держался Яна, уговаривал писать для них пьесу. С нами же был и Ларионов, который почти все время без умолку болтал [...]

Просидели мы, что называется, до поздней обедни. Ехали обратно через пустынный Париж, завезли Станиславского, домой попали в десятом часу утра.

Впечатление от Станиславского очень хорошее, хотя он ставит театр выше России. В этом и разногласие наше. [...] Ему пришлось многое пережить, его выселили из квартиры, Бог знает, куда. Сын его в это время простудился и схватил туберкулез. Теперь они уезжают в Америку.

Днем к нам пришла Книппер. Ян спал и мы долго сидели с ней вдвоем. Она много рассказывала и жаловалась на Марию Павловну [Чехову. — М. Г.], которая, по ее словам, проявила много жестокости и жестокости, например, к брату Ивану Павловичу. Потом рассказывала о скупости М. П. [...]

Потом она стала советоваться насчет издания книг. У нее покупают иностранцы, а также она продала «Слову» письма Антона Павловича к ней.

Рассказывала и о России, но очень сдержанно. Не успела, как следует, осмотреться и, пожалуйста, опять ехать за-границу. [...] Ушла в шестом часу.

На «встрече» мы начали продавать билеты на вечер Шмелева. Ян никуда не годится, как продавец — конфузится, так что пришлось мне взяться за это дело. [...]

Была сегодня у М. С.; она лежит. Говорит, что никогда не пригласит Бальмонта, когда будет вино: «Бальмонт, вино и я — несовместимы!» [...]

19/6 декабря.

Ушли от нас только что Лужские. [...] Много го-

ворили о Телешовых. Николай Дмитриевич — настоящий старик, Елена Андреевна работает. Андрюша — деликатный молодой человек, учится на доктора. Тяжело им всем очень. Ненависть к большевикам огромная, к евреям еще сильнее. [...] отношение у них к большевикам совсем не наше, они стараются отыскать и хорошие стороны в теперешней жизни. [...]

26/13 декабря.

[...] Получили билеты на вечер Художественного театра в каком-то частном доме. [...] Поднимаясь по лестнице в особняке, мы встретили Качалова. Блестящ, в безукоризненном фраке с шелковой полосой на брюках. Очень любезно, по-актерски, поздоровался с Яном. Мы познакомились. Зала небольшая, набита до отказа. Читают актеры и актрисы. И странно — художественники читают плохо. [...] Хорош был только Москвин.

После вечера хозяйка пригласила ужинать. [...] С нами сидела Книппер, мило подтрунивавшая над Яном. [...] Она жаловалась на усталость, т. к. всю прошлую ночь они пьянствовали у Моло, где среди гостей был и Борис Владимирович, Великий Князь. «Все смешалось в доме Облонских». Говорят, Москвин был в ударе и много пел.

За ужином я сидела с Милюковым, который был очень любезен. [...] Речей не было, по уговору, но вдруг, уже почти в конце ужина поднимается изящная фигура Качалова, томно становится у колонны и начинает читать «Солнце» Маяковского. Милюков говорит: «Я думал, что Маяковский совсем не умеет писать, а теперь вижу, что он поэт». Когда Качалов кончил под аплодисменты ошалевших эмигрантов и стало тихо, Ян громко сказал: «Поедем, а то, пожалуй, еще будут читать и ленинские речи». Мы уехали.

Дорогой обсуждали, почему Качалов без всякой просьбы стал читать стихи именно Маяковского, т. е.

одного из самых ярких большевицких стихотворцев? Решили, что он боится своего белогвардейского прошлого и «старается». [...]

Между прочим, рассказывают, что против театра, где играет «Художественный» есть ресторанчик, где сидят статисты театра и ведут пропаганду, чтобы возвращались в Россию. Конечно, с труппой приехало много переодетых большевиков, которые следят за актерами. [...]

1923

[Записей за 1923 год мало и у Ивана Алексеевича, и у Веры Николаевны. Начинаю с записей Веры Николаевны:]

1 янв. (н. ст.)

Новый год франц. мы встретили на мосту Александр[андра] III, возвращались от Карташевых пешком. [...] Нам показалось это знаменательным. [...] Ян сказал: — Может быть, мы вернемся в этом году?

3 янв. (н. ст.)

[...] Зашли Цетлины. Я сказала, что Ян у Куприна. Они пошли за ним и, вернувшись, просидели весь вечер. [...] Говорили о Худож. театре, о лекции Куприна и Яна, о лете [...]

4 янв. (н. ст.)

[...] Лекция Куприна. Это не лекция. Как-то слабо и неинтересно. Мысль, что гений и злодейство не могут ужиться — не новенькая, и странно читать лекцию, чтобы сказать это. [...]

7 января.

[...] Визу для Шмелева выслали вчера в дипломатическом «вализе».

8 января.

Пришел интервьюер. [...] Ян: — [...] Оттого, что я был в оппозиции, не значит, что я не искал. Я за органичность в искусстве. Если я талантлив, то я скажу новое. Зачем же кричать: Я новый! Я не похож на прежних! Я ни на кого не похож! — Кто же начал без подражания! Я нашел через некоторое время себя, свою музыку. [...] «Деревня» — реализм. «Господин из Сан-Франциско» — симфоничен. Появилось в Советской России большое количество пролетарских писателей и поэтов. Есенин — сознательный хулиган. [...] Маяковский тоже натура грубая. [...]

[Из записей Ивана Алексеевича:]

1/14 янв. 1923.

Новый год встречали у кн. Пл. Ник. Аргутинского. Нувель, Зилотти. Позднее художник Пикассо с женой, которая по происхождению русская. Маленький, довольно простонародного склада. [...]

[Из дневника Веры Николаевны:]

15 января (н. ст.).

[...] Письмо от Шмелева. Приезжают в среду. [...]

16 января (н. ст.)

[...] Ян все время усиленно работает. Мы ложимся спать поздно [...] в голове у него лекция.

18 янв.

[...] Вечером у нас Шмелевы и Цетлины. Ив. Серг. [Шмелев. — М. Г.] читал из «Это было», что он хочет прочесть на вечере. [...] Читает он хорошо, увлекается. [...]

20 янв.

[...] Лекция Яна живая. Мне кажется, слушать ее будет легко. [...] Ян послал билет [на вечер Шмелева. — М. Г.] Кесселю и просил его написать о Шмелеве, также говорил о нем с Шлецером. [...]

23 янв.

Передали Шмелевым 1800 фр. [...]

24 янв.

Лекция Яна. Народу было очень много. Ян читал внешне спокойно. Читал хорошо, но немного быстро (стихи), т. к. боялся, что не успеет кончить. [...] Публика была незнакомая. Много молодежи. [...] Многие подходили и выражали восхищение. [...] Аргутинский пригласил нас и Шмелевых к нему чай пить. Мы просидели у него до часу, Шмелев много рассказывал. [...]

26 янв.

Ездили к Боссару насчет Шмелева. Он сказал, что даст ответ через 2 недели. [...]

27 янв.

Были у Цетлиных. Интересный разговор о поэтах, почему поэт должен быть консервативным, должен быть порождением быта. Ян развивал свою теорию о воспоминаниях, о наследственности, об органичности в поэзии. [...] Шмелев сначала был как-бы задет, но затем, когда Ян объяснил, что он говорит о духовности в наследстве, то согласился. Ян говорил: «Вот и ваш талант объясняется, м. б., тем, что предки ваши были староверы, жили духовно, боролись из-за веры. Тут уже начинается культура». Шмелев говорил, что он думал о влиянии на литературу церкви, духовных служб, что они играли в жизни писателей большую роль. [...]

29 янв.

Петерб. землячество — мертворожденное дитя, петербуржцы не ходят. Было около ста человек. Ян прочел из «Петлистых ушей» все, что относилось к самому Петербургу. [...]

Говорят, что в Берлине жизнь русская, только нет Че-ки. [...]

31 янв.

[...] Шмелев задает наивные вопросы, он, например, сказал: «А что, если написать Горькому, убедить его, кто такие большевики. Он ведь теперь ясно видит. Ведь если бы он перешел на нашу сторону, то какое это произвело бы впечатление на всех. Ведь Европа его очень ценит».

6 февраля.

Сейчас Ян вел странный разговор со мной — готовил меня к смерти мамы. Он видел ее нехорошо во сне. [...]

7 февраля.

[...] Был Шмелев. Странно спросил о маме. Боюсь, что он уже знает. [...] Почти год назад она писала, что много думает о смерти. [...]

8 февр.

[...] Разбираю письма. [...] Попалась пачка писем Бальмонта. Вот льстец. [...] Ведь по письмам можно думать, что дороже Яна для него нет никого. [...]

9 февр.

Никаких известий. Тревога все усиливается. [...] За обедом говорили с Яном о загробной жизни. Ян верит в бессмертие сознания, но не своего я. [...]

15 февраля.

Моск. земляч. Народу мало. Между прочим, Гучков¹ [...] расстроился, узнав о смерти Ив[ана] П[авловича] Чехова. Он рассказывал, какой это был необыкновенный учитель народных школ. Жена его тоже хорошая учительница. [...]

26 февраля.

[...] Узнала о кончине мамы.

5 марта.

Были у Шмелевых. Их обстановка напоминает мне московскую студенческую: огромный диван и стулья.

Весь вечер проспорили о Блоке, о Камерном театре [...]

6 марта

[...] Днем были Шмелевы. Гуляли в Булонском лесу, потом зашли к нам, пили чай. Я прочла письма из Москвы. Ольга Алекс[андровна] [Шмелева. — М. Г.] меня всегда успокаивает. Может быть, отчасти оттого, что ее горе самое большое: расстреляли, замутили и неизвестно куда кинули сына. А сын у них, кажется, правда был чудесный, храбрый, благородный.

7 марта.

[...] Тэффи делали операцию, чуть не умерла. [...]

8 марта.

Были у Шестовых. Интересный разговор о юродивых. Шест[ов] понимает их, как неприемлющих жизнь и связывает их с философами — Платоном, Платином, Диогеном. [...]

12 марта.

Ян был у Мережковских. З. Н. сухо сказала о «Ги-

бели»: «Это манера толстовская». Ян возразил, что он давно пишет этой манерой, и она не похожа на толстовскую. — «Нет, вы все накручиваете и накручиваете». Потом она читала Яну, что она написала о Распутине — «Самый обыкновенный мужик, юрод». И это знаменитая писательница! Она ничего не понимает в людях. Мужик он недюжинный, и совсем не юрод. [...]

31 марта.

[...] Были у всенощной. Служил Евлогий. Я в первый раз видела так близко архиерейское служение за всенощной. [...]

Ян вернулся от Мережковских веселый. Д. С. был в хорошем настроении. З. Н. ругала монархистов.

17 апреля.

Вечер Яна.

3 мая.

Отъезд из Парижа.

4 мая.

Утром из Марсея в Ниццу. [...] В Ницце устроились хорошо. В «Петрограде» приятно, хоть русское название. [...]

6 мая.

Через Канн в Мужен. Антиб.

8 мая.

Утром ездили по Антибам и Juin les Pins. Ничего не подошло, но ехать было приятно. [...]

10 мая.

Вернулись с поисков дачи. Устали. Ничего не нашли. Дач сдается мало. Они дороги и неудобны.

12 мая.

[...] Опять ездили и ничего путного не нашли. Близь Ментона есть две дачи. Одна очень жаркая и только до 1 сентября.

14 мая.

Грасс. Агентства. [...] очень забавная женщина, по существу милая, сдала нам виллу Mont-Fleury, которая стоит высоко над Грассом, в большом саду, где растут пальмы, оливки, хвойные деревья, черешни, смоковницы и т. д. Вид божественный — на Сред[и-земное] море, на Эстерель. [...]

17 мая.

Переехали на дачу. Вещи на себе перевез какой-то итальянец. Сначала взялся, потом скандалил, а затем просил, чтобы его наняли, когда мы будем уезжать. [...]

20 мая.

Ждем Володю². [...] После завтрака мы пошли смотреть дачу. Дача понравилась. Поторговались из-за срока и сошлись: с июня по 8 октября. [...]

21 мая.

[...] Ян с Володей ездили в Канн. Пришли газеты, письмо от Шмелевых. [...] Они согласны и едут, только неизвестно когда. [...]

22 мая.

[...] Ему [Злобину. — М. Г.] здесь очень нравится. Подписал контракт. Распределил комнаты, у З. Н. целый апартамент, у Д. С. тоже прекрасные две комнаты. У Володи просто, но хорошо.

29 мая

Ходили с Яном в город за покупками. Какие в Грассе древние дома, церкви. Совершенно итальян-

ский характер улочек, дворов. [...] На базаре тоже часто слышишь итальянскую речь. [...]

6 июня.

Приехали Шмелевы. [...] Ольга Алекс. очень поху-девшая, Ив. С. бледен, возбужден, накален. Много рассказывал о парижской жизни, о знакомых. Куприн опять без денег. Ал. Ив. сказал, что он «забросил чепчик за мельницу». [...] У Бальмонта на вечере было пусто, но денег он собрал тысячи четыре. От Карташева Ив. Серг. в восторге: «Вот правильное отношение к Христу, реальному. [...]»

9 июня.

[...] По дороге в Мужен Ян [...] говорил о своем творчестве, как созидался у него «Илья Пророк». Ехал в Елец и увидел на большой дороге изба строится и стружки блестят на лунном свете.

13 июня.

[...] Ол. Ал. удивительно хорошая женщина. Вот, какая жена должна быть у писателя. И зачем у них такое горе! Как они все трое любили друг друга, как-кие у них были нежные отношения. [...]

17 июня.

Приезд Мережковских. З. Н. пришла к нам очень оживленная и возбужденная, бросилась Яну на шею. Дм. С. в хорошем настроении. Дача им понравилась. [...]

27 июля.

[...] На вечерней прогулке Ив. С. опять вспоминает сына, плачет. Он винит себя, винит и мать, что не настояли, чтобы он бежал один, без них. Но все дело, конечно, что у них всех трех не было физиологи-

ческого отвращения к жизни с большевиками. Погубила и дача³, она удержала подсознательно.

29 июня.

[...] В 6 ч. приходят Мережковские. Выходим в сад. З. Н. говорит: «Нужно нам, писателям, определиться, это надо сделать для французов. А то они говорят — вы мистически настроенные люди и только. — Падут большевики и что же? Будем мы поддерживать всякое правительство?» Дм. Серг. сказал, что он за религиозный фашизм. Это придумано хорошо. Ив. С. говорил долго и горячо. Он — белый. Он монархист-консерватор с демократическим оттенком, но против четыреххвостки⁴ и т. д. Ян сказал, что он за Врангеля и Кутепова, т. е., что он думает, что только сильная военная власть может восстановить порядок, усмирить разбушевавшегося скота.

Потом говорили о том, что большевизм — это, действительно, рабоче-крестьянское правительство и что, конечно, большевики пришли навстречу русскому народу, не желавшему воевать и желавшему грабить.

Письмо от Ек. П. [Пешковой. — М. Г.]. Она прожила 5 дней в Алассио. Письмо восторженное, без ять и ни слова о Максиме и Ал. Макс. [Горьком. — М. Г.]

8/25 июля.

Пришли Мережковские. Говорили о Тихоне⁵, о том, какая часть романовской крови была в Ник[олае] П. З. Н. спрашивала: «Что Палеолог писал все в России еще, или же здесь, и так сказать, сжулил?» Ее смущают пророчества его. Она искренне думает, что предсказывать может только их дом.

Вечером мы гуляли втроем. Ив. С. рассказывал о Валааме, о Новом Афоне⁶. [...]

16 июля.

Ян уехал на два дня с Моисеенко на автомобиле в горы.

[Среди бумаг Ивана Алексеви́ча сохранился напечатанный на машинке листок бумаги с незаконченным текстом:]

Укус змеи нечто совсем особое, мистически странное, незапамятно древнее.

Летом 23 года мы с Моисеенко ехали в автомобиле из Грасса в Тулон. Моисеенко в какой-то долине остановил машину, чтобы что-то исправить в ней, я перескочил с шоссе через канаву, лег головой к ней в траву, хотел отдохнуть, покурить, как вдруг услышал, как что-то змеей мелькнуло возле меня и в то же мгновение я, от моего постоянного патологического ужаса к змеям, так дико взбросил ноги в воздух, что дугой перелетел через канаву назад и стал на ноги на шоссе — сделал то, что мог бы сделать лишь какой-нибудь знаменитый акробат или мой древний пращур, тигр, барс. — Мы не подозреваем, какие изумительные силы и способности еще таятся в нас с пещерных времен. [...]

[Из дневника Веры Николаевны:]

24 июля.

Ольгин день. У нас по-русски пироги, торты. Завтракают Мережковские. Подобие России, но я не люблю это — легче, когда не вспоминаешь.

Зин. Ник. оставалась дольше всех. Говорила о Карташеве, что в нем пропало все ценное — пророческое. [...]

31/17 июля.

[...] Трудный он [И. С. Шмелев. — М. Г.] человек — или молчит с обиженным видом или кричит

возбужденно о вещах всем известных, тоном пророка. Он, вероятно, привык вращаться в среде, где его слушали с раскрытым ртом, а он вещал, прорицал, был как бы совестью окружающих. А с нами это смешно. [...] Он породы Горького, Андреева, а не Яна, даже не Куприна. Ему хочется поучать, воспитывать, поэтому сам он слушать не умеет.

1 августа.

[...] Письмо от Верочки [В. А. Зайцевой. — М. Г.]. В Берлине тяжело, накануне революции. Многие русские собираются назад в Россию. Зайцевы не хотят. [...]

[С августа 1923 г. возобновляются записи Ивана Алексеевича:]

3/16 Авг. 23 г.

Купанье в Восса. Вокзал, олеандры, их розы и голубая синева моря за ними. Три купальщицы, молоденькие девушки. Незабываемое зрелище. Очки цвета иода. [...]

5/18 Авг. 23 г.

После завтрака облака на западе. Скоро понял, что не облака. Говорят, что идет страшный лесной пожар. [...] Часа в четыре все ближе докатывающийся до нас мистраль, хлопанье дверей по всему дому. Облака заняли треть неба. Густое гигантское рыжеватогрязное руно — Апокалипсис! Ночью огонь.

6/19 Авг. 23 г.

Lassus maris et viarum, — устав от моря и путей. Гораций. Как хорошо!

При воспоминании вспоминается и чувство, которое было в минуту того, о чем вспоминаешь.

[6 августа В. Н., между прочим, записывает:]

З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] Зайцева ставит выше Шмелева, но женщина в «Зол[отом] узоре»⁷ ей непонятна. [...]

[На следующий день запись:]

[...] Ив. С. [Шмелев. — М. Г.] трогательно учится по-английски. В нем как-бы два человека: один — трибун, провинциальный актер, а другой — трогательный человек, любящий все прекрасное, доброе, справедливое. [...] Сегодня он говорил: «Нет, писать теперь нужно серьезное». Ян стоял, слушал цикад, кот. необыкновенно хорошо стрекотали, и думал: «А я хотел бы изобразить, как следует, вот эти звуки».

17 августа

[...] За обедом спор из-за Ал. Н. Толстого. Мы с Яном доказывали, что он сделан из худож. материала, но, конечно, он пестр и часто неровен. Ив. С., Ольга Ал. [Шмелевы. — М. Г.] и Евг. Ив. [Моисеевко. — М. Г.] не признают его писателем. Особенно нападает Ольга Ал.

Ив. С.: «Да, странички, листочки, строчки у него есть, а произведения нет. Он никогда не взволновал меня, не задел души». [...]

[Запись Ивана Алексеевича:]

7/20 Авг. 23 г.

Опять купался в Восса. Перед вечером перед домом, по саду спокойный, недвижимый, чуть розоватый свет. И запах гари. Август, август, любимое мое.

Gefühl ist alles — чувство все. Гете.

Действительность — что такое действительность? Только то, что я чувствую. Остальное — вздор.

Несрочная весна.

Grau, lieber Freund, sind alle Theorien,
Doch ewig grün das goldne Baum des Lebens —

Все умозрения, милый друг, серы,
Но вечно зелено золотое Древо Жизни.

Лаоцзы, написавший Тао-те-кин, родился с седыми волосами, старцем. Страшная гениальная легенда!

«Мысль изреченная есть ложь...» А сколько самой обыкновенной лжи! Человеческий разговор на три четверти всегда ложь, и невольной, и вольной, с большим старанием ввертываемой то туда, то сюда. И все хвастовство, хвастовство.

[Из записей Веры Николаевны:]

28 августа.

Карташевы... Они завтракали у нас и пробыли до 6 часов.

А. Вл. рассказывал о Ник[олае] Ник[олаевиче]⁸. Высокий, большой старик, похожий на Павловичей, очень русский, без всякого европейского налета. Он совершенно не развит политически, но в этом-то и сила его. Он считает, что случилась катастрофа непоправимая. Ему кажется, что это конец. Он сам ни к чему не стремится, но к нему обращаются, толкают его, говорят, что его долг возглавить и т. д. Его колебали, но он твердо сказал, что ему важно знать не мнение эмиграции, а мнение России, и если там его желают, то он готов принести себя в жертву. Похож он на помещика. [...]

2 сентября

[...] Сегодня Куприн написал очень хорошую ста-

тью о Государе, что он будет причислен к лику Святых. Чем объяснить такую смелость?

[У Бунина записано:]

Ночью с 28 на 29 Авг. (с 9 на 10 Сент.) 23 г.

Проснулся в 4 часа, вышел на балкон — такое божественное великолепие сини неба и крупных звезд, Ориона, Сириуса, что перекрестился на них.

Конец сент. 1923 г., Грасс.

Раннее осеннее альпийское утро, и звонят, зовут к обедне в соседнем горном городке. Горная тишина и свежесть и этот певучий средневековый звон — все то же, что и тысячу, пятьсот лет тому назад, в дни рыцарей, пап, королей, монахов. И меня не было в те дни, хотя вся моя душа полна очарованием их древней жизни и чувством, что это часть и моей собственной давней, прошлой жизни. И меня опять не будет — и очень, очень скоро — а колокол все так же будет звать еще тысячу лет новых, неведомых мне людей.

[Из дневника Веры Николаевны:]

5 октября.

Отъезд Шмелевых. [...]

9 октября.

Последний вечер на Mont Fleury. [...] все к лучшему, мне было бы очень тяжело одной в таком огромном доме, да и дешевле, да и надо настраиваться на этот лад, на лад бедных людей, без ванн, без салонов и т. д. [...]

[Запись И. А. Бунина:]

Воскресенье 16/29 окт. 23 г.

Поездка на Лоренск[ие] острова. Чай в Grill Room на набережной в Cannes. Сумерки, хмуро, теплый ветер, мотающий краями маркиз за окнами. Окна налились сине-фиолетовым, за ними в разные стороны раскинутые, махающие перья пальмы, в море туман, огонь — рубин далекого маячка на молу. В Grill'e зажженные хруст[альные] люстры и такие-же, отраженные, висят за окнами, над улицей, не мешая видеть пальму. Музыка, удивительно неподходящая к публике, — то ироническ[ая], то страстно-грозно-печальная, виолончель, как женск[ий] голос. Метрдотель маленький, круглый, ручки удивит[ельно] отдельные от тела, на быстром ходу махающиеся. Молодой лакей в белой куртке, итальянец, черные конск[ие] волосы, почти нет лба. Музыкант за пианино похож на немца, скрипка — все косое, ушедшее в нос лицо, виолончель — оч. красивый португалец. Из всей публики выделяется намазанная старая дама, страшная как смерть.

Все время думал о [...] Он мысленно всех раздел, знает всю грязь — тайную — белья музыкантов, лакеев, вообразил все их пороки. Хорошо бы написать такой рассказ. Он, напр., сидит долго, долго в нужнике — некуда итти ночевать — вспоминает всю свою жизнь...

[В записях обоих Буниных большой перерыв. В дневнике В. Н. редкие и лаконические заметки. Ее записи возобновляются в январе 1924 года, записи Ивана Алексеевича, за исключением одной, — только следующим летом. Они сохранились в рукописи.]

19 дек 1923 / 1 янв 1924.

Целый день думаю о маме. Все стараюсь представить себе, что она чувствовала в последние сутки своей жизни? [...]

Обедал Зайцев [Борис Константинович. — М. Г.], который вчера приехал. Не видались шесть лет! Изменился мало. Выдвинулись только кости. Стал живей, подвижнее. [...] Кое-что чувствует иначе, чем мы, но все же в настроении приятном. Вера приезжает дней через десять.

У нас Петр Александрович [Нилус. — М. Г.] Он приехал из Вены. Материально ему очень тяжело. Приехал в Париж попытать счастья.

3 января.

Только что вернулись от Кульман, где кроме нас были Карташевы и П. Б. Струве. П. Б. похудел, отрастил бороду, стал красив и не утерять своей очаровательной улыбки. Он много рассказывал о настроениях в Праге и о том, что теперь варится в мире по отношению большевиков. Чехи боятся больше всего союза правых русских с правыми немцами, а потому Бенеш заключает союз с французами и Англией для водворения Милюкова в России, чтобы там устроить демократическо-республиканский образ правления. П. Б. доволен этим. [...] П. Б. говорил еще, что главное разделение эмиграции произошло из-за Милюкова, в отношении к белому движению. — Молодежь в Праге в большинстве случаев правая. Настроение различных групп различно — левые эс-эры, правые эс-эры, милюковцы, правые кадеты. Кизеветтер и Новгородцев. Первый левее второго, но более непримирим, второй правее, но ближе к примиренчеству. [...]

У Гончаровой большая мастерская с полным художественным беспорядком, но и уютом. Она показы-

вала нам свои последние работы: два тона — черный и белый, как будто и не Гончарова с ее красками. Ширмы в шесть створок и на каждой створке почти в человеческий рост по испанке, в черном бархатном платье, белой шали и кружевной белой косынке на голове. Испанки все блондинки. [...] Сама Гончарова очень мила, проста и женственна, а потому побывать у нее было очень приятно.

23 дек./5 янв.

Вчера были у Манухиных по поводу «Миссии русской эмиграции». Споры отчаянные. [...] стали обсуждать список выступающих: 1. О. Георгий Спасский, 2. Мережковский, 3. Шмелев, 4. Бунин, 5. Карташев, 6. Кульман, 7. Манухин, 8. Кульман [?. — М. Г.], 9. Студент. За вход 2 фр. [...]

31 дек./13 января 1924.

Опять перерыв в дневнике и письмах. [...] А вчера еще навалили на меня устройство вечера «Миссии эмиграции». [...]

15/28 янв.

[...] Вечера, билеты, хозяйство поглощали у меня почти все время. [...]

Смерть Ленина не вызвала ни большого впечатления, ни надежд, хотя, по слухам, у «них» начинается развал. Телеграмма, что на похоронах Ленина 6000 человек отморозило себе руки и ноги. Сколько же народу согнали они?

В «Юманитэ» заметка по поводу «Татьяны» в нашем Посольстве. [...] От начала до конца гнусная ложь. Будто был банкет в честь смерти Ленина, вино лилось рекой, мужчины были во фраках, дамы в балльных туалетах. Кто это писал? Вероятно, Донзель¹. [...]

Кстати, о Шмелеве ни слова. Он говорил речь, длинную, где в общем очень досталось бедному мос-

ковскому университету. [...] А праздновало «Татьяну» наше московское землячество. [...] Маклаковы пожертвовали чай, кренделя и этим угощали даром, кроме того были пироги и тартинки, фрукты и вино. Было пение, музыка и танцы. [...]

Ночь. Только что вернулись от Манухиных в очень тяжелом настроении. Ив. Ив. сначала отказался от председательства на собрании², затем стал говорить, что у него нет пафоса произносить речи о доме. Раньше он говорил, что следует устроить такой дом, вид чайной, где могли бы русские находить приют от своей бездомной жизни, призывать богатых жертвовать на устройство этого дома. И он должен был закончить своей речью вечер. [...] Затем Ив. Ив. стал предлагать Иг. Пл. Демидова в члены нашего кружка, мотивируя свое предложение тем, что мы слишком «правы». Было постановлено, что все речи должны быть, так сказать, в религиозном плане, а потому не важно, каковы политические убеждения говорящего. Сегодня же Ив. Ив., мотивируя свой отказ от председательства, все время указывал на якобы правую окраску речей, что вызвало отпор Шмелева, указавшего, что стыдно бояться таких слов, как «правый» и т. д. И вообще нужно искать правды и, если правду сейчас видишь в национализме, то борись за нее, ничего не бойсь. Горячо говорил и Карташев. [...] З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] упрекала Карташева, что он служит правым, он в долгу не остался и сказал: «А вы говорите левые пошлости».

1 февраля.

[...] Горький приезжает в Париж и будет лечиться у Манухина. [...]

[Манухин] отказывается и от выступления, подчеркивая, что он не хочет выступать под председательством Николая Карловича [Кульмана. — М. Г.]³.

3 февраля.

[...] Рассказы о Москве Веселовского:

— Вот, едем опять куда-то за 18 верст от Москвы. Приезжаем. Смотрим — нет даже пианино. — Как же петь? — А под скрипку! — Да под скрипку мы не можем. — Нет, товарищи, можете, а то смотрите, мы чувствуем в вашем тоне контрреволюционные звуки. Не будете петь — арестуем! — Так и пришлось петь без аккомпанемента. А возвращаться? Обещали автомобиль, ждали до 3-х часов ночи. Никто не приехал. Замерзли ужасно. Повезли на розвальнях. Лошади еле шагают. Проехали 3 версты. Возница говорит: «Слезайте, они у нас не кормлены, идите пешком!» Так к 6 часам я и дошел до дому. Чуть все ноги не отморозил. Так и со Станиславским и Качаловым бывало.

— А насчет спекуляции? Да мы все спекулянтами были, — продолжал Веселовский. — Вот поехали мы в Винницу. Знали, что там можно достать конопляного масла. Артистов возят в телячьих вагонах. Ехать долго. Я устроил чан, который обшил деревом со всех сторон и превратил его в стол. В Виннице купил масла. При обысках не догадывались. По приезде в Москву я сказал стрелочнику и смазчику, чтобы этот вагон они загнали на запасной путь, за что получают по 5 ф. масла. [...]

27 февраля.

Последствия вечера «Миссия русской эмиграции» все еще чувствуются. [...] впечатление огромное, все очень взволновались⁴. [...]

Вчера М. С. Цетлина призвала Яна и все допрашивала. Она хочет устроить у себя бой: пригласить всех выступавших с одной стороны, и Руднева, Милукова, Литовцева, Вишняка и пр. — с другой. [...]

[Сохранилась записка Ив. А. Бунина, относящаяся к этому времени:]

Понедельник, 3 марта, 24.

Станиславск[ий] и пр. сняли фотографию где-то в гостях вместе с Юсуповым. Немедленно стало известно в Москве. Немирович в ужасе, оправдывается: «Товарищи, это клевета, этого быть не может, я телеграфирую в Америку!» А из Америки в ответ: «Мы не виноваты, вышло случайно, мы страшно взволновались, когда узнали, что попали на один снимок с Юсуповым». О, так их, так! Ум за разум заходит, когда подумаешь, до чего может прийти и до чего может довести «социалистич. правительство»!

[Продолжаю выписки из дневника Веры Николаевны:]

13 апреля.

Холод в квартире такой, что сижу в шубе. [...] Почти решили ехать на юг в воскресенье. Хотим пожить недели две в Канн. [...]

Собственно, как мы все легко пережили Россию — сидим, разговариваем о платьях.

7 мая.

[...] Мы опять в Грассе. Вчера была неделя, как мы покинули Париж, а кажется, что мы целую вечность там не были. Так все отвалилось. Я рада, что пока мы одни. [...] Ян сначала расстроился, ему жутко одному в большом доме. [...]

Зашла к Яну. Лежит на диване, думает, как озглавить новую книгу. Перебирали заглавия. Остановились на «Сны Чанга». Рассказы будут в хронологическом порядке.

Вчера Ян сказал: Ну, я прочел «Кроткую». И теперь ясно понял, почему я не люблю Достоевского.

Все прекрасно, тонко, умно, но он рассказчик, гениальный, но рассказчик, а вот Толстой — другое. Вот поехал бы Достоевский в Альпы и стал бы о них рассказывать. Рассказал бы хорошо, а Толстой дал бы какую-нибудь черту, одну, другую — и Альпы выросли бы перед глазами. [...]

19 мая,

Фондаминский: Вы говорите, мужик лентяй. Но он расковырял шестую часть земного шара. Никуда не годный народ, а создал лучшую литературу в мире, создал лучшее государство по могуществу, обработал большую часть земли.

Ян: Русский народ так же талантлив, как и всякий другой народ. Всякий народ талантлив по-своему. Русский мужик не любит ковырять на одном месте. Поковыряет и идет дальше. Он не любит, не умеет обрабатывать.

Фондаминский: Никто так много не обработал земли, как русский мужик, однако. Это колоссальная заслуга перед культурой.

Ян: Какая это заслуга — бросил зерно в землю. Вот испанская культура пришла в Америку и создала кое-что. А у нас что? [...] Здесь полмиллиона простых мужиков. Что они делают — прямо золотые руки.

Фондаминский: Франция скорее погибнет, чем Россия. [...] Франция разлагается. Поговорите с французами. [...] Русский пьяница, а душа крепкая. Пьяный, грозный, распутный, а душа есть. Потому и гунны пришли, что Рим разложился.

Ян: Где борьба, где восстания? Пять студентов в Каире.

Фондаминский: Это неверно. Колоссальное национальное движение. Почему Рабиндранат Тагору дана Нобелевская премия?

Ян: Совсем не потому... Раб. Тагор — это финь шампань и дали ему потому, что он мистичен, что англи-

чане шатаются по востоку и живут у него. Болит душа, болит, вот он и взалкал по Р. Тагору, вот и Возлюбил с большой буквы. И эта мода болезненная, а не здоровый национализм.

[По соседству, как и в прошлом году, должны были поселиться Мережковские. З. П. Гиппиус в письме от 24 мая, между прочим, пишет Вере Николаевне:

«Вижу, что жить
Нам предстоит отныне
На вилле Эвелине
С тарелками немытыми,
Со ставнями закрытыми
Да глаз на глаз с москитами.»

[...] Стремлюсь вон из хаотического дома моего и жажду вас, вашей тишины, а москиты — пусть их жрут, меня все равно осталось довольно мало, последняя испанка меня окончательно похудила и состарила. [...] Если найдется домашняя баба — примусь писать два романа сразу, и пропади все.

До скорого свиданья. Скажите нашему богдыхану, чтобы ценил свое самодержавие, пока не приехала оппозиция. Когда она появляется, она всегда «подымает голову» (или «лапу»). В данном случае не преминет. Начнет с «запросов»... Может, тем и кончит, а все-таки прежней лафы нет».]

[Запись Ив. Ал. Бунина:]

1 июня (н. с.) 24 г.

Первые дни по приезде в Mont Fleuri [Бунин пишет иногда так, а иногда Mont Fleury. — М. Г.] страшно было: до чего все то же, что в прошлом году!

Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь бук-

важно, буквально было все это и при римлянах! Для этого Эстереля и еще тысячу лет ровно ничего, а для меня еще год долой со счета — истинный ужас.

И чувство это еще ужаснее от того, что я так бесконечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты. Кто же знает, не последнее-ли это мое лето не только здесь, но и вообще на земле!

[Из дневника Веры Николаевны:]

29 июня.

[...] Был общий обед с Мережковскими. Потом сидели под пальмами, вели легкий разговор на высокие темы. Было приятно.

[Запись Ив. Ал. Бунина:]

1/14. VII. 24.

Цветет гранатов[ое] дерево — тугой бокальчик из красно-розов[ого] воска, откуда кудрявится красная бумажка. Листики мелкие, глянцевиые, темно-зелен[ые]. Цветут белые лилии — стоят на обрыве против моего окна и так и сияют насквозь своей белизной, полные солнечно[ого] света. С неделю назад собрали апельсинный цвет, флер доранж.

Очень, оч. часто, из года в год, вижу во сне мать, отца, теперь Юлия. И *всегда* живыми — и никогда ни малейш[его] удивления!

«Уныние, собран[ное], как зрелые плоды» — Верлэн. «Боевые знамена символизма... молодежь признала в В[ерлэне] своего вождя...» И ни одной анафеме не приходит в голову, какие это колоссальные пошлости!

«Генеральск[ий] бунт в Испании»... Ну, конечно, раз генералы, раз правые — бунт! «Остатки демократич[еской] и социалистич[еской] совести...» Даже и

совесть-то у этих сукиных детей социалистическая, демократическая!

[Из записей Веры Николаевны:]

28 июля/5 августа.

Холод такой, что даже Мережковский стонет. Третьего дня мы с Яном ездили на острова. Редко хорошо было. На дальнем островке мы провели 1½ часа. Точно в сказке. И как только очутились на земле, поразил и ошеломил бальзамический запах пиний и стрекотание цикад. Таких звуков я не слышала нигде, даже на Цейлоне. Цикадами усеяны стволы деревьев. Они цвета коры, некрасивы и не изящны, с перепончатыми крылышками. Мы прошли на западную часть острова. Полежали на земле. Ян умылся помагометански. [...] Около часа лежали, смотрели, думали, молчали. Потом пошли назад. Захотелось есть. Сели за стол под пальмовыми деревьями — потолок беседки — спросили кофе и хлеба. [...] Мы спросили, можно ли снять комнату, чтобы провести здесь несколько дней. [...] Остров принадлежит монахам и никто не может здесь останавливаться, кроме рыбаков. [...] До St. Marguerite мы дошли очень быстро, там стояли 3/4 часа. [...] Остров менее поэтичный и более загрязненный. [...]

Возвращались, как и приехали, рядом с шофером. Казалось, что ехали на автомобиле. И мне необыкновенно красивой показалась дорога Канн—Грасс.

29 [июля]

[...] Вышли с Яном в город. Дождь. «Осень, осень», — сказал Ян. Зашли к Мережк. Он одет по-зимнему. Она в легком шерстяном белом туалете, штопает его белую рубашку. Ян принес ей рецензию на итальянском языке, где хвалят ее очень. Она слушала с нескрываемым удовольствием. [...]

[Из записей Ив. Ал. Бунина:]

4/17 Авг. 24 г.

У Пилкиных. Вдова Колчака, его сын. Большое впечатление — какие у него темные, грозные глаза!

10/23 Авг.

Когда Марс восходит, он красный. Потом оранжевый.

В 4-ом часу ночи проснулся. Истинно дивное небо! Все точно увешано золотыми цепями, созвездиями. Над горой направо, высоко — совершенно золотой серп месяца, ниже, под ним, грозное великолепие Ориона, а над ним, совсем в высоте, — стожар. Направо, почти над седловиной Наполеона, над горой крупной золотой звездой садится Марс.

Неклюдов⁵. Совершенно не слушает собеседника, соверш. не интересуется им!

[Из записей Веры Николаевны:]

14 августа.

Затмение. Луна мертвенно медного цвета. Яну хотелось спать. Зевал неистово. Когда затмение кончилось, оживился.

15 [августа].

Обед у Мережковских, рождение Дм. С.

2 сентября.

Все эти дни у нас только один разговор — о Савинкове.

Что это? Заговор вместе с большевиками [...] и подготовка к перевороту? Или же просто, потеряв терпение и веру в себя, он отправился в Россию, чтобы служить ей?

З. Н. думала сначала, что это акт отчаяния. Сегодня была огорчена, прочитав статью Гр. Ландау. [...] там рассматривается его переход, как предательство. [...]

Ян зимой как-то сказал мне: — Нет, Савинкову остается только пойти к большевикам. Он уж так низко пал, что ему деваться некуда, а в тираж выйти не хочется. [...]

Моисеенко, вернувшись в Россию после революции, отправился в департамент полиции и просмотрел, не был ли Савинков, подобно Азефу, провокатором. [...]

У нас были Ростовцевы. С 25 г. он будет читать лекции недалеко от Нью-Йорка. М. Ив. рассказывал, что три дня прожил вместе со Струве. [...] «Струве очень постарел. Длинная седая борода. Мы сидели иногда с ним часа полтора и молчали. Можно ли раньше было вообразить, чтобы Струве молчал. Да и о чем говорить, взгляды общие у нас с ним. Даже и поспорить нельзя».

[Запись Ив. Ал. Бунина:]

9 Сент. н. с. 24 г.

[...] Ах, если бы перестать странствовать с квартиры на квартиру! Когда всю жизнь ведешь так, как я, особенно чувствуешь эту жизнь, это земн[ое] существование как временное пребывание на какой-то узловой станции! [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

16 сент.

[...] Выбивают из колеи разговоры о зиме. Ян, как всегда, мечется, ясно не отдает себе отчета ни о нашем положении, ни о возможности жить вместе с об-

щиной и, как всегда у Буниных, у него волк, коза и капуста. [...]

5 октября.

Последняя ночь в Mont Fleury. Завтра мы переходим к Мережковским. Опять новая жизнь, но на этот раз это меня не радует. Хочется оседлости. Волнует неизвестность. Ведь через месяц опять нужно перекочевывать. [...]

29/16 окт.

Признание Советов. [...] Без содрогания не могу подумать, что красный флаг взвоет над посольством, что в этих уютных комнатах будет жить Раковский, и в этих залах, где мы проводили «Татьяну», будет веселиться всякая шушера, а по саду весной будут гулять комсомолки и другая шваль. И это представители России. Боже, какой позор! [...]

Париж, 10 ноября.

Пятый день в Париже. [...] Понемногу выдаем друзей и знакомых. Были на Бердяеве. Он нисколько не большевик, как кричал Дм. С. [Мережковский. — М. Г.] [...] Бердяев говорил, что в России теперь почти нет нейтральных людей. Или большевики или христиане. Предсказывал, что так же будет и в Европе. Говорил, что христиане будут в ближайшее время в меньшинстве, но важна сила веры, а не количество верующих. [...]

Положение Зайцевых тяжелое.

Обедали у Михайловых. Люди простые, милые, с музыкальными и художественными интересами. [...] Возвращались с Нилусами. Берта рассказывала, что Куприны в ужасном положении. [...] Кругом должны. Жить не умеют, не умеют ничего беречь. Жаль их, но я не вижу, как помочь. [...]

18 ноября.

Вчера были у Малявина. Масса народу, но ни одного художника. Писатели были — Ян, Куприн, Сургучев.

5 декабря.

Завтра месяц, как мы в Париже. Прожила месяц без *femme de menage*. Это победа. [...] Совсем ничего не сделала для себя. [...] За неимением времени, отказалась от всей общественной жизни. [...] Для души и для того, чтобы иногда слышать французский язык, бываю в мэрии на лекциях.

1925

[Дневники Ивана Алексеевича за 1925, 1926 и 1927 гг. были, по-видимому, уничтожены. Привожу некоторые записи из дневника Веры Николаевны:]

19 дек. / 1 янв.

Встречали басурманский Новый год неожиданно в большой компании. Михайлов привез разных изысканных яств. Кое-что и я состряпала. Кульманы пришли с вином. И уже совсем неожиданно пришли Алданов с Полонскими, после ужина у Ага. И, несмотря на большого хозяина, пир затянулся до трех часов ночи. [...]

22 дек. / 4 янв.

Ян вышел на воздух, в первый раз после болезни.

23 дек. / 5 янв.

Вечер у Мережковских.

24 дек. / 6 янв.

[...] поехали на юбилей Карабчевского. [...] По

слухам, Карабчевскому собрали около ста тысяч. Он очень нуждается, живет с семьей в Италии в совершенной нищете. [...] Ян сказал несколько слов приветствия от нашего комитета, потом от себя, он говорил о нем, как об адвокате, а не как о писателе — ведь Карабчевский тоже пишет — мне кажется, что он был этим недоволен.

25 дек./7 янв.

Наше Рождество. Тоска о прошлом. Беспокойство о тех, кто там. Безрадостность этого дня здесь. [...]

9/22 января

В 2 часа звонок. Отпирать или нет? Отперла. Мелитта [Левина. — М. Г.]. Мы как раз писали письмо в П.Э.Н. клуб. Рассказали ей, в чем дело. Она энергично стала уговаривать Яна не отказываться. Предложила мне ехать с ней немедленно в консульство. Поехали. Разузнали. Вызвали по телефону Яна. Послали в Лондон письмо-экспресс. Значит, Ян едет, если, конечно, все будет благополучно.

[...] поехали к Зайцевым. Застали всех дома, даже Тэффи. Зайцевы огорчились, что не тысяча, но старались показать, что довольны. Мы сидели, болтали, пахнуло Москвой, чем-то старым.

13/26 января.

[...] пришла Мелитта, как всегда, бодрая и энергичная. Через полчаса она с Яном уехала за визой, которая уже пришла из Лондона. Кроме того, в Префектуру за обратной визой. [...]

14/27 января (вторник).

[...] Ян уже готовится к Лондону. Временами упрекает меня, что я «подбила» его на эту поездку.

Заходила Каллаш¹ за книгами Яна. Будет читать лекции по литературе. Национальный комитет, нако-

нец, взялся за ум и организывает ряд чтений для рабочих. Среди них будет Бердяев, Карташев. [...]

Днем были Осоргин² и Алданов. Я люблю их обоих. Мне с ними легко и весело. Говорили о Зайцеве. Последний отказался от места. Осоргин боится, что у него, т. е. у Бориса, разовьется туберкулез. Мне кажется, что ему трудно служить, вставать в 8 ч. и т. д., но иметь верных 1000 фр. в месяц — великое успокоение. Писатели живут не по средствам. Индивидуальные вечера стали давать меньше. Говорят, что у Ремизова дефицит. [...]

15/28 января (среда).

Ян просматривает английские слова, изрядно забытые им. [...] Перед сном Ян вслух читал Анатоля Франс: «Ан Панфуфель» — восхищался, говорил, что без этой книги Франс не был бы понятен. [...] Мережковский волнуется насчет вечера, который будет у М. С. [Цетлиной. — М. Г.]. З. Н. говорила Яну дерзости — это ее манера на людях говорить неприятности человеку, с которым она, когда бывает наедине, мила. Для женщины в возрасте 56 лет даже жутковато!

16/29 января.

Письма от Кэтти Розенберг и из издательства Фишер: покупают «Митину любовь». Условия — 1000 марок при чем Яну 750, а Кэтти 250. [...] Яна это немного подбодрило. Он повеселел. Мучается, у кого достать денег на Лондон, до возвращения оттуда, когда ему возместят все издержки.

«Раут» у Алдановых. Вернулись поздно. Было около 30 чел. Главный центр серьезно-шуточных разговоров был на диване, где сидели Тэффи, Степун³ и Ян. Другие подходили, уходили, меняли места. За столом общего разговора не завязалось. [...]

1 февраля

[...] Доклад Шестова был интересен, хотя и не до конца для меня ясен. Потом говорили Бердяев, какой-то юноша Лурье и, наконец, Степун. [...]

Завтра Ян едет в Лондон. [...] «Многое отдал бы, чтобы не ехать», — сказал он мне вчера.

6 февраля.

[...] Около семи хозяйский продолжительный звонок Яна. Устал. [...] Англичане сердечнее французов, проще.

9 февраля.

[...] Вчера была З. Н. [Гиппиус. — М. Г.]. Любезна со мной до подозрительности. В чем дело? Вечер. Но она понимает, что я не могу распространять им билеты. Думала долго. Додумалась вот до чего: мне кажется, что она в статье об Яне скажет много неприятного. Не простит она ни его успехов, ни Лондона и т. д. Вот и думает приручить меня. Почти 5 лет не замечала моего присутствия, а теперь: «Почему не бываете, пришли бы, полежали у меня на кушетке, отдохнули бы». [...] Ведь с Яном как было? Приручала. Написала хвалебную рецензию. Хотела его приобщить к ним. Заменить Философова⁴. Пыталась с ним вместе писать пьесу. Пыталась стать его доверенной помимо меня. Когда ничего из этого не удалось, а значение Яна все растет, она решила — пора начать его бранить, а то, неровен час, еще ему и премию присудят. [...] Ее считают умной, сильной, злой и развратной. А она не так умна, он умнее. Сильна со слабыми, гораздо добрее, чем кажется и развратность лишь умственная и сильно преувеличенная. Он же человек с оригинальным и образованным умом, представляется нарочно юродивым, чтобы проводить то, что хочет. К людям равнодушен. Они оба считают

всех глупее, чем они есть, а потому часто попадают впросак.

11 февраля.

[...] Со Степуном хорошо беседовать, он хорошо правит рулем разговора, не дает сворачивать в сторону. Говорили о художественности в литературе. Конечно, о Достоевском. [...] Степун гов[орит], что важно, обогатило ли произведение мир или нет. Для него так же важны спутанные таланты, как и чистые, и Достоевский выше Флобера, хотя, конечно, у Флобера неизмеримо больше искусства. [...]

12 февраля.

[...] Ян был в синема и у Мережковских. — «Я их утешил сегодня, сказал, что Нобелевскую премию получит Дм. С., — вас и в Англии все знают! Потом сказал, что моя «Митина любовь» все никак не устроится у французов. Он и повеселел. Даже спросил — да чем же вы живете?». [...]

15 февраля.

[...] Пospорили о том, добра ли Ек. П. Пешкова. Я сказала, что доброй ее не считаю. [...] что у Ек. П. двигатель не доброта, а личная драма, одиночество, желание и вечное желание подняться в глазах Алексея Максимовича (Горького), отсутствие жалости к отдельному лицу, а жалость вообще. Отсутствие воображения. Все это плодотворно влияет на ее деятельность. Личное обаяние, умение третировать людей — тоже полезно.

23 февраля.

Вчера весь день в гостях. После Манухиных — Осоргины, где был «five o'clock». Масса народу и все те же. Яну все казалось, что он у Ландау. «Думаю, что это он мне вина не предлагает». Конечно, спор о

России, продолжение Степунского доклада. Опять 2 партии: одна благословляет революцию, потому что некоторые возвысились, а другая проклинает, ибо разрушено все и большинство пало, потеряло образ человеческий. [...]

Опаздываем на обед к Мироновым. Все уже за столом. Обед ультра-русский, очень вкусные ватрушки. [...] Сажают рядом с Милюковым. [...] Куприн уже красен. Бальмонт с Еленой опоздали. Он в задирчивом настроении, но его перчатку никто не поднял и он обижен. [...] Куприн быстро уехал к Малявину. Мы тоже решили ехать туда. У Малявина все знакомые: Черный, Куприны, Писаревские, Спировичи, Алексинские, Ельяшевич. [...]

1 марта.

Приезд на Alb'у. Устала ужасно. Ек. М. [Лопатина⁵. — М. Г.] встретила нас на вокзале, О. Л. [Еремеева. — М. Г.] — дома. [...]

2 марта

Ол. Л. и Ек. М. очень заботливы и рады нам. Ек. М. читает в церкви, а потому целую неделю она будет очень занята. Были блины, они не ели — поостоятся. [...]

8 марта.

[...] За обедом Ян сообщил о внезапной смерти Г. Ев. Львова. Умер легко, ночью. [...] Мне жаль его. Он не желал революции, всю жизнь думал, как бы предотвратить ее, а история поставила его во главе революции. [...] все вышло в его жизни так, как он не хотел⁶. [...]

9 марта.

[...] Мы долго говорили о нем [Львова. — М. Г.]. Разбирали, почему он при всех своих моральных до-

стоинствах все же многого не понимал ни в русском мужике, ни в революции. Я помню, как после лекции Яна, где он выступил противником революции и обвинял весь русский народ сверху до низу, а не только высший класс, как делают «февралисты», Львов сказал мне, показывая на сердце: «У меня мужик здесь». Ну, как при таком отношении строить государство? [...]

18 марта.

Приехали Степуны. [...] Ян вечером был весел. Завел разговор с Ек. Мих. о бессмертии души [...]. Ян верит, что существует нечто выше нас, но после смерти не будет личного воскресения, хотя он страстно желал бы этого. — «Ведь я не верю в смерть».

19 марта.

Парадный обед. Матушка из Камбрэ. [...] Очень милое лицо, немного напоминающее Ел. Анд. [Телешову. — М. Г.]. Ей лет 36. [...] Она доктор философии. Была атеисткой. Много читала. Толстой заставил ее обратиться к Евангелию. И вскоре она стала страстной католичкой. [...]

21 марта.

Были у всенощной. Сегодня Вынос Креста. Я нигде так не чувствую свершившегося в России, как в Каннской церкви. [...]

29 марта.

Ян: «Нельзя читать произведения в подлиннике, если раньше читал их в переводе. Никогда слово *la nuit* не произведет на меня то самое впечатление, как слово *ночь*, хотя я с детства знаю это слово, *la mer* и *море* для меня звучат разное. Поэтому то, что я раньше читал в переводе, теперь действует на меня иначе».

31 марта.

[...] Ян сказал, что черные дрозды его любимая птица. — «Как это говорит о весне». [...] Говорили о том, как все механизмуется. «Какой страшный век». сказал Ян.

1 апреля.

Месяц, как здесь. [...] Предлагается дача в Грасе какого-то генерала. Генерал спросил, не большевики ли мы, и можем ли мы платить. [...] Я думаю, что все кончится Mont-Fleury на весь год.

6 апреля.

[...] Г. Ев. [Львов. — М. Г.] хотел итти в монахи. Но старец Виталий в Оптиной пустыни не разрешил ему, велел остаться в миру работать. [...]

18 апреля.

[...] Вилла Mont-Fleury сдана. Ян в тихом отчаянии. [...]

19 апреля.

В церкви было очень хорошо. [...] Батюшка христосовался со всеми.

Возвращались почти все пешком. Ян один уехал раньше всех в толстом пальто Степуна. [...] Дома нас ждали. Ян уже поел ветчины. Сидел сердитый, но скоро отошел. Стол был убран хорошо. [...] Досидели до половины шестого. [...]

20 апреля.

Грасс. Вилла Belvédère [...] Ян, сидя на Belvédère, сказал: «Я чувствую себя здесь, как в Mont Fleury». Раз так, подумала я, значит, нужно оставаться. Все неудобства можно будет обойти. [...]

21/8 апреля.

[...] Ян вернулся очень встревоженным. На мосту кого-то задавили. Он решил, что меня. Обрадовался, застав меня дома. Обедали вдвоем. [...]

22 апреля.

[...] Ян ездил с Фондаминским и Степуном в St. Villier. Дом без воды. [...] Сад небольшой.

23 апреля.

18 лет нашей общей жизни с Яном. Я хотела бы, чтобы вдвое, втрое дольше мы прожили вместе. День прошел мирно, тихо, но грустно. Я все время вспоминала свой последний день дома. Как все еще было хорошо тогда. А мы не ценили всего этого. [...]

24/11 апреля.

Решились на Belvédère. Едем сегодня в Грасс.

27 апреля.

Весь день ждали Зайцева [Б. К. — М. Г.]. Приехал после ужина, прямо от Ельяшевич. Поправился. Рассказывал о сербск[ом] изд. Обратились к Шмелеву, он собрал писателей, а в результате его в редакторы не избрали. [...]

1 мая.

Завтра переезжаем. Опять начнется тяжелая жизнь. Газа нет, значит, возня с плитой, жара в кухне летом.

2 мая.

Часа через два покидаем Villa Alba. Грустно. [...] Ян сказал: «Я и сам за республику. Монархию я жалею, как вообще прежнюю Россию. Конечно, если бы Н. Н. [Вел. кн. — М. Г.] пошел в Москву и навел поря-

док, то, вероятно, он сделал бы это лучше, чем Милюков с Мироновым».

[Вилла Belvédère:]

9 мая.

[...] У меня новая жизнь — Яна совсем не вижу, совсем не бываю с ним. И в первый раз от этого не страдаю. Он живет одной жизнью с Ил. Ис. [Фондаминским. — М. Г.]⁷ и, кажется, доволен тоже.

17 мая.

9 ч. вечера. «Мальчишки» ушли в синема. Днем ходим гулять. А я одна и одна. [...]

21 мая.

[...] Ян не понимает радости общения. Ему нужны политические разговоры, синема, — словом, отвлечения, наркотики, от настоящей жизни. А, может быть, он весь в творчестве, и в остальное ему не хочется вкладывать душу. [...]

23 мая.

[...] Волнение в русском Париже. Продажа Высоцкими банка большевикам и самоубийство Савинкова, которому почему-то там никто не верит. [...]

24 мая.

Приезд Мереж[ковских]. [...]

25 мая.

Необыкновенная гроза. Было жутко. Град. Электричество перестало действовать. Долго сидели после дневного чая в столовой. Пережидали грозу все вместе. [...]

Ян дал мне прочесть то, что он хочет печатать из Одесского дневника. Завтра перестукаю ему на машинке. [...]

4 июня.

Пришло «Возрождение»⁸. Все хорошо, состав сотрудников хороший. Статья Струве «Освобождение и Возрождение». [...] Статья Карташева. [...] Открытие Богословского института в Сергиевом Подворье⁹. Это одно из самых больших завоеваний эмиграции. [...] Начались печататься «Окаянные дни»¹⁰.

6 июня.

«Последние Новости» неприлично обрушились на «Возрожд.». [...] Как Милюкову не стыдно уподобляться какому-нибудь провинциальному листку. [...]

10 июня.

[...] Перед обедом ходили с Яном над виллой. Там уже прокладывается бульвар. Как выиграет Грасс после его проведения. Ведь оттуда будет один из лучших видов.

Вероятно, Ян испугался за меня. Пошел, позвал, гулял. И ведь всегда, когда он гуляет со мной, он чувствует себя хорошо, уютно. Но от нервности он должен куда-то бежать, с кем-то говорить, и только, когда я заболеваю, он приходит в себя и пугается, озирается вокруг, начинает понимать важность моего существования.

11 июня.

[...] Сегодня Струве разъяснял непонимающим, что такое консервативный либерализм. Он, вероятно, 5 лет вынашивал эту идею. Я помню, как впервые услышала его, когда по его просьбе Ян пригласил к себе Фондаминского, Руднева и Авксентьева. [...] Я помню, какими маленькими, юношами какими-то казались мне все эти эс-эры рядом с ним. Я как-то почувствовала величину П. Б., незаурядность его, смелость.

«Воля России» пробрала Бунакова и Руднева за религиозное направление, которое они придают «Совр. Зап.». «Дни» заступились.

16 июня.

[...] З. Н. [Гиппиус. М. Г.] и И. Ис. [Фондаминский. — М. Г.] хотят основать левый центр и тоже строить все на национальной, религиозной и демократической основе.

— Если так, — сказала я, — вы будете недалеко от Струве.

— Но, конечно, это все идеалы, желания, но как отделаться от Черновых¹¹ и т. д.? — сказала З. Н.

— Вообще следует обрубить концы и слева и справа, — заметил Ил. Ис. — В этом-то и задача центров.

За чаем говорили опять о Савинкове. З. Н. уверяет, что он умер для нее давно, а что он «от несчастной любви к большевикам выбросился из окна» — ее мало трогает.

Опять разбирали причины его предательства. [...] Илья И. сказал: — Боже мой, предал потому, что большинство предает перед смертью. [...]

Ян сказал: — Я тоже за жизнь предал бы всех, но только не большевикам, тут злость, ярость спасла бы от предательства.

Потом застенчиво улыбнулся и сказал, глядя на меня: — Нет, тебя бы не предал.

И повторил: — Нет, Веру не предал бы, жалко.

И я вспомнила, что в Одессе говорила ему, что в случае, если мы не успеем погрузиться на пароход, чтобы он спасался один. [...] Он твердо сказал, что без меня никуда не поедет, даже если это будет грозить смертью.

17 июня.

[...] Уехал Ил. Ис. и целый день грустно. Нако-

нец, живем вдвоем с Яном. Я довольна, а он все боится скучать, хотя скучать-то ему некогда. [...]

19 июня.

[...] Ян говорил, что его не тянет больше в Россию, где все загажено, все близкое, родное уничтожено, а близкие люди состарились, поглупели. Но тут же прибавил: А неужели так и не увидим Россию?

Только сегодня прочла «Идеи Корнилова» Ильина. Интересная тема, интересное учение о «сопротивлении злу насилием». [...]

— Нет, — сказал Ян, — только у дворян и осталось кое-что. Посмотри, сколько золота насыпано у Ек. Мих. [Лопатиной. — М. Г.], все это наследие отцов. Ильин — тоже дворянин, оттого и идет напролом туда, куда душа тянет. Я еще не продумал глубоко его теорию, но помнишь, что я говорил о возмездии, что, если видишь издевательства, нужно броситься на мучителя. И ведь не зло руководит тобою, а добро.

20 июня.

[...] Ян сегодня 2 раза сказал, что мой дневник интересен, а я временами так падаю духом, ничего не записываю. [...]

21 июня.

У барона Ховена. Оказывается, барон — магометанин, все проделал, вплоть до обрезания, 30 лет тому назад. Толст, болтлив, бабий голос, неряшлив, вегетарианец, знает 11 языков, из которых несколько восточных. Он прежде всего русский чудака, барин времен Тургенева, но в современной обстановке. [...] Дом производит беспорядочное впечатление. Ничего без крика и шума не делается. Все суетятся, а толку немного. Русская бестолковость, беспомощность, доброта. [...]

23 июня.

[...] К завтраку пришел Лазаревский¹². Он принес свой дневник. Огромная переплетенная в твердый переплет тетрадь. Он пишет, клеивает кое-что из газет, всовывает письма, фотографии — это очень хорошо. — Он постарел [...] но все еще молод душой. [...] Говорили о Чехове, о том, каким выставила его З. Н. Гиппиус, о том, как о нем писал Лоллий Львов — уж слишком жаростно.

Ян говорил, что Чехов не умел описывать помещиков [...] да и мужики ему не удавались. А вот лавочники в «Овраге», женщина в зеленом во ржах — удивительно — прямо в первые ряды мировой литературы.

Оказывается, Овсяннико-Куликовский не любил Достоевского, за это его не любит Б. Ал. Лазаревский. [...]

24 июня.

[...] Ян в хорошем настроении, несмотря на нашу жизнь à deux. [...]

10 июля.

[...] Я думаю, теперь у Мережковских цель развенчать Яна. Вероятно, [...] в злобе поведал им, что Яна представлял в кандидаты на Нобелевскую премию Ромэн Роллан. [...]

26 июля.

[...] Ян позвал меня и сказал: — Знаешь, отправимся куда-нибудь в плаванье, месяца на три.

Решили навести справки. Почему-то остановились на том, чтобы обогнуть Африку. Это было бы ново.

30 июля.

[...] Ян разорвал и сжег все свои дневники-рукописи. Я очень огорчилась. «Я не хочу показываться в

одном белье». Я спорила с ним. Он увидел, что я расстроилась, сказал:

— В Париже есть рукописи — и они твои. Есть и тетрадь-дневник. Ты можешь после моей смерти показать, если не поверит кто-нибудь в подлинность моего дневника.

— Ну, неизвестно, кто кого переживет, — отвечала я, — теперь мне часто кажется, что я умру раньше тебя.

— Ну, уж тогда я все разорву. Можешь быть покойна.

Мне кажется, это ненормально. [...]

11 августа.

[...] Яну очень хочется снять виллу, но дорого. Приходит в голову рискнуть и чем-нибудь зарабатывать. Сдавать комнаты. Кормить на сезон. «Я чувствую себя всегда лучше всего осенью и опять подходит октябрь, и мы должны куда-то перебираться». Мне бесконечно жаль его. Что-нибудь придумаю. [...]

14 августа.

[...] От поездки к Зайцевым осталось поэтическое впечатление. Сами они очень милы, приятны, родственны. [...]

Ходили вчера к разрушенному революцией аббатству 12-го века. [...] Сегодня, когда мы сделали привал около церкви, Ян сказал: «Можно залить всю землю кровью за то, что смеют разрушать храмы. Вот и аббатство вчерашнее — какая прелесть, а между тем Великая Революция наложила на него руку». [...]

16 августа.

[...] Был Адамович¹³. Он неглупый, но штампованный. До сих пор петербургский налет во всем, начиная с фигуры, с той связанности движений, какую я

встречала у известного типа петербург. молодых людей.

Говорили о «Живых лицах» Гиппиус. Он не верит, что Толстой мог ей сказать: «Когда умирать буду, скажу Ему — в руки Твои предаю дух мой. Хочет Он — пусть воскресит меня, не хочет — не воскресит. В волю Его отдамся, пусть Он сделает со мною, что хочет...»¹⁴. Адамович находит, что это слишком интимно для первого знакомства.

Говорили о несправедливом отношении Мер[ежковского] к Толстому, о том, что он в Толстом видит лишь материальную сущность, «а между тем бездны у него хватит и на Достоевского», сказал Ян.

Адамович думал, что Мережковский и З. Н. ничего общего не имеют. Я сказала, что наоборот — З. Н. всегда говорит «мы», а не «я», и трудно сказать, где кончается она и начинается он. [...]

17 августа.

[...] Ян ездил в Канн сказать, что на октябрь мы остаемся на Belvédère.

19 августа.

[...] Яна волнует и беспокоит «Возрождение». Ужасно он нервный и заботливый. И ничего не может делать механически, для всего он отдает всего себя, будь то просто статья, будь то худож. произведение. [...]

22 августа.

[...] Ян за прогулкой опять восхищался Толстым: «Толстой научил всех писать. Героями Толстого жили. А герои Достоевского дают только пищу для умствования. И бездну Толстой чувствовал не меньше Достоевского». [...]

27 августа.

Были у Неклюдовых. Живут очень поэтично. Огромная липа в саду, напоминает деревню нашу.

Она урожд. Безобразова, у ее матери были имения в Тамбовской губернии... Возвращались по проселочным дорогам, по воздушному мосту, который почти весь сгнил. [...] Останавливались и рвали ежевику на компот. Они не могут позволить себе покупать фруктов на компот! Они, по-видимому, добрые люди и продолжают до сих пор давать займы. [...]

4 сентября.

[...] Неклюдов рассказывал, что он отказался от звания посла при временном правительстве, потому что 5 человек объявили республику, но просили его скрывать это. [...] «вот тогда-то и назначили Стаховича. Я предсказал большевиков, ошибся на 8 дней только. В день, когда я получил извещение о войне, я почувствовал, что все пропало». — «А как изменились солдаты, — сказала m-me Неклюдова, — сначала они были милы, ласковы, благодарны, когда я их встречала на жел. дороге, а потом начали проявлять такую грубость, что я перестала ездить. Это их в Германии распропагандировали».

5 сентября.

Зайчики [Зайцевы. — М. Г.] приехали утром, а не вечером, как мы их ждали. [...] Поехали в Канн. [...] Встретили Мережковских, пригласили на завтрак завтра.

6 сентября.

Зайчики поехали в церковь, а мы на берег. [...] За завтраком был пирог. [...] и политические разговоры за кофе. Д. С. [Мережковский. — М. Г.], конечно, ушел. Опять о революции [...] вообще все то же самое, только З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] стала уже говорить:

«Революция — болезнь, в революции есть элемент бунта», «бывают революции счастливые и несчастные» и т. д. В России была «революция самая несчастная».

7 сентября.

Отъезд Верочки [В. А. Зайцевой. — М. Г.]. Утром ходили по Грассу, показали им город, собор. Потом мы с Верой пошли покупать Наташе¹⁵ к именинам разные вещи. Меня поразило благоразумие Верочки. Покупала все дешевое. Дорогих подарков не признает. [...]

13 сентября.

[...] Обедали у Мережковских. [...] В эту ночь хулиган бросил камень в большое окно, где сидела З. Н. и писала. Если бы попал в висок, то — наповал. [...]

15 сентября.

Вчера перед сном Ян много говорил. У него болела нога, он выпил водки и немного возбудился.

— Савинков — авантюрист, убийца, прикрывшийся литературой, преподанной Мережковскими. А его рассматривают, как замечательную личность.

— А Плеханов?

— Вот они все Дейчи, Плехановы и т. д. Что за тупость, что за отчаянное непонимание настоящего момента. [...]

1 октября.

[...] Переписала еще раз «Мордовский сарафан», кончила «Цикады»¹⁶. [...]

4 октября.

[...] Лежали на солнце. Ян хотел ехать в Канн, потом раздумал. Я посоветовала ему ничего не де-

лать, а отдохнуть дома. «— Да, я, правда, ведь никогда не отдыхаю. Вечно меня мучает мысль, что я должен что-то делать».

Вчера начала переписывать рассказ «Марья Марева». Сегодня кончила. Очень удачный. [...]

8 октября.

[...] Комнаты устроили, на мой взгляд, приятно, я думаю, они¹⁷ будут чувствовать себя недурно.

Я должна быть очень подтянута — это полезно. Всегда нужно пользоваться возможностью бороться со своими недостатками, а именно с тем, что я не всегда закрываю читаемую книгу, не убираю того, что писала и т. д. [...]

Кульманы приехали в девятом часу.

9 октября.

[...] Говорили о «Возрождении». Они тоже находят, что скучная газета. [...]

15 октября.

[...] Кульманы редкие сожители, и все-таки я не так спокойна, как была. [...]

Спорили о том, кто выше — Зайцев или Шмелев. Я стояла за первого, она — за второго. [...]

16 октября.

[...] Н. Ив. [Кульман. — М. Г.] много рассказывала о себе. Да, у нее есть основания «понимать о себе высоко». Она, вероятно, очень способная, работоспособная, много воли — отчего уверенность в себе. Но у нее нет чутья к людям. [...] И мало художественных клеточек. [...]

20 октября.

У нас завтрак со старичками: Барон Будберг, Ларионов и Неклюдов. [...] Все любят поговорить. [...]

23 октября.

Рождение Яна. Курица, дыня и т. д. Получили 5000 фр. [...]

27 октября.

Перед сном разговор с Кульм[анами] насчет Яна. Они восхищаются «Цикадами». «Это поэма» и т. д. Я сказала, что считаю Яна поэтом, а не беллетристом в собственном смысле этого слова. И нахожу, что и в прозаических произведениях он поэт. Считаю его стихи выше прозы. Н. Ив. удивилась до нельзя. Ник. К. поднял брови и развел руками.

Н. Ив.: Все, кого я спрашивала в Париже, находят, что его проза несоизмеримо выше. В прозе он создал свое, там глубина мысли и форма.

Я: В стихах тоже. Ввел жанр, редкие рифмы. А глубины мысли еще больше в стихах. Форма тоже совершенна. Кроме того, он ввел краски и тона в стихи. [...]

Н. К.: Ив. Ал. единственный не порвал с Пушкинской традицией.

Н. Ив.: Но все же Ив. Ал. гораздо выше, как прозаик. [...]

6 ноября.

Кульман в Каннах, поехала за билетами в Париж. Как быстро прошло время. Уедут в среду. Грустно всегда, когда уезжают. Они очень милые и хорошие люди с большими знаниями, духовностью и высокой моралью. [...] Я весь день пишу. Ян готовит на ноябрь фельетоны.

21 ноября.

Поездка к Блохам. [...] Гр. А. показывал Андреевскую¹⁸ кривую — как сам автор оценивал свои произведения: выше всего «Жизнь человека», высоко «Царь Голод», «Мысль», «Катерина Ивановна». Вот человек, который жил в себе и собой. [...] Но все же рево-

люция перевернула его, он забыл о самом себе. Ни в 1917, ни в 1918 он ничего не писал.

2 декабря.

Последний вечер на Belvédère в этом году [...]

6 декабря.

Живу на бивуаках, в кабинете сестер¹⁹. [...]

19 декабря.

Праздник Св. Николая. Община празднует. У нас Фондаминские. [...]

21 декабря.

Ночь была тяжела. В вагоне испорчен был регулятор тепла и мы задыхались от жары. Ян особенно в теплом белье. [...] «Нет, мы дикари, киргизы. Вот я сижу весь всклокоченный, босой, а французы сидят и спят. Они старая и культурная раса, ко всему относятся механически. Не то, что мы».

Потом почему-то стал говорить о своей смерти, о том, чтобы я приготовилась, не сходила с ума и т. д., о том, что нужно об этом думать. Я сказала, что меня спасет от отчаяния та ответственность, которая ляжет на меня по отношению к нему, но что, может, он еще переживет меня, и я боюсь, что для него это будет мучительно.

— Да, — сказал он, — тяжело терять жену, но ты для меня больше, ты для меня родная, и никого в мире нет ближе тебя и не может быть. Это Бог послал мне тебя. Но будет об этом.

[...]остановились в Hôtel de l'Intelligence, но затем переехали в Hôtel International, Avenue d'Iena 50. Две комнатухи 58 фр. Тихо и уютно, но бедно.

23 декабря.

[...] Вчера Ян познакомился с А. О. Гукасовым²⁰.

[...] Говорил о «жертвенности с обеих сторон». Ян возразил, что жертвенность возможна, когда есть кусок хлеба.

Ездил Ян и к Зайцеву. [...]

1926

[Продолжаю выписки из рукописного дневника Веры Николаевны:]

1 января.

[..] Новый год по новому стилю мы встречали в «Возрождении». Угощал Гукасов, но ужин устраивали репортеры. [...] По виду Гукасов понравился. [...] Струве отсутствовал. Он в Праге. Ему послана телеграмма и письмо с подписями. Шмелев говорил речь. Он сильно выпил. Кульман поднял тост за букву «ѣ» [ять. — М. Г.] [...]

14 января.

В Лютеции была встреча Старого Нового года. Я заведовала лотереей и «книжной лавкой». [...] Бал вообще удался. Вероятно, доход будет около 25000. М. С. [Цетлина. — М. Г.] довольна. Жаль, что половину нужно отдавать журналистам. [...]

2 февраля.

[...] Ян с Борисом [Зайцевым. — М. Г.], Ландау и Осоргиным ушли обедать. Мы — жены — не знали, поэтому наш бабий вечер на этот раз не вышел. [...]

6 февраля.

Статья Ильина «Дух преступления» великолепна. Воображаю, какое негодование вызовет она у левых. Он назвал своим именем громко то, о чем мы всегда говорили. (Впрочем, Ян говорил и публично об этом.)

Недаром Павел Юшкевич упрекал его «в уголовной точке зрения на революцию». [...]

3 апреля.

Ян получил пригласительный билет на Съезд¹. [...]

5 апреля.

Председателем избран Струве. [...]

9 апреля / 27 марта.

[...] На Съезде идет не дружная работа, а борьба между двумя партиями из-за «органа». Правые совершенно не учитывают ни времени, ни места. Боюсь за Струве. [...] Им кажется, все недовольны, а для него съезд — дороже жизни.

[...] Д. Д. Гримм² очаровательный человек с очень приятным голосом. Он расстроен съездом, тоже находит, что Струве делает ошибки. Струве, из желания объединить всех, делает уступки правым, а они стараются все захватить в свои руки. [...]

Ночь с 15 на 16 апреля (н. ст.).

Спать не могу. Нервное состояние Яна передалось мне. Он так боится операции, что свет ему стал не мил. Сегодня были в Villejuif. Ездили на такси. Дорога произвела на него гнетущее впечатление. Да еще встретили похороны, вернее, обогнали. Но госпиталь мне понравился. На больницу не похоже. [...] Комната у нас будет одна, небольшая, с приятным видом, но боюсь, что все же трудно будет в ней жить вдвоем.

16 апреля.

[...] Мне [письмо. — М. Г.] от Шмелева. [...] Сообщает, что Белич³ написал ему, что серб[ское] правит[ельство] решило поддержать 8 писателей — 1000 фр. в месяц. Он не понимает — 1000 фр. каждому, или

же на всех. Если каждому, то как будто щедро, если на всех, то уж больно мало. [...]

19/6 апреля.

Мы в Villejuif. У нас небольшая, но приятная комната. Вся белая. На столе белые цветы. Ян бесконечно страдает. [...] Дежурная сестра очень мила, женственна. [...] Боли, по ее словам, будут завтра и послезавтра. [...]

20/7 апреля.

Без четверти 12. Ян пошел на операцию. Пошел бодро. [...] Прошло 25 м., а его еще нет. [...] Сейчас принесут. Дай, Боже, не волноваться. Уже прошло $\frac{3}{4}$ часа.

Весь день страдал неимоверно от головной боли.

21/8 апреля.

[...] Ян очень кроткий. Ночь прошла довольно хорошо. Просыпался раза 3. [...]

22/9 апреля.

Ночь провел беспокойно. Спал мало. Заставил меня встать рано, а потому болит голова. [...]

23/10 апреля.

19 лет нашей совместной жизни. [...] Темпер[атура] стала нормальной. [...]

24/11 апреля.

Температура нормальная. Настроение хорошее. Пишет письма. Спали достаточно, хотя часа 2 ночью колобродили. [...]

28/15 апреля.

[...] Все еще лежит в постели, хотя принесли кресло. [...]

10 мая.

Второй день в Грассе. Устраиваемся. [...] Доехали сравнительно хорошо, хотя часто просыпались. [...] Нам в дорогу навезли много — кто курицу, кто жигу, кто вино, кто шоколад, кто торт, кто ром, а кто — цветы. Ян, смеясь, вспомнил, как Ангелиночка завидовала Вале, что ему операцию должны делать: «будут дарить подарок!» [...]

15 мая.

[...] Сегодня за завтраком разговор коснулся литературы и Ян много говорил.

Илис (Ил. Ис. Фондаминский) дал мне прочесть рассказ Чирикова, и я передала его Яну. Рассказ обычный Чириковский, много пошлости, наивности, конечно, настоящего искусства там нет, но напечатать следует по многим соображениям: и потому, что он старый писатель, и потому, что у него есть свой читатель и т. д. и т. д. От него перешло к А. Н. Белому, Ремизову и другим.

Илис считает, что все-таки они большие таланты, хотя и исковерканные. Ян стал оспаривать. [...] Они очень жизнеспособные, но к искусству отношения не имеют. Это уже 40 лет продолжается. И Мер[ежковский], и Гип[пиус], и даже Розанов — все они не только потому так пишут, что их душа этого просит, а потому, что так надо, так модно. «Эти ослы по нотам разыгрывают. Конечно, они способны выявлять все эти извивы, но этими извивами они и маскируют свои небольшие таланты. Вы посмотрите, что эту зиму разделявал Мережковский — он, оказывается, великолепный актер, — и ноги расставляет, и кривится, и шопотом говорит, и опять поднимает голос на каком-нибудь вечере Звена». И тут Ян хорошо изобразил Дм. С., то он бесом представится, то юродивым. — И все они как на людях, так говорят не по-людски, а как до практического дела — так начинают совер-

шенно просто, без всяких завываний говорить. И так дурачат публику уже 30-40 лет. Но, конечно, они способнее тех, кто и этого не умеет делать, а между тем всем перверсным организмом своим жаждет всех этих изломов. [...]

20/7 мая.

Вчера перечитывала письма Л. Ал. Авиловой⁴. [...] какая была семья! Какой дом! С материальным благополучием соединялась духовность, любовь к литературе, подлинное знание русского языка, чувство его. [...] И какой легкий дух был в их семье. [...]

8 июля.

[...] Теперь мы одни. Самое мое любимое время, ибо Ян бывает со мной в свободное время и ведет разговоры. И странно, он в сущности не скучает, ему только кажется, что он будет скучать. [...]

Даже самый приятный и легкий гость как-то отнимает у меня спокойствие и мешает сосредоточиться. [...]

Вчера уехал от нас Б. [Б. К. Зайцев. — М. Г.]. [...] повторяю, Б. почти был не гость. Он человек очень тонко деликатный и духовный. Иногда мы очень для меня интересно говорили о Боге, о вере. В последний раз он много говорил о Данте. У него, т. е. у Бориса, есть свой путь, по которому он идет твердо. Но к практической жизни он мало пригоден. [...] Очень самолюбив, большое сознание своего достоинства. Дурак Юшкевич думает, что он скромн. Да, м. б. перед Богом он и смиренн, но не перед Юшкев[ичем]. Странно наблюдать писателей. Почти каждый считает себя выше всех или почти всех. А многих совершенно не приемлет. И как часто видишь, что они не понимают один другого. [...]

Получены «Совр. Записки». Степун пишет, что у Марины Цветаевой не только мысли умны, но и фра-

зы. [...] Вот уж подлинно ничего не понимаешь. «У Цветаевой ум», — мне кажется, что этого у нее меньше всего: есть талантливость природы, смелость, даже воля, умение выделять свою личность, но ум? Не видно. Нет и второстепенных качеств ума: такта и меры.

8 июля [Вероятно, В. Н. ошиблась и запись от 9 июля. — М. Г.]

Были у Зайцевых. [...] Настроение у Бориса тяжелое. [...]

Шульгин 3 месяца был в России. Жил в Киеве. Он находит, что там все новые люди. Он мог бы и не гримироваться — за все время не встретил ни одного знакомого. По его мнению, там народился новый тип американо-комсомольский, который придет на смену коммунистам. Революция еще не изжита.

10 июля.

На завтраке у Мережковских. Очень любезны и гостеприимны. З. Н. прочла свою статью против Святотолка [Мирского. — М. Г.]. Очень хорошо и с тактом написано. Все ее газеты отказались напечатать, появится статья у Мельгунова.

Потом пошли гулять, т. е. по магазинам, где З. Н. прямо молодеет. Она всегда готова ходить по всем отделам и всегда мучается желанием купить то то — другое. Какое странное сочетание в ней мужского, женского (и даже бабьего) начал. [...] На набережной встретили Мережковского [...] обрадовался З. Н., тащил ее с собой, гости уже надоели ему. Он редко откровенный человек, поэтому, в конце концов, с ним легко. [...]

11 июля.

Ян плохо спал. Вероятно, мало вчера гулял. Ведь весь день дождь, а вечером волновался и опять из-за Степуна, только, конечно, из-за другой статьи его о

«Возрождении». Степун пишет, что он с Кусковой, Осоргиным и др. всегда будет защищать от нападков эмиграции и «эмигрантского злобствования» возникающую в Советской России творческую жизнь. Да кто это отрицает, что, вопреки большевикам, Россия родит таланты? Весь вопрос заключается именно в споре относительно двух слов: — «вопреки» или «благодаря». [...]

21 июля.

И опять некогда было писать для себя.

[...] были у Вахрушевых. Их дача почти у самого синего моря. Он — в русской косоворотке. На столе чайники, варенье. Какая-то бедная родственница разливает чай — словом, почти Царицыно. Так же забегают на балкон знакомые и пьют так чашек по пяти. [...]

В «Днях» печатаются письма Блока. [...] По этим письмам Блок выиграл в моих глазах. [...] и стал понятнее.

17 июля/30 июля.

[...] Были на обеде у Зайцевых, 15/29 июля 25-летие литературной деятельности Бориса. Пробыли мы 5 часов. [...]

Я ценю в Зайцеве то, что он выбрал свой путь и идет по нему по-зайцевски, и то, что он настроил свою душу на высокий тон. Он ни у кого не выбивает ничего, а тихо, медленно, но неуклонно идет по своему пути, который всегда подымается выше повседневности. Он, как писатель, говорит: мне нужно только мое ощущение, только мое восприятие, а логично ли, правдиво ли это — мне все равно. [...]

2/20 авг. Ильин день.

Вчера ездили в Канн. Были у Мережковских. Они приветливы, ласковы. З. Н. жалуется, что пишет в

«Верстах» и что это очень трудно, т. к. Милюков не все примет, что ей хочется. «Так и пишу сначала, что сама думаю, а потом начинаю смягчать, перемешивать, и так трижды приходится всякую статью переписывать».

Читала письмо Ходасевича⁵ (они в горячей переписке). Очень умное, но злое и ядовитое. Презирает всех и вся. И эс-эров, и Вишняка, и всех жен. Вообще плохо быть «женами». Это какое-то позорное клеймо. [...]

Мережковский хорошо говорил, что метафизически столкнулись коммунизм и нэпманство, и из этого только может получиться трагедия.

Неожиданно приехал Рошин⁶ [...] Ян тоже рад. А Рошину будет полезно пожить с Яном.

6 августа.

Вчера такая была гроза, что Ян, сидя в кабинете, видел огненный шар почти у головы, потом посредине комнаты. [...]

Из статьи Ходасевича о Блоке: «Блок признавался, что многих ранних стихов своих больше не понимает».

Правильно сказал Ян, что это род душевной болезни. Человек видит спичечную коробку, а выражает какое-то мутное чувство к ней. Тут не поймешь, спичечная коробка это или что-нибудь другое.

Ян вчера на прогулке говорил на тему, какое значение имеет имя автора. Если оно знаменитое, то читатель гораздо больше напрягает внимание. Поэтому — успех, и часто даже не по заслугам. [...]

Ян с приезда Рошина повеселел, ему, конечно, было жутко по ночам. [...]

25 авг. 26 г.

Я решила недели 3 дать себе отпуск и ездить еже-

дневно к морю. И, поскольку это возможно, быть одной. [...]

8 сентября.

[...] 2 недели в постели. Слабость. Безразличие. [...] Ян опять в бегах, и я опять среди чужих людей. [...] Вчера был Елпатьевский. [...] Он служит в Москве амбулаторным врачом в Кремле. [...] Он считает одной пользой от революции, что самый последний мужиченка в Якутской области стал думать о том, о чем раньше никогда не думал.

9 сентября.

[...] Сегодня я совсем одна. Может быть, это лучше — свободнее. Но тоска ужасная. Лежу в саду под пальмой, печет солнце. [...] Что бы, кажется, я дала, если бы около меня были папа, Митя, Павлик или Андрей Георгиевич [вероятно, проф. Гусаков. — М. Г.]. Болеть для меня в настоящем положении — кошмар. И что гнетет, что собственно это начало болезней. [...] Расплата, что имеешь мужа, который «радует других», а потому он освобожден от обязанности радовать меня. [...]

Вечером говорил, что больше всего в мире любил мать, и меня любит не меньше. Да, непонятна душа человеческая!

12 сентября.

[...] В шестом часу приехал Рахманинов. Посидел около часу. Он с семьей в Канн. Большая вилла, своя машина, на которой они приехали из Германии. Он очень мне понравился. Очень прост и приятен. Звал меня к себе. Повидимому, к Яну относится очень хорошо. [...] Рахманинов пришел без шапки, в коричневой фуфайке, парусиновых туфлях. Забыл портсигар. [...]

18 сентября

[...] Были у нас все Рахманиновы. Очень приятна и мила жена его. Женственна, проста и добра. [...]

23 сентября

[...] Во вторник были у Рахманиновых и от всей семьи осталось необыкновенно приятное и легкое впечатление. Дочери очаровательные, лучше, чем показались в первый раз. [...]

24 сентября.

Вспоминаю обед у Рахманиновых. [...] Трогательное отношение к Чехову. Все просил Яна порыться в памяти и рассказать об Антоне Павловиче. Ян кое-что рассказал. — Рахманинов [...] очень заразительно смеялся. Рассказал, что когда он еще был совершенно неизвестным, он в Ялте аккомпанировал Шаляпину. Чехов сидел в ложе. В антракте он подошел к нему и сказал: «А знаете, вы будете большим музыкантом». — Я сначала не понял и удивленно посмотрел на него, — продолжал С. В., — а он прибавил: «У вас очень значительное лицо». — Вы понимаете, что тогда значили для меня слова Чехова. А музыки Антон Павлович не понимал. Он предлагал мне потом написать что-то к «Черному монаху».

Толстого Рахманинов не любит. [...] Ян старается показать всю трагедию Л. Н., но мне кажется, его слова до Рахманинова не дошли. [...]

30/17 сентября.

Седьмой год именины за границей. [...]

30/31, ночь, октябрь 1926 г.

Целый месяц ни строчки. Приезд Кульманов. Поездка на острова. Не очень тяжелый припадок⁷. 5 дней в постели. Прощальные обеды с Рахманиновы-

ми. Доктор Маан*. Отъезд Рощина. Визит к Мережковским. Блохи. Вот краткий отчет за месяц.

Сегодня Ян был очень печален. Долго лежал в темноте. Говорит, тоска ужасная. Да, тяжело он отрывает от себя каждый год. С корнями ушел в землю, потому и тяжело. Слишком он все видит и понимает, все остро чувствует. Потом сошел вниз, развеселился, поставил бутылку вина, которую они с Н. К. [Кульманом. — М. Г.] и выпили.

Когда я пришла к нему наверх, он лежал в постели, видимо, ждал меня. Был нежен. Говорил, что только я для него все. Что мысль о моей смерти преследует его уже 20 лет. 40 лет боялся смерти матери, а 20 — моей. Поэтому, когда я заболела, то у него весь мир преобразается. И он, как сумасшедший, должен куда-то лететь. Он понимает, что может увлечь, но это не настоящее. «Отдельный кабинет, ужин, момент усталости — она смотрит, увидит морщину и подумает: стар. А мне хочется сказать — *allez vous en!* Ты одна не видишь того, что есть. Да, как отражение в окне вагона и стекло, и сквозь него видишь звезду».

1927

[Из дневника Веры Николаевны:]

Ночь с 1 ян. на 2 ян. 2 ч. 30 м:

[...] я два месяца ничего не записывала. А за эти 2 месяца было пережито так много, что положительно, от полноты сердца, уста немеют.

Я — одна. Яна до сих пор нет. [...]

Операция не страшит. Мне так тяжело дома, что мысль о Виль Жюив радует. Белая комната, тишина ночью, нарушаемая лишь редкими звонками, пение

* Бунины иногда пишут Маан, иногда — Мак. — Р е д.

петухов. Приходят мысли о смерти. Пока отношусь к ней тупо. Жить есть силы, хотя, если уже не жить по-старому, то жить буду иначе, если останусь жива. Главное, надо помнить, что *самое тяжелое я пережила*. [...]

Villejuif.

4/17 января.

Спала хорошо. Трудно было заснуть из-за болей. Вчера было 3 припадка, первый в церкви — значит, еще не достойна Причастия.

Были Васильев и Алексинский. Склоняются к мысли, что желчный пузырь тоже. [...]

Ян уехал на операцию. [...] Полип очень большой, вероятно, он и мешал работать.

Прощаясь, мы оба очень волновались, — особенно Ян. Он так плакал, что я до сих пор волнуюсь. Он очень страдал всю эту осень. Он удивительно по-детски трогателен. [...]

18 января.

Чувствую себя хорошо и спокойно. Спала недурно. [...] Настроение было самое благодное, вероятно, от чтения Евангелия, Апостола, Паскаля и Imitation. [...] Думаю ли о смерти? Нет, я о будущем просто не думаю. [...]

Все вспоминаю лицо Яна, когда он выскочил меня провожать к автомобилю. Он, вероятно, сейчас ужасно волнуется, больше меня. Как бесконечно мне жаль его. Очень боюсь, что он простудится в такую погоду. [...]

Вероятно, через 1/4 часа придут за мною. Полежу немного.

29 янв. 1927 г.

[...] Пережито много и больше хорошего, чем дурного. Страданий было меньше, чем я ожидала.

Операция была тяжелая, длилась 2 ч. 20 мин., спала еще 2 часа. [...]

[...] желчный пузырь находился под печенью — вот почему его никто не мог прощупать — и весь до верху был набит камнями, и довольно крупными. [...] Алексинский, несмотря на свою внешнюю суровость, был очень заботлив. [...] когда я спросила его, что оказалось у меня, он сказал: «Склад камней». А вот Ян не верил, что я больна. [...]

12 февраля.

[...] 9 дней я дома. [...] Помогали на первых порах дамы — особенно Верочка [В. А. Зайцева. — М. Г.] и Б. С. [Нилус. — М. Г.]. Но сегодня Б. С. вся поглощена Юшкевичем, у него сердечный припадок был ночью. [...] Вчера Ян видел Митю Шаховского¹ послушником. Едет в сербский монастырь. Вид смиренный. [...]

13 февраля.

Вчера известие о смерти Сем. С. Юшкевича, сегодня о С. А. Иванове. Это уже слишком тяжело! Оба скончались от сердца, оба были накануне в нашем доме. [...] Сергей Андреевич накануне смерти был у меня. Пришел вместе с М. А. [Алданов. — М. Г.] и мы втроем просидели около двух часов. Я очень люблю их обоих... М. Ал. принес пирожных и, смеясь, сказал: «Это вместо цветов. Я делаю теперь только полезные подарки». Мы мигом соорудили чай, вернее приготовил его С. А. [...]

14 февраля.

Через 4 недели вечер. Времени мало и для Яна и для билетов. Помоги, Господи!

15 февраля.

Скоро опустят в землю С. С. Скажут ненужные

речи и разойдутся. [...] Газеты очень слабо отозвались на смерть Юшкевича. Я думала, что его смерть будет событием в нашей зарубежной жизни. [...] м. б. у раскрытой могилы найдут надлежащие слова [...]

Сегодняшнюю ночь я никогда не забуду. [...] Только бы Бог дал мне спокойствие и выдержку. [...] Ян говорил: «Я, который 40 лет имею дело со словом, я не могу выразить то, что хочу, а что же делать мне в таком случае?» Ян все твердил, что я не понимаю его. [...] Я знаю, что Ян сейчас сильно страдает². [...]

18 февр.

[...] Вчера еще смерть — Кузьмина-Караваева. Жертва эмиграционных условий. Последние годы жизнь у него была горькая — безденежье, одиночество. А в прошлом — богатство, любимое дело, почет, уважение.

14/1 апреля, Ментон.

Тихо, уютно в моей комнате, тихо уже и в отеле — 10 ч. вечера. Я за эту неделю привыкла проводить вечера в одиночестве. Говенье дает радость. Я в первый раз в жизни провела так Страстную неделю, так спокойно, безмятежно, бывая на службах, читая духовные книги, размышляя о своих грехах. [...]

13 апреля, Ницца.

5 дней в Ницце. Наконец, после кошмарной зимы, я живу в тишине и покое. Лежа в постели, видишь море и слушаешь прибор его. [...]

23/10 апреля.

20 лет! Срок немалый. [...] Хочется, чтобы конец жизни шел под знаком Добра и Веры. А мне душевно сейчас трудно, как никогда. И я теряюсь, и не знаю, как быть. Вот, когда нужны бывают старцы.

По христианству, надо смириться, принять, а это трудно, выше сил.

Сейчас мы отпраздновали наше 20-летие. Ужинали дома. Я — сардинками, а Ян — ветчиной. Выпили Pouilly.

Ян мне сказал: «Спасибо тебе за все. Без тебя я ничего не написал бы. Пропал бы!» Я тоже поблагодарила его — за то, что он научил меня смотреть на мир, развил вкус литературный. Научил читать Евангелие. Потом мы долго целовались и я, смеясь, сказала: «Ну уж ты ни с кем так много не целовался, и ни с кем так много не бранился». — «Да, — ответил Ян — мы бранились много, зато дольше 5 минут мы друг на друга не сердились». Это правда, длительных ссор у нас никогда не бывало. [...]

22/9 мая,

[...] Решили поехать в Орибо в автомобиле³ [...] Я в Орибо ни разу не была, Ян был дважды: с Кульманом и в прошлом году один, когда метался во все стороны во время моей болезни. [...]

31 мая.

[...] Перепечатала сейчас всю эту тетрадку и что же — ничего собственно с прошлого августа не изменилось для меня в хорошую сторону. А пережито за этот год, сколько за 10 лет не переживала. По существу, м. б. история очень простая, но по форме невыносимая зачастую. [...] И как странно, — как только я, молча, начинаю удаляться от Яна, то он сейчас же становится нежен. Но как я становлюсь обычной — так сейчас же начинает жить, совершенно не считаясь со мной. [...]

Теперь мне нужно одно: быть с Яном [...] ровной, ничего ему не показывать, не высказывать, а стараться наслаждаться тем, что у меня еще осталось — т. е. одиночеством, природой, ощущением истин-

ной красоты, Бога, и наконец, своей крохотной работой. [...]

5 июня.

Католическая Троица. В церковь не пошла. [...] принесли газету с «Окаянными днями». В восторге от стихов, которыми этот кусок кончается. [...] я прочла их и вспомнила, как мы в этот вечер ездили за Скородное и из лесу увидели зарево, испугались: не у нас ли? И я, как сейчас, вижу, как Ян сделал быстрое движение, натянул вожжи, ударил лошадь кнутом. [...] А стихи вот такие:

Наполовину вырубленный лес,
Высокие дрожащие осины
И розовая облачность небес.

Ночной порой из сумрачной лощины
Въезжаю на отлогий косогор.
И вижу заалевшие вершины,
С таинственной нежностью, в упор
Далеким озаренные пожаром...

Остановяюсь, оглядываюсь: да,
Пожар! Но где? Опять у нас? — Недаром
Вчера был сход! — И крепко повода
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожий лепет в вышине,
Такой дремотный, сладкий — и бесстрастный
К тому, что там, и что так страшно мне.

30 сент./13 окт.

[...] Мне сейчас очень грустно. Я последние месяцы опьянялась машинкой. [...] Кончила Яну переписывать 1 книгу, я переписала ее уже дважды, а многие главы по 3 раза. Кончила [читать. — М. Г.] «Заговор». В этой книге М. А. [Алданов. — М. Г.] гораздо зрелее, чем в прежних. [...]

1/14 окт.

Проснулась и продолжала думать о сне, а сон забыла. Услышала топот над головой, потом шуршание в столовой. Я тихонько, по привычке, позвала: «Ян».

Когда он вошел, радостный, нежный, стал целовать и просить: «не уезжай, я буду беспокоиться», я как следует еще не проснулась. Затем он сказал: «Клянусь днем твоего рождения, что я тебя ужасно люблю!» Тогда я, шутя, спросила: «А ты рад, что я родилась? М. б. лучше было бы не родиться?» — «Очень рад, да с кем бы я мог прожить жизнь, кроме тебя... Ни с кем». [...]

15 октября.

Наконец, осуществила свою мечту. Поехала в Ниццу. Ильиных застала. [...] Оказывается, ни о моей операции, ни о руке ничего не знали. [...] Гиппиус он ненавидит страстно. Раствлители. В этом они со Шмелевым сойдутся крепко. [...] зашел разговор о Шмелеве и я, наконец, поняла, чем он пленил их. Оказывается, он дает философские темы. В «Неупиваемой чаше» очень хорошо разработана философия творчества. В «Это было» — проблемы войны. [...]

11 ноября.

Вчера завтрак у Мережковских. [...] З. Н. пригласила Г. Н. [Кузнецову. — М. Г.], я очень благодарна ей за это. [...] Завтрак был хороший. После З. Н. читала нам дневник. Перед тем Дм. С., который не слушал чтение (он не может ничего ни читать, ни слушать о революции: «это все равно если вашу мать убили, и вы будете слушать об этом») говорил:

— Милюков это Чичиков, Керенский — Хлестаков. В нем сидел бес, в котором и мы повинны, теперь бес из него ушел, а все продолжает становиться в Наполеоновские позы.

З. Н. читала дневник, относящийся к Корниловской истории. [...] Дневник написан мастерски. [...] Ведь по духу она была близка и с Илюшей [Фондаминским. — М. Г.], и с Савинковым, и с Керенским, а Корнилов собственно был ей чужд, — и однако, она выносит оправдательный приговор Корнилову, даже не выносит, а он сам «выносятся». И что самое замечательное — Корнилов не увлекает ее, к белому движению она остается холодна, не верит ему. [...] Ее дневник — сама история. Она была поставлена в необыкновенно выгодное положение. Ежедневные свидания с Савинковым, человеком, умеющим отлично рассказывать, свидания с Бунаковым, знакомство с Керенским и дружба с Карташевым. [...]

Илюша предстал пред нами в ином свете. Да, роль его не малая была и он увильнул от ответственности, уехав комиссаром в Севастополь. Меня порадовало, что я верно чувствую его. Он вовсе не такой «милый простой человек», «добрый и умный», нет он с большими провалами и ум его не свободен. И не только Керенский забывал «о России» и не понимал ее, но также и Илюша. Это теперь, 7 лет проучившись, стал понимать, хотя и по-своему, что такое Россия, что такое государство. Да и то я не уверена, что в критический момент он [не. — М. Г.] пожертвует партией для России. [...]

11 декабря.

Была в английской церкви. [...] Пришла домой — газеты, письма. Г. Н. [Кузнецова. — М. Г.] в восторге. Ей письмо от Алданова: стихов в «Днях» решено не печатать, он передал их Демидову, который взял их для «Посл. Новостей». М. Ал. просит рассказ.

Потом Г. Н. открывает газету и читает: Семен Владимирович Лурье скончался от несчастного случая. Попал под поезд на Руанском вокзале. [...]

У нас с Яном дыханье остановилось. Боже, что за горе! Познакомились мы в Одессе, часто встречались. [...] Он немного рассказал мне о Шестовых. [...] Затем в Париже. [...] Он бывал у нас в первый же год. [...] Ближе сошлись с ним, прикоснулись с его духом года три тому назад. [...]

5/18 декабря.

[...] весь сад в снегу. [...] Ян нежно обнял: «Я хотел сейчас к тебе пойти, нашел под столом 50 фр. Верно, ты обронила, и стало тебя так жалко». Какой он странный и нежный человек. И как я иногда боюсь за него. Теперь он мучается «Жизнью Арсеньева» — уже не нравится. [...]

6/19 декабря.

[...] Ян вчера был очень трогателен. Он расстроился, увидя мое состояние. Говорил: «Ты ведь часть моей души», предлагал [отказаться. — М. Г.] от предложения Фондаминских остаться на январь в Грассе. Но мне казалось, что ехать в Париж еще тяжелее.

Фондаминский как-то уклончиво написал относительно «Жизни Арсеньева», написал, что конечно, это произведение будет иметь большое значение, но что в нем нет занимательности. [...]

16/29 декабря.

[...] «Наши странствия»⁴ я должна писать, когда чувствую себя хорошо и ничто не расстраивает меня — тогда работа идет споро, а то — полная бездарность. [...]

Ян давно не пишет. В холоде, в дожде, мраке ему не работается. Хотя бы январь был погожим. Ведь ему необходимо набросать хоть бы III-ью часть.

Г. Н. встает в 11 часу. Ей жить надо было бы в оранжерее. [...] Она слаба, избалована и не может насиловать себя. [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

1 янв. 1928/19 дек. 1927.

Францию с Новым Годом! А я еще не чувствую, что Новый год идет, хотя уже 8 лет встречаю его во Франции, и все еще не привыкла. [...]

2 января.

[...] В «Днях» напечатан рассказ Г. Н. [Кузнецовой. — М. Г.]. Статья Макеева о «Совр. Зап.» Восхищается «Божьим Древом»¹, но говорит, что эта жизнь канула в вечность.

Ян сказал: [...] Я пишу о душе русского человека, при чем здесь старое, новое. Вероятно, и теперь какой-нибудь Яков Еф. трясет портками и говорит теми же присказками. А они: все это картины старой жизни, — да не в этом дело.

[...] сегодня память мамы. Утром молилась. Грустно, что не могу отслужить панихиды. Утешаюсь, что, вероятно, отслужат в Москве. [...]

[Из конспекта Ивана Алексеевича, написанного его почерком, вероятно, на основе уничтоженных записей:]

9. 1. [нов. ст. и дальше все по н. с.]

На пути в Cannes слезли, не доезжая, пошли по рощам мимоз. Солнечн. предвечернее время.

24. 1.

Г. [Кузнецова. — М. Г.] начала переписывать вторую книгу «Жизни Арсеньева».

27. 1.

Кончила переписку.

31. 1.

Напечатан «Кунак».

1. 2.

Весенний день. Нарвала в саду и принесла мне белых цветов с запахом нарциссов.

4. 2.

Голые деревья на фоне облаков в лунную ночь. Облака кажутся особенно белыми.

7. 2.

При луне по Ниццкой дороге с Г. Кипарисы, созвездие Ориона.

8. 2.

Кончил вторую кн. «Ж. А.»

18. 2.

Отъезд в Париж — я, В. и Г.

19. 2.

Париж. Hôtel Gavarni номера 16, 14, 21. Завтрак у Ага (в его ресторанчике при лавке, на rue de la Pompe).

20. 2.

С Зайцевым «Chez Francis».

22. 2.

Завтрак с Алдановым в «Москве».

23. 2.

Обед у Ага и чай у Цетлиных.

[Вера Николаевна записывает:]

23 февраля 1928 г.

[...] Вчера видели Алданова, он очень изменился, пополнел, стал каким-то солидным, но все такой же милый, деликатный, заботливый. Это он боится моих дневников, жаловался на это Цвибаку². [...]

Обедали у Цетлиных. [...] М. С. ушла играть в поккер, а мы пошли с М. Ос. на лекцию Адамовича, которая не состоялась, в виду того, что пришло 4 человека вместе с лектором. [...] С горя пошли в полосатый бар. Много говорили о литературе. Залили Берберовой³ за шкуру. [...]

24 февраля.

[...] покончила самоубийством Нина Петровская⁴. Верочка [Зайцева. — М. Г.] рассказывала, что [...] она пила, прибегала к наркотикам. 45 дней назад умерла ее сестра [...] она тыкала в нее булавки, а затем колола себя, чтобы заразиться трупным ядом. Но яд не брал ее. Жутко представить, что было в ее душе. [...] Жаль, что знаю я ее очень мало. Почему-то все вспоминается какая-то выставка в Строган[овском] училище, пустые залы, в одной в углу безжизненная фигура Брюсова⁵ в застегнутом сюртуке и мохнатая черная голова Нины на маленьком туловище. [...]

26 ф.

Похороны расстроили больше, чем ожидала. Народу немного. Больше женщины. Мужчин только четверо: Боря [Б. К. Зайцев. — М. Г.], Ходасевич, Соколов, нотариус и др. Унковский.

Гроб простой, досчатый, в церкви покрыт был черным сукном с серебряными галунами. И от этой простоты, отсутствия обычной на похоронах пышности было очень жутко. [...]

Перебрались на rue de Four. Комнатка маленькая, но все есть. У Яна просторно. У Галины — солнечно. [...]

27 февр.

Вот и Великий Пост. [...] были в типографии, отвезли 2 часть «Жизни Арсеньева». Читал Цетлин, ему очень понравилось.

Видела, как делают набор в типографии, вроде как на пишущей машинке, только выскакивают свинцовые плиточки. [...]

Приехала за 1/2 ч. в церковь. Пила кофе. [...] Служил Владыка. Он похудел и лицо его стало еще благороднее. Он хорошо читает, у него необыкновенно приятный голос. [...]

Обедала в ресторане. Не ела мяса. Решила так поститься всю неделю. Потом на «Зеленую Лампу». [...] Под зеленой лампой рассуждали [...] насколько Евангелия святы. И после церкви было особенно неприятно. Дм. С. болен. Зин. Ник. была любезна, оживлена, мила. А когда сидела за столом, то как-то съжилась, и мне было ее жалко. [...] мы ушли с Левиными, Тэффи и Ходасевичами. [...] Берберовой «Жизнь Арсеньева» не понравилась: «У нас с Ив. Ал. разный подход к жизни».

28 февраля.

[...] На Ефимоны поехала в Серг. Подворье. На дворе психопатка, кн. Эристова, влюбленная в Владыку, уговаривала меня исповедоваться у Владыки: «Он, как Иоанн Кронштадтский», «Он никогда не любил плотской любовью». [...] Я молчала, не зная, что ответить. К счастью, прошел мимо Карташев. Я извинилась и пошла за ним. [...]

Студенты в черных подрясниках. Полутьма, пущота, мягкий голос Евлогия как-то особенно действо-

вали на душу. После службы мы зашли с Каллаш в кабачок. [...]

[В дневниковых записях Веры Николаевны перерыв до мая. Делаю выписки из конспекта Бунина:]

10. 3.
«Зеленая Лампа».

11. 3.
Завтрак в Латинском квартале.

12. 3.
У Ага и у Куприна.

14. 3.
Ужин в еврейском ресторане.

15. 3.
Бал писателей.

17. 3.
Юбилей Барятинского. «Москва».

18. 3.
Чешск. ресторан [...]

19. 3.
Евр[ейский] ресторан и синема.

22. 3.
«Викинг». Обед у Зайцевых.

24. 3.
Обед у Цетлиных.

25. 3.

Чай у Тэффи. Вечер у Юшкевича.

29. 3.

Обед у Прюнье.

1. 4.

Обед у Михайловых. С ними в синема.

5. 4.

Отъезд из Парижа. В 5 ч. вечера остановка в Дижоне, отель «La Cloche».

6. 4.

В час дня из Дижона. Пересадка в Лионе на Гренобль. В 8 вечера Гр. Ночевка там.

7. 4.

В полдень из Гренобля на Digne-Nice. В 5 вечера Auban. В 6 пересадка на Digne. Ночь в Digne. Легли в час. Встали в 5.

8. 4.

В 6 утра из Digne. [...] В 6 вечера в Ментоне, Hôtel du Parc.

13. 4.

Ходили на вынос Плащаницы. Наша Страстная.

[Из дневника Веры Николаевны:]

1/14 мая 1928 г.

Давно я не писала по-настоящему дневник. Я могу это делать только, когда я сравнительно спокойна. Внутренний дневник мне писать трудно, как-то стыдно. Легче и приятнее описывать внешнюю жизнь, заносить разные события, встречи.

5 день мы в Грассе. Все уже устроилось и все жаждем начать работать. [...] Мы все устали от кочевой жизни, клонит в сон, особенно Галину.

Ян очень мил, нежен, весел. Он сказал, что завтра сядет заниматься, а как придет книжка «Совр. Зап.», так примется за Арсеньева. «Это не значит, что я сейчас же буду писать. Может быть, месяц промучаюсь, нужно все обломать, выбрать, просеять». [...]

16 мая.

Дождь, грязь. После обеда пошли с Яном в город и вдруг Марк Александрович [Алданов. — М. Г.]. Очень обрадовались. [...] За чаем спорили. Ил. Ис. [Фондаминский. — М. Г.] доказывал, что победить большевиков можно лишь духовной силой. [...] Алданов считает, что большевизм держится на чека и может быть свергнут двумя путями: или «дворцовым переворотом» или войной. [...] Он находит, что революция произошла только потому, что была война. [...]

Ил. Ис. считает, что война войной, [...] что избежать революцию можно было бы только в том случае, если бы была дарована конституция Александром II.

Ян не согласился — все равно, не удовольствовались бы. Может быть, если бы дал Александр I — тогда дело иное. Ведь с Радищевым⁶ началось неприятие, вернее, критика. [...]

К сожалению, М. Ал. по своей ненужной щепетильности, стал торопиться на автобус. Мы повели его верхом. Но на природу, по словам Яна, он, как чеховский кучер, смотрит свысока. [...]

18 мая.

[...] Сегодня юбилей С. В. Яблоновского. Вчера спор, можно ли устраивать подобные юбилеи. Ил. Ис. возмущен: «Чин жизни нарушен». Глупо, конечно, что печатается «Под председ. ак. Бунина». Но я на-

хожу, что всякий человек может справлять свой юбилей. И никакого чина здесь не нарушено. [...]

27/14 мая.

Сейчас за кофе. Опять разговор о Степуне. Илис: Читаю К. К. Арсеньева. Как его почитали, а он гораздо бледнее Степуна. [...] Я горжусь тем, что это я открыл Степуна. Мы познакомились в 18-ом году, его почти никто не знал. И когда он приехал сюда, я сразу схватился за него. А как его боялись в редакции. Говорили — кто его знает, то ли монархист, то ли еще кто другой. И как трудно было убедить, что нужно искать людей. Не понимают, как составляется всякое общественное течение. Напр. славянофильское — был Хомяков и обосновал настроение этой группы, это как мотор. [...]

Я: Завидую вам, что вы знаете, что нужно в данный момент. Абсолютной истины нет, и история только и делается людьми, которые знают «истину».

Ил Ис.: Да, это правда. [...] Сейчас мне кажется, что правильный путь это духовно-национально-социалистический. [...]

Я думаю, что у Илиса социализм тоже не на первом месте. Но верно ли он все чувствует? Не упускает ли чего?

11 июня.

[...] Ян все крутится, все никак не усядется. Но, кажется, вот-вот он погрузится в Арсеньева. Сегодня он весь день убирался. [...]

[В конспекте И. А. Бунина значится: 14. 6. Начал третью книгу «Ж. А.», 21. 6. Приехал Зайцев.]

6/7 [июля].

Ночь. Опять не спится. Третий час. [...] Равнодушие Яна убивает меня, а в претензии быть на него

нельзя, он сейчас сам в смятении. Не может работать, ездит купаться, устает, плохо спит, волнуется. Ждет с нетерпением Рощина. Ему кажется, что как он приедет, то все наладится, а он, как на грех, обманул. [...]

Ян спросил Берберову: — Ну, а как мэтр? И она совершенно серьезно ответила: «Мэтр и т. д.».

16/17 [июля].

Ночь. Опять третий час, и опять не сплю. [...] Сегодня были у З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] К счастью, à deux с ней была недолго, потому никаких неприятных сплетен не слыхала. [...] Борис [Зайцев. — М. Г.] дважды оборвал Зин. Ник. Он это умеет, но все же это его взволновало.

1 августа.

[...] Уехал Зайцев. Немного грустно. [...] В Зайцеве есть светлость, понимание чего-то нужного, чувство правильности своего пути — это великое счастье. Религиозность — его опора и защита некая от собственной плоти. [...] Ему здесь было «хорошо, как дома». Конечно, наш «Монастырь муз» ему подходит, есть и устав, есть и удовольствия, и правильный образ жизни, и возможность писать спокойно, и полная душевная свобода.

Прочла «Афон» в книге, прочла о нем рецензию и нахожу, что никто по-настоящему не оценил эту редкую книгу. [...]

2 августа.

Очень беспокоит Ян — тих, кроток, подавлен. Устал, беспокоит сердце. Он не может работать, отчего очень страдает и, как всегда, ему кажется, что хуже с ним не бывало. [...]

Денег осталось совсем на доньшке. Если завтра не пришлют чехи — дело плохо. [...]

5 августа.

[...] Ездили в Торан к Мережковским. Они живут в замке, существующем с 1525 года. Комнаты с толстыми стенами, амбразуры окон величиной с комнату в новых домах. Воздух там живительный, мы прямо отдохнули от жары.

29 августа.

[...] Ян чувствует себя плохо. Встал и опять лег спать. Он оставил на несколько дней «Арсеньева» и начал о Толстом для «Посл. Н[овостей]».

3 сентября.

На днях у нас был Белич. Первое впечатление — русский молодой профессор, но приглядевшись, видишь, что он постарше, а главное — энергия и темперамент у него не русские, а если и бывает такая энергия у русских, то редко у профессоров, а скорее у инженеров. Русских он знает, но писателей — мало. Главная его забота и интерес — журнал и книгоиздательство. Съезд⁷ его мало интересует, хотя он и будет его открывать.

Он долго и подробно рассказывал о том, что сербы сделали для русских: 1) не дали умереть с голоду, 2) поставили на ноги, 3) открыли школы, теперь хотят основать журнал, устроить книгоиздательство. Деньги есть. Белич хочет, чтобы журнал был самым лучшим, самым интересным. Наметил редакторов: Мережковского, Бунина и Струве, который будет жить в Белграде и фактически и технически руководить журналом. Ян отказался от редакторства: и некогда, и, по его мнению, втроем это делать невозможно, да и взгляды литературные диаметрально противоположные. Уж лучше пусть будет редактором один Струве. Потом обсуждался вопрос о том, пойдут ли к Струве писатели. Ян думает, что пойдут, если не будет поли-

тики. Белич говорит, что статьи будут только литературные и научно-культурного типа.

В Сербии два течения: одни желают, чтобы русские ассимилировались, а другие, наоборот, хотят, чтобы русские остались русскими и друзьями сербов. По-видимому, это течение берет верх.

Мы дали ему стихи Ходасевича. Ян спрашивал, нельзя ли устроить ему субсидию. Оказывается, субсидии не зависят от Державной комиссии, где Белич председательствует. Стихи Ходасевича не понравились: — «в нем есть двойственность». [...]

8 сентября.

Виделись с Тэффи и Тикстоном. Впечатление, что им скучно друг с другом, хотя связь их крепкая. [...] Свели их с Беличем. Но у меня чувство, что Тэффи осталась недовольна. [...]

Вчера зашли к Мережковским. [...] В Белград они едут. Возмущены, что редактор Струве. «Я не буду с ним работать», заявляет З. Н.: [...] «Я напишу статью против самодержавия, вот он и уйдет». Значит, ясно — Мережковские едут в Белград, чтобы вырвать у Струве воображаемую власть, а если не удастся, то будут стараться, чтобы Струве отказался работать с ними. Они думают, что журнал будет в их руках, т. к. Ян занят «Арсеньевым», связан с «Совр. Записками», то он не опасен им. Алданов вряд ли станет принимать близкое участие там, Куприн — рамоли, Шмелев — болен, Зайцев — не опасен. Словом, им мерещится из этого журнала сделать «Новый дом». [...]

Серов нашел, что у Яна ослаблено сердце, что и раздражительность от этого, а не от печени. Спрашивал, не заботит ли его что. Он сказал, что как не заживающая рана, его гнетет мысль о работе. Совет: на время постараться забыть. [...]

19 сент.

[...] Ян совершенно с ума сошел насчет сердца, нервничает, не спит, днем не ест. Был у Серова, теперь хочет к Маану. Боюсь, что и Маан его не успокоит. Ему нужен доктор вроде Альтшулера.

Мережковские едут в Сербию. Им прислали 10000 фр. будто бы за пьесу. З. Н. сшила новое, слава Богу, черное платье. Дм. С. возбужден. [...]

Ходасевич попросил у меня ту статью Гиппиус, где она писала об Яне, как о большом писателе, о большой личности и издевалась над критиками, которые называют его описателем. О себе Ходасевич говорит, что он очень доверчив, что Мережковским он верил и что они «ужасно с ним поступили». [...]

8 окт.

Письмо Мережк[овского]:

Дорогой Сергей Константинович⁸, посылаю Вам [...] большую газету с моим интервью. Очень прошу Вас велите его перевести и напечатайте в «Возрождении». Интервью чрезвычайно важное, благодаря многим обстоятельствам, между прочим, исключительно любезному приему короля Александра: на обеде я сидел рядом с королевой, а З. Н. рядом с королем. Наша беседа была очень *важна* и она, конечно, будет иметь последствия. [...]

Ах, забыл, я получил орден Св. Саввы *первой* степени, *высший* орден в Югославии. Это тоже имеет большое значение, З. Н. — Савву второй степени. Ленты, звезды, рескрипты. Славяне все в восторге и умилении. Встречали, *плачут слезами* от любви к нам русским. А дураки в Париже сидят каменными болванами.

Сердечно Ваш Д. М.

20/7 октября.

Были вчера у Мережковских. Оба сияют и доволь-

ны. Вероятно, денег привезли больше, чем ожидали. [...] Ордена красивые. И Д. С. все повторял, что кроме него, такой орден только еще у одного сербского писателя, а про Немировича и не упомянул.

Уверяют, что сербов правых почти нет. В Белграде чувствуется Россия. Куприн пил, перед представлением королю возили в баню, т. к. он с утра был пьян. К нему было приставлено двое молодых людей. Струве свалили, «все против него и сам Белич, т. к. он заявил свою программу и потребовал, чтоб всех сыновей перевести в Белград (?). Белич понял, что он генерал». Д. С. еще говорил, что у Струве социал-демократическое презрительное отношение ко всем писателям.

Журнала пока не будет. Лучше газета. Но на газету нет достаточно денег. [...] Основалось там пока лишь книгоиздательство. На год намечено выпустить 12 книг. [...]

Рассказывали они нам далеко не все, все время лавировали, особенно З. Н.

Мережковский еще воодушевлен религиозным настроением Загреба. Его там считают чуть ли не католиком, т. к. католики думают, что он работает на соединение церквей и уверены, что если это соединение произойдет, то они православную церковь сумеют поработить. [...]

Вечером Ян долго говорил о «Жизни Арсеньева». Он горюет, что дал такое заглавие, нужно было назвать «У истока дней» и писать, как «Голстой-душенька написал Детство, Отрочество и Юность и запнулся». — «И мне кажется, что и я больше не напишу. Ведь 17 лет не написал в трех книгах. А 40 лет я должен написать в одной, в крайнем случае в двух... Ведь одно из двух: либо писать кратче, а если так же — то сколько выйдут томов! Я думаю об этом денно и нощно. Иногда кажется, что нужно оставить на время, заняться другим».

27/14 окт.

Сутки — дождь, ни на минуту не переставая, в саду вода. Гул от ручья вдоль Mont Fleury. Ночью был гром.

Галина никогда не видала, как танцуют кадрили. Чтобы размяться, мы позвали Капитана⁹ и стали танцевать. Я забыла четвертую фигуру. Они к кадрили относятся, как я к лансье.

Ян читал Мопассана, я работала. [...]

24/11 н.

Шесть лет назад мы венчались в этот день в церкви. [...]

Была одна у Мережковских, после письма З. Н., в котором она пишет: «Вы нас плотно покинули... Я всегда обречена на любовь верную и неразделенную».

Были все со мной очень милы. Дм. С. в хорошем настроении, доволен. А З. Н. — в тяжелом — ей негде писать. В «Возр.» ее редактируют, даже ее дневник в отд. изд. Поднимается вопрос, не взять ли назад этот дневник, нарушить контракт. [...]

З. Н. говорила об Яне: «Он — единственный, подражать ему нельзя. К людям он относится, как к части мира, который он любит очень. А потому он может дружить и с Кульманами и т. д. Человек сам по себе ему не нужен». М. б. это и правда? [...]

«Вот мы переписывались с Т. Ив. [Манухиной. — М. Г.] о молодых писателях: у них все есть — и форма, и уменье, только нечего сказать». [...]

2 дек./19 нояб.

[...] Телефон. [...] — Это Екат[ерина] Павловна [Пешкова. — М. Г.]. — На минуту захватывает дыхание. [...] — Я в Ницце. Не можете ли вы приехать повидаться? — Сейчас трудно. Из Грасса нет прямого сообщения. Нужно ехать через Канн. [...] — Мы приедем в Канн. — Хорошо, буду ждать вас у решетки,

при входе с вокзала. Буду в вязаном пальто — вдруг вы меня не узнаете. [...]

Поехала в Канн. [...] незаметно провела время до прихода поезда из Ниццы в 6 ч. 30 м. Уже прошла вся публика. Их нет. Жду. Сердце бьется. Ведь Ек. П. была последней, кого я видела в Москве в день нашего отъезда на юг в мае 1918. И первую я должна увидеть оттуда.

Наконец, вижу идет дама, чем-то очень напоминавшая мне Савинкову, довольно полная, весело мне машет. — Екатерина Павловна!

Мы поцеловались. Потом я поздоровалась с Брежневым. Зашли в Consigne. Сдали ее кожаный чемодан и беличье пальто (очень красивой темной белки). Куда идти? Я повела их к англичанам. Заперто. Пошли [...] сели в глубине кафе, спросили St. Raphael.

Сначала о родных. Мать ее жива, ей 80 лет. Жена Максима не хочет ехать в Россию. Максим ничего не делает, даже марки перестал собирать серьезно. Говорила о Мите¹⁰, о его болезни. Ек. П. обещала повидаться с ним. [...] Я спросила, нельзя ли нам достать от наших наши дневники, старые письма и, если остались, вещи? Ек. П. сказала, что кое что может провезти. — «А вот если бы раньше, Ал. М. [Горький. — М. Г.] мог бы все, что угодно, вывезти — у него багаж не осматривали». [...] С Малиновской не выдалась, т. к. она занимала высшие посты у большевиков. С Толстыми не выдается, «он слишком много дружит с большевиками, покупал дешево мебель. А затем его пьеса 'Императрица'...» Умер Крандиевский, сама по-прежнему глуха... «Скирмунт живет у меня. В Париже он пропал. Было трудно, но я устроила ему визу. И теперь он снова стал таким, каким был до за-границы». «Вообще, я с большевиками не выдаюсь, выдалась с одним Дзержинским и считаю его порядочным человеком».

— Как же?

— Он считал, что раз он находится в правительстве, которое признает расстрелы, то он не может уклоняться от каких бы то ни было мест. Он единственный из всего ГПУ, с которым можно говорить. Когда я начала работать в Кр. Кр., я решила никогда не обращаться в ГПУ. Но однажды надо было спасти одного человека и я решила обратиться к Дзержинскому. Я была удивлена, что он выслушал меня. Он вникал в каждый случай.

Я спросила о двух знакомых в Соловках¹¹. Она сказала, что теперь в Соловках хорошо. Переменили администрацию. А кто в [неразборчиво написанное слово. — М. Г.] — тот, значит, работает и сам вроде как в администрации.

Потом она спрашивала, правда ли, что Ян страшный монархист. Я сказала, нет, ничего страшного. Он примет всякую власть, кроме большевицкой.

Она выразила сожаление, что Ян не в России теперь. Я сказала, что он большевизм не переносит, как я кошек, что в Одессе, где мы ощутили его всей кожей, он чуть не заболел от одного вида большевиков.

Потом она стала расспрашивать, правда ли, что он писал такие злобные статьи?

— Это не злоба. Это пафос. Мы белые и никогда не изменим тем, кто пал в борьбе с большевиками.

— То есть как не изменим?

— Вы ведь от Каляева не отрекались.

— Но Россия выше всего.

— Нет, кое что есть выше России, — сказала я, когда поезд уже тронулся.

Меня охватило грустное чувство. Может быть, хорошо, что наше свидание длилось только час. Я рада, что видела Ек. П. Теперь я знаю, что она не переменялась, что по-прежнему она не способна ни на что дурное сознательно, но «живя в нужнике, ко многому принюхаешься». [...] В ней самой появилось спокойствие, она пополнила, отчего глаза уменьшились и

стали менее красивы. Но лицо молодое. Работает в Кр. Кр. даром. Получает от Ал. М. [Горького. — М. Г.] 100 рубл. на себя и 100 руб. на мать — на это и живет. Скупое ей дает Ал. Мак. Голос у нее все такой же приятный. И флюиды от нее приятные, но все же было очень грустно.

Да, она еще сказала, стоя на платформе:

— Я надеялась, что Ив. Ал. придет с вами, я тогда скорее почувствовала бы его. Я его больше всех люблю, как писателя.

— Он боялся вас скомпрометировать, а то бы приехал.

— Где лучше остановиться в Париже, где нет русских? Могут быть там неприятности.

— В центре. Пасси — русский центр, — сказала я.

6 дек. / 24 ноября.

[...] Ян чувствует себя плохо, тревожно. Беспокоит будущее. Денег мало. Как проживем в Париже? Говорили об издательстве в Белграде. Что послать? «Избранные рассказы», «Окаянные дни», «Книжку новых рассказов»? На вечер надежды мало. Да и кто будет продавать билеты?

Все вспоминается тон голоса Ек. П., когда она говорила, что у большевиков что-либо хорошо. Все же она подсознательно хотела оправдаться, мой слух не обманешь, интонация выдает. [...]

20/7 дек.

Потрясены смертью Юл. Ис. Айхенвальда¹². Ян, как прочел, так и упал на спину. А затем у него было такое же выражение глаз, как при известии о смерти Юлия Алексеевича. И за обедом он был грустно-растроенный, все молчал. [...]

Целый день мелькают в голове картины встреч с ним. Вспоминается, как мы раз ехали вместе из Киева в Москву и часами просиживали в вагоне-ресторане,

споря о женщине. Он считал, что назначение женщины — быть женой, матерью и что все курсы от лукавого. Назначение женщины — страдать, особенно, как матери. [...]

Оказывается, было знаменитое собрание, был завтрак на 12 персон с Гукасовым. Шмелев неистовствовал, кричал о кружковщине и неуважении к писательскому званию. Всем было неловко. Ни Тэффи, ни Зайцев, ни Яблоновский его не поддержали, только Куприн пробормотал что-то несвязное о «Куполе Св. Исакия». [...]

В общем, собрание было неудачным (передаю со слов Маковского). Гукасову были открыты карты, о которых ему не нужно было знать, и этим закрепились кабала.

Концерт в пользу журналистов провалился, не дал ни копейки, но вызвал много прошений. [...]

10/23 дек.

[...] Вчера было письмо от Фондаминского. Очень интересное начинание — издавать биографии-романы. Предлагают и Яну. Пока согласились: Алданов — Александр I, Цетлин — Декабристы, Ходасевич — Пушкин, Зайцев — Тургенев. Яну предлагали Толстого, Чехова, Мопассана, но он согласился на Лермонтова¹³.

«Вере Николаевне передайте, что фельетон¹⁴ ее имел успех — все хвалят». А мне даже жутко, хотя — не скрою — весело. Только страх, что больше не напишу. [...]

Верное чутье было у меня, когда я еще нашему книгоиздательству [в Москве. — М. Г.] предлагала выпускать художественные биографии. Никто не отнесся к моему проекту серьезно. [...]

14/27 декабря.

[...] Пришла книжка Зурова «Отчина». Это исто-

рическое описание Псково-Печерского монастыря. Он весной работал в монастырской библиотеке, сделал зарисовки букв, концовок, водяных знаков и кожаных тиснений. В этой библиотеке он обнаружил заброшенную икону с рисунками обителю конца царствования Ал. Михайловича и богатую киноварными буквами рукописную книгу XVII века государева дьяка Мисюря Мунейхина. Названа его книга «Отчина». Написана просто, сжато, с древними словами. Молодец. Значит, у него серьезные задания. Хорошо, что он религиозен.

Он в письме сообщил Яну, что ему было 16 лет, когда он стал добровольцем, значит, ему 26. Был в Праге (Г[алина] вспомнила его), но доктор посоветовал уехать оттуда из-за здоровья, — он был дважды ранен. Служил в «Перезвонах»¹⁵ секретарем. Прислал свою крохотную фотографию. Лицо приятное, хотя, вероятно, он самолюбивый человек и с характером. Г. написала ему письмо¹⁶. [...]

«Анна» [Б. Зайцева. — М. Г.] — хороша. [...] Я рада, что он работал у нас хорошо. Смешно, что в такую жару он писал так хорошо вьюгу, мороз. Интересная черта. Ведь и Ян много зимних рассказов написал на Капри, а о Цейлоне писал в Глотова зимой, в стужу. [...]

Вчера гуляли с Галей по дороге в С. Валлье. [...] Говорили о литературе, о Рошине, жалели, что он многого не понимает, едва ли будет совершенствоваться. Она опять говорила, что весной хочет писать повесть из 17-18 годов. [...]

28 декабря.

[В дневник вклеена фотография Ю. И. Айхенвальда, вырезанная из газеты.]

[...] Письмо от Зайцева: «Юл. Ис. был в гостях

у Татаринова, находился в очень подавленном и мрачном настроении. Говорил, что надежд никаких нет, и жить *не стоит*. Вышел и на бульваре [...] — трамвай идет совсем рядом с аллеей — по близорукости своей и попал под вагон. Трамвай так его придавил, что пришлось поднимать вагон специальным краном, подъемником! Но, видимо, он сразу оказался в бессознательном состоянии. Изуродован ужасно, выбиты зубы и т. д. В больнице у него был брат Вышеславцевой и видел его, но Юл. Ис. в себя так и не пришел. Очень многие в Берлине его любили».

Милуков возражал Зайцеву против панихиды от Союза. «Мы не конфессиональное учреждение». Поддержал Зайцева Аминад [Дон-Аминадо. — М. Г.]. Панихида состоялась — народу пришло мало, большинство — евреи. [...]

29/16 дек.

[...] Мне письмо от Оли Иловойской¹⁷. Она о старом Пимене ничего не помнит. И как она далека от литературы — не понимает, что мне нужно¹⁸. [...]

Тяжело бездетным женщинам невыносимо. [...] Умрешь и никого не оставишь, некому тебя оплакивать, некому за тебя молиться. Верно, что евреи — мудрый народ — считали, что бездетность — это наказание за грехи. Так оно и есть. Поняла я это слишком поздно.

31 декабря.

Проснулась рано. Слышу, Ян уже встал, стала одеваться. Он вошел ко мне, когда я не была еще готова, очень ласково поздоровался — признак хороший, значит, уже во власти работы.

[...] В Каннах было приятно. Ян был какой-то давно прошедший. Купила себе дневничек французский, но очень приятный, в черном мягком переплете. [...] Послали Галининой бабушке 100 фр. [...] Ян под-

стригся, а я на этот раз не пошла к парикмахеру, съэкономила на дневник. Пили кофе у англичан, купили Галине конфет. [...]

Возвращались в первом классе. Мы мало говорили. Ян все читал, но было редко хорошо. Потом Ян встал и неожиданно поцеловал меня. Потом мы говорили, что послать мне в «Посл. Н.». [...] Потом я рассказывала об Эртеле. Как думаю написать¹⁹. [...]

1929

[Из записей Веры Николаевны в дневничке «в черном мягком переплете»:]

1 января 1929 г. (новый стиль)

[...] Ян спросил: «Зачем писатель зачеркивает? Затем, что хочет уничтожить. А потом — веяние Гофмана, Щеголева — стараются восстановить варианты. От этого повеситься надо!». [...]

Да, — сказал Ян, — только Достоевский до конца с гениальностью понял социалистов, всех этих Шигалевых. Толстой не думал о них, не верил. А Достоевский проник до самых глубин их.

3 января.

[...] Ян спрашивал о моих работах. Говорили об Эртеле, об Овсяннико-Куликовском. Рассказала ему о плане. Он одобрил.

Открытка от Н. Ив. Кульман: «Журнал в Сербии провалился из-за интриг». Мережковских это зарежет. [...]

6 января.

[...] Утром он позвал меня: скончался Николай Николаевич¹. Он очень огорчен, печален: «Думал ли я, когда я видел его 40 лет тому назад на Орловском

вокзале, когда он ходил по платформе, — он вез прах отца, — был блестящ, молод с рыжеватыми кудрявящимися волосами, — думал ли я, что наши жизни столкнутся, что поклонюсь его праху в Антибах».

Решили завтра ехать в Антиб. Говорили, что прошлая Россия ушла, что для него лучше, что он умер, ибо едва ли что-либо, кроме горестей, у него было бы.

— Да, конечно, — сказал Ян, — ведь все лучшее погибло в войне, общей и гражданской. [...] В правых рядах остались лишь худшие. [...]

7 января.

Наше Рождество. День хороший, но холодно. Едем на панихиду по Николае Николаевиче. Подъехали к вилле Тенар на автомобиле около трех. Белый простой дом стоит в глубине двора широкого поместья. [...] У дома офицер в форме. [...] Входим, нечто вроде вестибюля, где толпится народ. Проходим в залу, где в гробу лежит Ник. Ник. Комната высокая в 3 окна, одна дверь; вероятно, другие завешены красного тона плюшевыми драпри. В щели пробивается солнце. Гроб дубовый, очень глубокий, — такого я не видала, — стоит на низких подставках, что тоже необычно. [...] Николай Николаевич в черкеске, очень высок, стал очень худым, пропала грудь. Поразила правая рука, далеко вышедшая из рукава, она крепко держит резной черный крест. Почетный караул по обе стороны гроба. При нас сменился, стали казаки, высокие, стройные, серьезные в своих черкесках. Тишина. Простота. Молодой человек в визитке читает Псалтырь. [...]

Я, когда подъезжала, очень волновалась при мысли о величии смерти, о том, что всякий у нас может прийти и поклониться покойнику. Когда вошли в залу, волнение еще усилилось от простоты в соединении с серьезностью, почетного караула и немногих присут-

ствующих. Около стены огромный венок, прислоненный к крышке гроба, на которой прибита металлическая доска с надписью *Nicolas Nicolaevitch*. Вероятно, *Nicolaevitch* сочли за фамилию, а потому и начертали крупнее. За изголовьем, в углу, столик, покрытый белой салфеткой, с образами.

Панихиды ждали около часу. Ян волновался сильно, особенно, когда пришли казаки в черкесках и сменили караул — у него ручьем по щеке текли слезы. Было чувство, что хороним прежнюю Россию. Да, вот живешь, как будто даже все зажило, а чуть наткнешься на что-нибудь, так оказывается, что рана обнажена, и больно, очень больно.

К панихиде вышли Петр Николаевич с супругой, его дети — все в глубоком трауре. Служил Каннский батюшка, как всегда, хорошо. Пел казачий хор. После панихиды родственники подошли к гробу первыми — Петр Николаевич, за ним Милица Николаевна. Опустились на колени, помолились, поцеловали крест, руку, а Милица Николаевна еще и орден, георгиевский крест. Потом подошли племянники, его пасынок, падчерица, затем и остальные. Наши не пошли, а я прощалась. Вблизи поразило лицо, — стало маленьким, не похожим на портреты. Запаха не чувствовалось. Много принесли венков, были и трогательные пучки цветов, белая гвоздика, например. [...]

Петр Николаевич и Милица Николаевна низко поклонились всем и «отбыли во внутренние покои». [...] Петр Николаевич, который совсем не похож на Николая Николаевича, очень похож на Александра II, был очень взволнован, то и дело вынимал носовой платок.

Когда мы вышли за ворота, то розовые снега на горах поразили нас красотой. День был изумительно прекрасный. Мы отправились пешком до площади, где автобусы. Сели. Много русских². [...]

8 января.

[...] День обещал быть тоскливым, нудным. И вдруг Георгий Иванов³. Приходу его были рады, ведь давно не видали знакомых.

Они завтра уезжают. Жили у Винтерфельда. Будто у Одоевцевой плеврит. [...] Поболтать было приятно. Он пишет роман, она пишет роман. Он завидует нашей жизни, но она не может жить нигде, кроме Парижа. [...] Едва выжила месяц в Бретани. [...] О Ходасевиче он сказал: он умен до известной высоты, и очень умен, но зато выше этой высоты, он ничего не понимает. [...]

9 января.

[...] Письмо от З. Н. [Гиппиус. — М. Г.]: Чехи прекратили пособия — это минус 380 фр. [...] О французах ничего не известно. В Зеленой Лампе З. Н. читала об эмиграции. [...]

Ян все не придет в себя, все волнуется. Смерть Ник. Ник. выбила его из рабочей колеи. [...]

17 января.

[...] Ян очень волнуется, как и чем будем жить. После смерти Ник. Ник. он бросил писать.

20 января.

[...] Ян вспомнил, что в день смерти Эртеля он отправился в анатомический театр, и груды кусков тела, трупы уничтожили у него страх смерти. Долго опять говорили об Эртеле. Ян хочет сегодня начать писать о нем. Как он мало оценен. О его личности никто ничего не знает.

Ян сказал: «Не нужно было ездить на панихиду по Ник. Ник. До сих пор не могу успокоиться». И правда [...] его художественное настроение гораздо более хрупко, чем самое тончайшее стекло.

23 января.

[...] Подсчитали — на Бискру денег не хватит. Решено: ночевка в Марселе, потом Дижон, где, если понравится, проживем еще месяц. Это, пожалуй, не глупо.

24 января.

[...] Ян пишет об Эртеле⁴. [...] Пришли 2000 фр. из «Посл. Новостей», [...] 3000 фр. от французов. [...]

26 января.

Ян плохо спал. Подсчитал: в Дижоне жить нельзя, нельзя в Париж приехать без копейки. Он прав.

Из письма Амфитеатрова⁵, полученного сегодня: «Знаете ли, мудрено даже выразить мое восхищение этою Вашей вещью: до того она растет из книги в книгу. Недавно в одной итальянской лекции о русской литературе я сказал, что из Вас вырастет русский Гёте, но куда без «Фауста», которым, однако, по всей вероятности, станет «Жизнь Арсеньева». Это было еще до 3-ей книги. Теперь слова мои подтверждаются. [...]»

31 января.

[...] В Каннах дали телеграмму Нилусу, что с 18-ого берем квартиру. Пили кофий у англичан. [...]

В 5 ч Марсель. Доехали до старого порта, но темно было и того волшебного впечатления, как в ту месячную ночь 18 лет тому назад, не было. [...] Решили остановиться. Будет стоить столько же, даже дешевле, чем приехать ночью в Париж, а устанем меньше. [...]

1 февраля.

[...] Ночью было крушение поезда на главной магистрали, а потому мы до Валенса ехали окружным путем. [...] В Дижон приехали около 8 ч. вечера. Взяли 3 номера вразброд, по 25 фр. Обедали. [...] Вы-

пили 3 б. вина, и я чувствую себя так, как давно не чувствовала.

2 февраля.

[...] Купила на вокзале завтрак-коробку, на трех хватило и всего 14 фр. Ехать было очень хорошо. В Париже [...] 2 часа ездили, нашли [комнаты. — М. Г.] лишь в International. Вечером у Цетлиных. [...]

3 февраля.

[...] М. Ал. [Алданов. — М. Г.] [...] как всегда, мил, любезен и пессимистичен. Завтракал он с Деникиным, который уехал из Капбретона из-за Бальмонта: «вечные скандалы, требование вина, пива в 3 часа ночи. А когда предлагали воды, он говорит — Бальмонту воды?! Поэту воды?! — Стыдно было перед французами». [...]

4 февраля.

[...] Завтракали у Зайцевых. Встретили по-родственному. Верочка тиха и печальна. Много всяких неприятностей. [...]

6 февраля.

Переезжаем на рю дю Бош, где жили Михайловы. Берем пока комнаты. [...]

10 февраля.

[...] отправились на вечер евразийцев⁶. Кое-что узнала нового: Евразийцы за православную Всем[ирную] Церковь. Они открыли Федорова⁷, философа, библиотекаря Румянцевского музея (с ним переписывался Эртель).

Ильин⁸ отбивал нападения, что евр[азийцы] близки по духу к большевикам. — Эта близость — веревка на шее удавившегося. Они дети славянофилов. [...]

Евразийцы прежде всего свободны. Христос принес свободу личности.

Первым говорил Федотов⁹. [...] Вышеславцев¹⁰, танцуя, остроумно говорил о марксистской философии, как очень элементарной. [...]

11 февраля.

[...] Вечером [...] к Зайцевым. Было человек 25. Боря читал «Анну». Я кончила бы на предпоследней главе. [...] Мы уехали раньше всех. Верочка была недовольна.

13 февраля.

[...] Потом Яна спрашивали о «Жизни Арс.». [...] он кратко сказал: «Вот молодой человек ездит, все видит, переживает войну, революцию, а затем и большевизм, и приходит к тому, что жизнь выше всего, и тянется к небу». [...]

15 февраля.

[...] Предложение вместо вечера «постричь» несколько человек. Не знаю. Но, если бы миновала чаша эта, была бы счастлива и довольна. Мотив: «Нужно сберечь Бунина».

Но общее впечатление очень печальное. Я как-то поняла, что почти никому наш приезд не доставил удовольствия. Пожалуй, пора уйти «под сень струй».

Портит мое настроение и предстоящий вечер. Напрасно мы не пожили в Дижоне. Меньше истратили бы денег и нервы были бы покойнее.

16 февраля.

Был Шмелев. Похудел. Стал тише. О себе говорил в более спокойных тонах. Устроил радио, восхищается. Рассказывал об обеде Гукасова, когда он всех громил. Оказывается, его «панораму» Маковский не хотел печатать, ибо ему «не позволяет редакторская

совесть давать такой мрак читателям». Хвалил Бальмонта, восхищался его стихами «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Бальмонты теперь под Бордо. [...]

21 февраля.

Вернулись от Шмелевых, радушно угостили. [...] Ив. С. был тих, он увлечен радио. Мы слушали вечером из Лондона. Решили завести радио и себе. Шмелев рассказывал, как его пороли, веник превращался в мелкие кусочки. О матери он писать не может, а об отце — бесконечно. [...]

22 февраля.

Переезжаем. [...]

24 февраля.

Приходил прощаться Илюша [Фондаминский. — М. Г.]. Едет с радостью на Бельведер. Был и Алданов и Лоллий Львов. [...]

26 февраля.

Вернулись с говорящей фильмой¹¹. Любопытное изобретение. Но человек все больше и больше вытесняется машиной. [...]

27 февраля.

[...] Готовлю обед. Был Рошин. Ни копейки! Забегал он и к Нилус. У них уже желтая повестка — если не заплатят до завтра полудня, то придут описывать. Я покормила Рошина, но дать могла лишь 3 фр., а Ян 2 фр., т. к. у самих одни долги. Сказала ему, чтобы он пришел обедать в воскресенье. [...]

2 марта.

[...] Была Нина Берберова, вся в зеленом, проста, решительна и беспощадна. П. Ал. [Нилус? — М. Г.]

вздумал при ней читать рассказ. Она, даже не слушая его, сказала, что ей пора домой. Потом, выслушав, сказала Галине: «Пойдем» и увела ее в ее комнату. П. Ал. читал очень тихо, сконфузясь. Вот олицетворение беспощадности молодости! А у меня разрывается сердце от жалости к людям.

У Тэффи было многолюдно, просто и, если бы не моя болезнь, приятно. Но драло горло ужасно. Я почти все время молчала. [...] Много видела тех, с кем начинали эмиграцию, и как все постарели.

6 марта.

[...] Милюков сравнивал свой юбилей с «Зарубежным съездом»¹² и нашел его «более удачным, чем съезд 1926 г. — съезд демократии». — Вот поистине бог бестактности.

17 марта.

Завтракали у Ельяшевич. [...] Гуляла по Елисейским полям с Ф. О. Она «презирает себя», что не изменяла мужу. «Было много, много искушений». [...] Мне как-то не представляются искусители. [...]

19 марта.

[...] Степуны обедали. Он, как всегда, был блестящ. В нем редкое сочетание философа с художником. М. б. одно другому мешает, но в обращении он прост, неистощим. Наташа [жена Степуна. — М. Г.] прелестна, в этот раз мне понравилась куда больше. Я как-то поняла, что ценит в ней Степун и чем она дорога ему. Она, конечно, идеальная жена и своего легко не уступит. [...]

20 марта.

Зашла вечером к Мережковским. У них Адамович, — готовятся к «Зеленой лампе», кот. будет в понедельник. Читает Оцуп¹³ «Гоголь и Белинский»,

но «незабудки тут для шутки», Белинский неинтересен. Нужно взять Гоголь и христианство, почему Гоголь «не вместился в христианство? А м. б. в церковь?» — «Он попал в щель между церковью и христианством. Он самый мрачный писатель. От него пошел нигилизм. Он сам — хаос».

Я поняла, что им просто хочется внедрять свои идеи — а все Оцупы лишь терпят, т. к. нет лучших. Удивительная у них энергия, свежесть чувств, как будто они только начинают жить. [...] Дм. С. хочет читать об Атлантиде и ею обрабатывать «молодежь».

24 марта.

Лекция Степуна. [...] Степун был блестящ. Умерен, изящен. Революцию делает молодежь, преступники и фантазеры. Результаты положительные — вопреки революции. [...] Он считает революцией настоящей только большевицкую.

Прений я не слышала. Пошли с М. Ал. [Алдановым. — М. Г.], Тэффи и Зайцевым «праздновать наше десятилетие». Сидели в кафе. [...]

26 марта.

Вчера на «Зеленую лампу» Мережковские не приехали — заболела З. Н. [...]

1 апреля.

Вечером пошла [к] З. Н. Думала, никого не будет, но Манухина пришла. [...] Разговор о Розанове¹⁴. М. принесла «Темный лик», только что прочла. — «Розанов, по-моему, возрожденец. Христа не понимает, как русские крестьяне. Он слишком любит плоть и все через нее». «Я согласна, что начало 20 в. в России было веком Возрождения».

14 апреля.

Волнуюсь о вечере. Едва ли продадутся все билеты.

Впервые была у Мережковских на — «Воскресенье». Пришла первая. У З. Н. опять процесс в легких. Печень, селезенка. [...] Дм. С. читал о «Содоме и Сионе» [...], об однополой любви. Было занятно и слушать, и смотреть на тихих мальчиков, чинно сидевших в ряд. Была и Одоевцева. За мной пришел Ян.

17 апреля.

Вечер Яна у Цетлиных.

[Записи возобновляются уже в Грассе:]

5 мая.

[...] Вчера в 12 ч. мы с Илисом [Фондаминским. — М. Г.] разговлялись скромно в кухне. Ян уже спал. Я подарила каждому по шоколадному яичку, влитому в скорлупу с раскрашенной физиономией.

6 мая.

[...] Проснулась с мыслью, что в жизни не бывает разделенной любви. И вся драма в том, что люди этого не понимают и особенно страдают.

Завтракали в кабинете с Яном. Я всегда испытываю счастье, когда он после болезни начинает жить нормальной жизнью. Особенно остро я чувствовала это на Суэцком канале в 1910 году на Рождестве [...]

11 мая.

Из письма Карташева (открытка): «Пасха была радостная. Кедровы вернулись из Америки в вел. Пятницу и украсили нашу заутреню свои пением. Было хорошо, полно, все устроилось густо по-русски: красные свечки, колокола, масса народу. Нет выше нашей богослужебной красоты, особенно, если знать богослужение».

Всегда, при всяком общении с Карташевым я испытываю трудно-передаваемое впечатление чего-то

настоящего, большого. [...] О чем бы он ни говорил, всегда глубоко, интересно и значительно. Всегда самого интересного коснется, самое важное затронет. [...]

21 мая.

«Есть чему улыбаться, если бы ты знала, в каком я напряжении уже 3 дня, и ничего не выходит. Зачем я озаглавил 'Жизнь Арсеньева'!» «Писать трудно, или уже надо было писать автобиографию или совсем другое». «Прав Кульман, когда говорил, что нельзя печатать неоконченную вещь».

Я успокаивала, говорила, чтобы он издал написанное, а там, что Бог даст. Он немного успокоился и просил принести ему снизу оттиски Ж. Ар.» — значит, еще не потерял надежду.

— «И как трудно — уже дошел до живых лиц, многие еще не умерли». Был ласков, нежен, как бывает в редкие минуты. [...]

26 мая.

Письмо от Ек. М. [Лопатиной. — М. Г.]: приезжает сегодня к нам. [...] Ек. Мих. мила. Много говорили о церкви. Д. опять перешел в католичество. В Риме к нему отнеслись милостиво. Теперь он в монастыре и Папа велел быть с ним милостивым, т. к. он «*âme Slave*». А Каллаш про него сказала, что он взял визу «*aller et retour*».

27 мая.

[...] Ездили мы с Яном в Канн. [...] Ян купил белый картузан и синюю полосатую курточку — мой выбор. Все одобрили. Галине купили красные туфельки ночные, а я себе — голубые, Ек. Мих. — зубную щетку, а Ил. Ис. — торт. Словом, это был день подарков. Все были веселы.

28 мая.

[...] Ян восхищаясь Ек. Мих. говорит: Я сказал ей, что когда покупал куртку, посмотрел в зеркало и подумал: «Не хорош стал!» А она напомнила мне: «Помните, мы шли по Арбату и вы говорили — чувствую, мир перевернуть могу, а шея гусиная длинная, и в тяжелых калошах!» «Нет, — прибавил Ян, — я и молодым кое-что понимал».

5 июня.

Ек. М. в восторге от рассказов Галины. Она думает, что из нее получится настоящая писательница. [...]

6 июня.

Проводила m-me Lopatin. [...] В это свидание с Ек. Мих. я много от нее получила. Она рассказала мне все свои главные романы. [...] Ек. Мих. до сих пор молода, чувственно воспринимает жизнь, полна интереса и вкуса к ней. [...]

17 июня.

Опять прогулка наверх, опять лунный пейзаж — слоистая гора, вековой дуб, кипарисы. Ян мечтал жить там.

Разговора не было. Так, перекидывались фразами. [...]

20 июня.

[...] За завтраком мы с Ил. Ис. говорили о Мережк. о том, как с ними трудно работать, что без ссор З. Н. не может. [...] Очень хвалил, даже восхищался Яном, за то, что он тактичен и умен. Не дает в «Посл. Нов.» статьи, которые им печатать невозможно. А З. Н. всегда это делает. [...]

21 июня.

Письмо от М. Ал. [Алданова. — М. Г.]. Он в «еще более мрачном настроении, чем обычно». [...] Мы долго говорили о нем, хвалили за ум, за работоспособность, несмотря на его «поднятый воротник». Я говорила, что его главная мука — это боязнь заболеть психически. [...]

23 июня.

[...] Статья Философова о Степуне. Разнес его в пух и прах, чувствуется тут вмешательство З. Н. Местами Философов остроумен, местами несправедлив. [...]

28 июня.

[...] Илюша вдруг заговорил как-то особенно хорошо: — Когда вам будет очень плохо или тяжело, скорее идите в свою комнату и старайтесь заняться чем-нибудь интересным. И кричать не надо.

— Это верно, но я кричу, когда мне уж побить человека хочется. Конечно, отчасти это от печени.

— А мне иногда на стену лезть хочется или головой о нее биться, а я сдержусь — начну читать что-нибудь интересное и все проходит.

Когда он все это говорил, лицо его было необыкновенно прекрасным — точно пробежали по лицу какие-то неземные тени. Я не удержалась и сказала ему, что я очень благодарна ему за все. Он удивился, встрепенулся. [...]

— Вот все вас добрым называют, но дело тут не в доброте. Вы и строгим и даже суровым быть можете, а главное, в вас высокий строй, что реже и ценней.

Он, кажется, обрадовался этим словам и согласился:

— Вот, дураки, меня не понимают — добрый,

размазня. А у меня, когда я молод и здоров был, энергия с пальцев стекала.

29 июня.

Сейчас прочла в «Пути» — «Мистика Райнера Марии Рильке» и восхитилась Рильке. Я совсем не знала его. [...]

3 июля.

[...] Начала 2-ой том Пруста. Гораздо прозрачнее первого. [...] Не успела ничего сделать по-английски. Скучно как-то без Илюши. У него драгоценная черта — от всего брать *maximum* и всему радоваться. Как жаль, что у него нет детей, он был бы хорошим отцом. [...]

Перед отъездом он внезапно сказал: — А есть у вас образ? — Я показала ему образок Яна, благословение матери. — Хорошо бы повесить его в столовую. А? — Я поняла, ему самому неловко, а хочется, чтобы дом был благословлен.

9 июля.

[...] Ходили с Яном по саду, говорили о том, что он пишет, т. е. об интеллигентных революционерах. — «Это самое трудное, пожалуй, из всего, ведь надо написать целый класс людей, не впасть в шарж».

10 июля.

[...] Была у З. Н. Поняла, почему ей хочется меня, тут все дело в Яне. Она не все понимает, [...] решила сдержаться и передать Яну все в смягченных тонах.

И какое непонимание у З. Н. Яна и всех человеческих чувств, какое неумение смотреть на все со стороны. Что тут удивляться Галине, когда существует Володя? [Злобин. — М. Г.]

22 июля.

[...] Была у Мережковских, взяла следующие тома Пруста. [...] Они все очень огорчены, что не будет войны с Китаем. — «А вот все Илюши, Милюковы за величие России». «Илюша очень хороший, но он не русский, не чувствует России по-нашему, он хороший еврей». «Вишняк не принял статьи Адамовича, где тот доказывает, что искусство не должно быть для искусства». [...]

23 июля.

[...] Горевала, что 7 лет потеряно из-за кухни. Надо нагонять, пока еще есть силы и возможность. [...]

24 июля.

[...] Звонок по телефону. Неклюдов. — Можно ли зайти? — Пожалуйста, очень рада, только я одна дома.

Пришел. [...] Он знал Тютчевых и Анну Федоровну и Китти-красавицу¹⁵. Знал и отца их, рассказал, почему его дипломатическая карьера была окончена. Его назначили в Турин, где в то время был очень скучный двор. Все уехали в отпуск, оставив Тютчева за старшего. Ему стало скучно и он удрал во Флоренцию. [...] выясняется самовольная отлучка Тютчева. Николай I отозвал его и больше не назначал Т[ютчева] за границу. [...]

30 июля.

Письмо [из России. — М. Г.]: «У нас упорно говорят, что Академия Наук рассматривает вопрос об уничтожении буквы М, т. к. в ней миновала всякая надобность за отсутствием мяса, масла, муки, молока и пр. Остался один Микоян, но ради одного слова, не стоит сохранять целую букву». [...]

31 июля.

[...] Ян кончил следующую книгу «Арсеньева». Очень сильно.

Какие-то органнне, надземные в ней есть звуки.

1 августа.

[...] Письмо Яну от И. И. [Фондаминского. — М. Г.]. [...] Предлагает издать «Арсеньева». [...] Просит написать о Чехове. Роман Сирина¹⁶ — «настоящего мастера» — интересен и бездушен. Зайцев уже продал 75 экз. «Анны». [...]

6 августа.

[...] Был Адамович. Он считает Марину Цветаеву умнее Ходасевича, хотя Ходасевич никогда не скажет глупости, тогда как она — сколько угодно. [...]

9 августа.

Приготовили комнату для Капитана. Кончается моя уединенная жизнь в «собственной» комнате. Опять туда и сюда. [...]

10 августа.

[...] После завтрака мы с З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] долго разговаривали: [...] 1) о Прусте она сказала, что он все возится с личностью и это ценно, 2) Об «Я». Я сказала, что с некоторых пор стала чувствовать что все, чем оно было засорено за годы жизни, стало отставать и я стала чувствовать его так, как в 5, 6 лет. Она сказала, что это начало мудрости. 3) О Шестове: «Шестов очень способный, но у него нет Бога. Вот почитайте Шеллинга». [...]

2 сентября.

[...] Ян был в Нище у Зайцевых, я — у З. Н. [...] Ходасевич написал З. Н., что Ян очень доволен его рецензией. Я передала ей письмо Яна, в котором он

благодарит «за поддержку коммерции». Она очень удивилась. [...]

3 сентября.

[...] Вспоминаю, как З. Н. говорила о своих сестрах. Она их действительно любит. Даже лицо у нее делается добрым, просветленным. Ее сестра Татьяна, оказывается, духовный, кроткий человек, настоящая христианка. Она в тюрьме всех мирила, о ней очень жалеют. Арестовали ее из-за провокатора.

Я расспрашивала, похожа ли она на З. Н. — «Нет, совсем, она кроткая. Она художница. А другая сестра — скульпторша». Последнюю З. Н. считает талантливей.

[Возобновляются записи И. А. Бунина. Видимо отрывки переписаны из уничтоженного им дневника:]

11. IX. 29.

Завтрак в Antibes у Сорина — с Глазуновым¹⁷ и его женой, Тэффи и Тикстоном. Глазунов вполне рамоли, тупой, равнодушный, даже сюртук как на покойнике. «Вернетесь в Россию?» — «Да-а... Там у меня много обязанностей... Относятся ко мне чрезвычайно хорошо...» И даже рассказал, как кто-то очень важный снял с себя и возложил на него цепь с красной звездой. Получает 200 р. пособия большевицкого.

[Из дневника Веры Николаевны:]

17 сентября.

[...] Ян читал главу из романа Сирина. [...] Сирин человек культурный и серьезно относящийся к своим писаниям. Я еще не чувствую размера его таланта, но мастерство большое. Он, конечно, читал и Пруста и др. соврем. евр. писателей, я уж не говорю о классиках. [...]

18 сентября.

[...] У З. Н. живая переписка с Ходасевичем, который в последнем письме издевается над Степуном¹⁸.

25 сентября.

[...] Пришел мой «Овсяннико-Куликовский»¹⁹. Галина обрадовалась больше всех. [...]

13 октября.

Одна в Ницце. Странное чувство. Город кажется мертвым (воскресенье). На набережную не выходила, боюсь встретить знакомых. Хочется один день провести в уединении. [...]

Идя на вокзал, я вдруг поняла, что не имею права мешать Яну любить, кого он хочет, раз любовь его имеет источник в Боге. Пусть любит Галину, Капитана, Зурова — только бы от этой любви было ему сладостно на душе.

14 октября.

За Всенощной чувствовала себя такой, как в 8 лет — то же чувство непонятности жизни. [...]

Как-то не так надо жить. Что-то настоящее мы упускаем.

Причастие меня взволновало меньше, чем в прошлый раз, в Великую Субботу. На мгновение почувствовала свою одинокость, ни единой души близкой в церкви. [...]

29 октября.

Были Кульманы. [...] О Шмелеве говорят уже со сдержанным восторгом, о Бальмонте — с умилением. [...] По правде сказать, Кульман гораздо лучше сочетается с Шмелевым, чем с Буниным. [...]

Они очень нормальные люди: наслаждаются жизнью, когда нужно, горюют, когда полагается,

словом, нет неврастения, какая есть в каждом из нас — зачем, к чему? [...]

13 ноября.

У Мережковских «как пышно, как богато». В отличном настроении. Премия Нобеля, данная Томасу Манну, не расстроила. Д. С. развивал мысль, что будет хуже. Деньги истратишь, а уже после этого никто не поможет, а разве это много?

19 ноября.

[...] Ездил с Яном в St. Jacques. Все ищем дом на круглый год. Там хорошо, тихо, совсем деревня, есть поместье, но летом, вероятно, очень жарко.

От Зурова никаких вестей, стало от этого тревожно²⁰.

23 ноября.

Утром шум. Я кончала молитву. Вышла в переднюю: вижу высокий молодой человек с чемоданом и Капитан. Значит, Зуров приехал, как и думали — придет неожиданно. Сразу бросилось в глаза, что на карточке он не похож — узкое лицо, менее красивое, нос длиннее, глаза уже и меньше — но приятные.

Ян уже встал, но еще находился в спальне. [...] читал корректуру «Жизни Арсеньева». [...] Ян вышел на шум, в очках и знакомство состоялось. [...] Зуров вспыхнул, вытянулся по-военному, просто, сдержанно поздоровался. [...]

Зуров привез каравай черного мужицкого хлеба, коробку килек, сала, антоновских яблок, клюквы и нам по маленькой корзиночке, с которыми дети ходят по грибы, по ягоды.

Впечатление приятное, простое, сдержанное. Много рассказывал о Латгалии (части б. Псковской губ.), где он бродил последние годы. Народ наш он знает, любит, но не идеализирует. За обедом пили водку

под кильки. Потом говорили о народе, о литературе. Ян прочел «Я все молчу» и «Темир». [...] Зуров слушал внимательно, местами хорошо улыбался. Вообще улыбка его красит. У него хорошая кожа, густые брови, белые зубы, красивое очертание губ, хотя рот мал.

29 ноября.

Газеты принесли известие о смерти Надежды Ивановны Алексинской. Я весь день вижу ее бодрой, оживленной — то в белом больничном халате, то в изящно-простом платье за обедом в вилла-жюифской столовой. [...] Мне пришлось наблюдать Н. И. в два периода моей жизни и оба раза в госпитале «Вилла Жюиф». [...] трудно было не восхищаться ею. [...]

[Из переписанных Буниным записей:]

?-XI-29.

Солнечный день, на пути в Cannes — обернулись: чисто, близко, четко видные полулежащие горы несканно-прекрасного серого цвета, над ними эмалевое небо с белыми картинными облаками. Совершенно панно.

30-XI-29.

Если бы теплая, большая комната, с топящейся голландской печкой! Даже и этого никогда не будет. И уже прошла жизнь. [...]

[Записи Бунина возобновляются лишь в 1931 году. Из записей Веры Николаевны:]

3 декабря.

[...] З. Н. говорила опять о Савинкове, об его трещине, которая выявилась и в его романах. Вечная мука — можно ли убить? — Вероятно, ни Пилсудский, ни Муссолини об этом не мучались. [...]

9 декабря.

[...] Вечером долго разговаривали с Питомцем [Л. Зуровым. — М. Г.]. Он рассказывал об Острове, об имении дяди, где он проводил лето (в 45 в. от Острова). Он знает помещиков, купцов, крестьян. Ян прочел его «Псковщину» — отдельные заметки, она еще не кончена. Ян сделал несколько замечаний.

12 декабря.

[...] З. Н., видимо, хочет видеть Зурова. [...] вероятно, и любопытно, и уже враждебно настроена. [...] Затем, оказывается, Ходасевич обижен на Яна, что он недоволен его статьей, что он называет его «символистом». Затем еще обижен за то, что Ян пишет о символистах. Затем, оказывается, что Яну платят монархисты. Вот до чего додумываются!

18 декабря.

[...] Гуляли вечером втроем: Ян, Скабарь [Зуров. — М. Г.] и я. Говорили о литературе. У Скабаря хороший вкус — из Тургенева «Первая любовь» и природа. Ян сказал, что хороша «Поездка в Полесье», его думы о жизни. Оценил Скабарь и «Семейное счастье» Толстого, о котором редко кто вспоминает. Ян похвалил его за это.

31 декабря.

[...] Он [Зуров. — М. Г.] всему радуется, на все обращает внимание, и это утомляет Яна. Ян [...] очень не весел. Томит его мысль о Париже. Денег нет, вечер устраивать трудно, а без него не обойдешься. Но я как-то спокойно на все смотрю, полагаюсь на волю Божию. Он же мучается. [...] От этого и в доме тяжелее стало. Яна все стало раздражать, и смех, и лишние разговоры. [...].

1930

[Из рукописного дневника Веры Николаевны:]

1 января.

Францию с Новым Годом! Все-таки встречали его. Ян был очень грустен. Капитан со Скабарем все цапаются. [...]

4 января.

Поехали с Лосем [Зуровым. — М. Г.] на панихиду по Николае Николаевиче. [...] панихида в нижней церкви у надгробия Ник. Ник. Мы прошли совсем вперед. Народу уже было порядочно, в проходе шпалерами стояли, вероятно, военные, в самой церкви у стены — хор, молящиеся — Кутепов¹, Баратов и др. Странно казалось, что панихиду служат в белых и голубых ризах. Перед надгробием Вел. Князя, позади священников, стояла жена и родственники. [...] Я впервые видела жену Ник. Ник. — высокая, седая, в трауре, дама, похожа на сестру, но лицо мягче. После панихиды подходили поклониться могиле. По сравнению с летом стало наряднее: много цветов, всяких лент, зеленое Великокняжеское знамя, на кожаной подушке корона, на стенах — образа, лампы — все, что осталось от Империи, символы ее. Тяжело. [...]

Ходили по молу, рассматривали яхты. Лось превратился весь в зрение, обоняние, слух. Все его интересовало, кроме «дорогой жизни». Он, вероятно, даже отталкивался бы от «роскоши». [...]

6 января.

[..] Скабарь сорвал 3 ветви разных «елок» и стал мастерить «елку». Сделал хорошо. [...] Стали собираться на елку к Кугушевым. [...]

7 января.

Вернулись мы вчера поздно — в 12 ч. 30. Было очень хорошо и приятно. Хозяева отпраздновали Сочельник по всем правилам — и закуски, и индейка, и кутья, и взвар. Было всего много — по-русски. Елочка в углу над образом. [...]

8 января.

Вчера Кап[итан] говорил: если я уеду теперь, то вы подарите мне 100 фр., т. к. если я останусь, то буду стоить вам дороже. Ян возмущается. [...] Я предлагала Яну написать Фондаминским такой проект: мы останемся до 20 февр., а они зато до 1 июня. Ян не согласился. Мне же кажется, это было бы для всех исходом.

12 января.

[...] Ян говорит, что нам жить так с Фондаминскими больше невозможно. Нужно иметь свой угол, а то каково быть при наших средствах между небом и землей целых 3 недели. А мы никогда не были так бедны, как в этом году. Как выкрутимся, просто не знаю.

18 января.

Ездили в Канн, ле Каннэ. Смотрели виллы, комнаты в отелях. Что хорошо, то дорого. [...]

29 января.

С утра ужасное известие: «Кутепов исчез». Все думают — большевики. Все возможно. Утром в 9 ч. пошел в церковь и не дошел, шел по людным улицам. Непростительно, что он ходил один по улицам. Ведь нельзя допустить, что он сам скрылся. Он последний, кажется. Врангель, Ник. Ник., Кутепов. Кто за ним? — Миллер?

Пришло «Утро»². [...] Галина взволнована, расстроена и печальна. [...]

1 февраля.

Ехали, как нельзя лучше — вчетвером в одном купе. Немного спали. Галина и Скабарь на одной подушке, совершенно как младенцы. [...] Ян долго смотрел на них, потом сказал: «Боже, как мне жаль их. Скабарь — сирота. Никого нет. А малый он хороший». Решили, что Скабарь будет жить в нашей столовой. Он очень рад, что ему не нужно жить одному в гостинице. Нервен он очень. [...]

2 февраля.

[...] У Зайцевых боевое настроение. Хотят найти, во что бы то ни стало, Кутепова. Они мне напомнили 1905 или 17-ый год — горят! [...] Слухи: все организовал Игнатьев. [...]

3 февраля.

[...] Завтрак с Фондаминским. Он пополнел, поспежел. Говорил много со Скабарем. Скабарь рассказывал [...] о монастырях, о псковщине. Видимо, он понравился. [...] Потом пришел Алданов. [...] Боится будущего, безденежья. Опять говорил, что нужно будет поступать на службу. [...]

4 февраля.

[...] Со Скабарем прошли пешком от Лувра через С. Жермен, Сорбонну, Люксембургский сад к С. Сюльпис. Заходили в церковь St. Germain. [...] Скабарь оживает при виде старины. [...] Зашли к Фондаминским. [...] к Куприну. [...]

14 февраля.

[...] Завтракал Мочульский³. Он нравится — живой человек, умный, за всем следящий. [...]

9 марта.

Ян со Скабарем у Шмелева. [...]

11 марта.

[...] Ян завтракал у Алданова. Были: Гучков, Макалов, Мельгунов, Демидов, Вишняк, Ян. Гучков зло и раздраженно говорил о Николае II. Керенский⁴ Яну понравился: «Хорошо поставлен голос. Держал себя приятно». [...]

16 марта.

[...] Мы с Яном зашли к Мережковским и спросили, можно ли Зурову придти на их «воскресенье». З. Н. милостиво разрешила: «Я прочла сегодня его в П[оследних] Н[овостях]. Он талантлив, но слишком все описывает, всякую мелочь, слишком его глаза насыщены. Нужно, чтобы он проявлял больше себя». — «Себя проявлять можно с 40 лет», — смеясь сказал Ян, «а пока пусть пишет, что видит, что хочется».

Потом за чайным столом З. Н. сама сказала Скабарю: «Я прочла Ваш фельетон и вот что скажу. [...] Одним глазом нужно смотреть на мир, а другим — в себя». [...]

5 апреля.

[...] Хочу записать о юбилее Ходасевича. [...] Юбиляр явился поздно, когда все были в сборе. Как всегда, изящен, немного насмешлив и, как редко, доволен. Апплодисменты. Грациозный поклон. Рукопожатие. Наконец, расселись. Стол с букетом цветов, с массой закусок. Я сажу чуть наискось от юбиляра и Яна, против М. С. [Цетлиной. — М. Г.], рядом с которой Ян. По правую руку Мережковский, по левую Пэти. [...]

13 апреля.

Вечер Яна.

8 мая.

[...] Сегодня писательский обед. Мы с Галей идем в театр. Первый раз за все время во франц. комедии. [...] Из театра заглянули в «Ротонду», там Ходасевич, Цетлин, Алданов и Ян. Обедом довольны, хотя Ходасевич и ворчал, что дорого.

9 мая.

[...] Обед у Рахманиновых. [...] С. В. очень любезен. М-те и дочери остриглись. Таня [впосл. Конюс. — М. Г.] очень похорошела. Видела впервые Глазунова. Какой-то отрешенный человек с остановившимся взглядом. Рахманинов жаловался, что в музыке царит модерн.

12 мая.

[...] Ян рвется из Парижа. [...] Был Капитан, ждал, вероятно, что Ян пригласит на Бельведер, но Ян ничего не сказал. [...] Ян кончил уборку в 1 ночи. Спали мало.

Ехали сносно, несмотря на грязь и плохие вагоны. [...] Леня вагоном-рестораном восхитился меньше, чем Галя когда-то. Ему вообще более близко то, что дальше от культуры. [...] Я испытываю к нему нежность за его чистоту, за какую-то девственность натуры, за талантливость, за то, что все чувства у него настоящие, не изломанные, за то, что он умеет страдать, сильно чувствовать, даже за негибкость, на которую нападает Ян.

В Марселе [...] я ночевала с Галей. Много говорили, как ей быть, чтобы больше получить свободы.

13 мая.

Приехали на Бельведер. [...] И. Ис. [Фондаминского. — М. Г.] дома не было. [...] Во всех комнатах цветы. Чувство дома и успокоения. [...]

14 мая.

Пришли деньги из Америки. Ян успокоился. [...]

16 мая.

[...] Статья Савельева о «Жизни Арсеньева» в «Руле». Хорошая, лучше, чем М. Ал. [Алданова. — М. Г.]. Он глубже взял и оригинальнее понял это произведение. [...]

Настроение Яна поправляется, он прямо стал другим человеком, чем был в Париже. Бог даст, скоро начнет писать. [...]

17 мая.

[...] За обедом разговор о смерти. Ян возмущается обрядами. — «Умер человек и как можно быстрее его увезти. Я хотел бы, чтобы меня завернули в холст и отправили в Египет, а там положили бы в нишу на лавку и я высох бы. А в землю — это ужасно. Грязь, черви, ветер завывает». Говорил он об этом с изумительным спокойствием. Говорил, что не может видеть крепя. [...]

18 мая.

[...] У Ил. Ис. болит зуб, но он старается не показывать виду... А все же в этом году он не такой, каким был в прошлом. [...] По-видимому, ему нравится Скабарь, во всяком случае, он пока ему интересен. И только с ним он говорит охотно. [...] Он сказал: «Мне он нравится. По-моему, он умный, наблюдательный, чистый». [...]

28 мая.

Неожиданно съездила на машине в Клозон. Ол. Л. [Еремеева. — М. Г.] в чистом белом фартуке, дети на вид здоровы. Очень мила одна девочка француженка. [...] Ол. Л. гордо сказала: «трудных детей для

меня не бывает». Почти все родились в эмиграции, и у всех прекрасный московский выговор. [...]

30 мая.

[...] Осоргин написал статью 'о Куприне, пишет, что это самый человечный писатель. — В «Возрождении» интересная статья Ходасевича о книге Белого «На рубеже двух столетий». [...]

31 мая.

Были Кугушевы с m-те Лапинской. Я все время занимала последнюю. Говорили, конечно, о Телешовых, об Елене Андреевне. Обе мы восхищались ее внешностью, душой. Она всегда была интересна, умна, остроумна. Но в любви несчастлива. Она любила некоего Глинкэ, красивого человека, но ей показалось, что он женится из-за денег, и она отказалась. Был в нее влюблен Гусев, студент — но тоже не вышло. В брак с Телешовым она вступила не по любви. Лапинская считает это большим мезальянсом. Я доказывала, что Ел. Ал. была счастлива. Н. Дм. очень порядочный человек с хорошей душой, любил ее дружески, был семьянином, умел вокруг себя создать кружок писателей, умел возбуждать к себе любовь. [...]

11 июня.

[...] Ян вчера говорил: «Как я устал, как изменился. Мне все хочется молчать». [...] Долго говорили о Лосе. Он почему-то к нему очень строг, даже как к писателю. И мне все чудится, что это он нарочно, чтобы мы не портили его, «а то и так у него слишком много самомнения».

14 июня.

[...] Спор за обедом о том, что писать молодым писателям. [...] Гале и Лене кажется, что без России пропасть, мы же доказывали, что именно писателю

хорошо, только нужно осознать трагичность положения.

— Все равно, высоту или падение, — говорил Ян.
— Все зависит от таланта, от серьезности.

И. И. говорил, что для писателя главное расти духовно. — «Нужно самому решить, что делать, и тогда все будет. Я в 25 лет Россию переворачивал и не ждал никаких вождей». [...]

16 июня.

Во время обеда пришла А. Ос. [Фондаминская. — М. Г.], принесла сыру и черного хлеба. У нас, к счастью, были пирожки без мяса и я могла ее угостить. Потом сидели в саду. Говорили об их осеннем путешествии со Степунами в Печеры, а затем по Латвии. В Печерах они хотят пробыть недели 3. Потом говорили об издании книг. [...] Скабарь советовал издавать книги в Риге, бумага гораздо дешевле, как и труд. [...]

17 июня.

Писала, дошла до квартиры близ Собачьей площадки⁵. [...]

20 июня.

[...] Разбирала письма. Попалось [письмо. — М. Г.] Катаева с белого фронта.

[Это письмо сохранилось в архиве. Написано оно химическим карандашом, без Ъ, но с Ъ и і. Привожу текст:]

15 окт. [год написан неразборчиво. — М. Г.], ст. Вапнярка.

Дорогой учитель Иван Алексеевич,
Вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде «Новороссии». Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом. Но Бог пока

нас хранит. Я на командной должности — оружейный начальник и команду башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не гожусь для войны — не оправдались. Работаю от всего сердца. Верьте мне. Пока мы захватили 5 станций. Это значительный успех. Часто думаю о Вас. Несколько раз читал Ваши стихи в «Южном Слове». Они прекрасны. С каждым новым Вашим стихотворением я утверждаюсь во мнении, что Вы настоящий [у Катаева «настоящей». — М. Г.] и очень большой поэт. Завтра напишу Вам большое письмо с приложением своих стихов, которые прошу пристроить в Одессе куда-нибудь, напр. в «Россию». Привет Вере Николаевне. Ваш Валентин Катаев⁶.

24 июня.

[...] С М. Ал. [Алдановым. — М. Г.] провела часа два à deux. Он обрадовался мне. Гостиницей доволен. Рассказывал о нашем кружке. У Аминадо, бедного, отец умирает. К Зайцевым приехала сестра Бори. Она хочет постричься в монастырь. Верочка летом хочет тоже жить при обители, сначала и Борис думал там провести «каникулы», но испугался плохого стола. От жизни в Пюжере он в восторге, много наработал. Ходосевичи нашли себе место недалеко от Парижа, куда скрываются время от времени. Мережковские только на этих днях приезжают в Ле Каннэ. [...]

М. Ал. хочет попробовать жить здесь, посмотреть, можно ли будет, или приезжать с Таней [Т. М. — жена Алданова. — М. Г.] сюда на несколько месяцев. Бойтся, что Тане будет скучно. Я уговариваю — если есть знание языков и умение играть в бридж — везде и всегда желанный член общества.

25 июня.

Вчерашний обед прошел «на ять»... М. Ал. рассказывал о примирении (у Цетлиных) Мережковских с Вишняком и Ходасевичами. [...] Алданов рад. [...] Говорили долго о Мережковских. И. И. [Фондаминский. — М. Г.] думает, что на З. Н. находит минутами злоба и она начинает кого-нибудь костить. [...] Ян был в ударе, хорошо говорил о Мережковском, что когда ему не нужно чего-нибудь добиваться, бывает умен, блестящ, но затем может нести околесину. И. И. говорил, что хотел бы устроить «Лигу благоприятного отношения среди писателей». [...]

28 июня.

Скабарь так и сияет: вернулись с острова, где провели целый день, и мы — Галя, он и я — купались. [...] Как мне жаль его, не может и 300 фр. получить в месяц с «П. Н.», а работает по целым дням. [...]

29 июня.

[...] Обед у нас прошел весело. Ян читал выписки из дневника Блока. [...] В связи с этим М. Ал. поднял вопрос, может ли большой поэт быть глупым человеком. Ян думает, что нет, что настоящий поэт должен быть умен.

— А, может быть, в поэзии главным образом химия слов? Ведь музыканты бывают глупы, да и ученых я много знал глупых, — сказал М. Ал.

— Ну, музыкантов я мало знаю, — сказал Ян, — а у ученых, может быть, развита лишь одна часть мозга, а потому они кажутся в жизни глупыми. Но поэт должен осознавать мир, вспомним Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета. [...]

1 июля.

[...] К пяти к Фондаминским. [...] Занимала всех Лопатэн [Лопатина. — М. Г.]. Много рассказывала

о Толстых. Алданов все расспрашивал. Возникали и споры, т. к. Ек. М. не любит Толстых и относится даже к Л. Н. пристрастно, а Ян как раз очень страстен. [...]

3 июля.

Весь день читала «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Вот, что все время было нужно. [...]

9 июля.

Начала читать Huxley. Кажется, прав М. Ал. — писатель очень интересный. [...]

Обедали у нас Фондаминские. [...] Прощаться было грустно, как всегда, когда кончается один период жизни. [...]

16 июля.

[...] Опять читала К. Леонтьева и опять восхищалась оригинальностью его личности, умом, тягой к красоте и смелостью суждений, мысли. [...]

18 июля.

Только что вернулись от Кугушевых. [...] Сидели в доме с закрытыми ставнями, т. к. дул сильнейший мистраль. М. А. рассказывала свою жизнь. Ее первый муж был душевно-больной и десять лет она оставалась соломенной вдовой. Плевако подавал ее прошение о разводе царю. Ал. III отказал. [...]

20 июля.

Вчера мы с Леней отлично провели день. Были утром в Juan les Pins. Алданов в воде очень жив и весел. [...] решили дойти до Канн водой. [...]. [...] Леня весь так и сиял. Он в море, как дома — ловил морские звезды, искал ежей и вдруг, увидав спрута, кинулся за ним и ловко схватил. [...]

Под платанами увидели Мережковских. [...] с ними был молодой человек. Оказалось, сын Шаляпина Федя. [...] Они [Мережковские. — М. Г.] с Шаляпиным мастерят фильму. [...]

23 июля.

[...] Ян рассказывал о разговоре с М. Ал. [Алдановым. — М. Г.], который спрашивал Яна, чем он утешается — [неразб. написанное слово. — М. Г.] верой в Бога и, вероятно, сильной любовью к жизни. — Да, это самое мудрое, что можно ответить, — согласился М. Ал. — Вы вообще самый мудрый человек, какого я только знаю! Я засмеялась. Ян и мудрость. Впрочем, он не мудр с житейской точки зрения, а с высшей — он, конечно, мудр. [...]

29 июля.

Мы все поехали в Канн, думали проехать в Траяс, но пришлось бы ждать поезда целый час. Решили отправиться на остров Св. Маргариты. Там, действительно, хорошо. Цикады, густой запах пиний, безлюдность, глушь, море. Купались. [...] Весело не было. Ян был подавлен и его настроение передавалось всем. Что с ним? Я никогда не видала его таким подавленным. Не пишет, плохо спит, из-за пустяков сердится. Боже, как хотелось бы хоть одно лето провести легко и весело. [...]

Ян бранил Галю за то, что она не работает — «Почему-то хотят все, что пишут, печатать. А нужно писать всегда. Ведь, если начнешь ничего не делать, в кафе ходить, то так и тянет. А писать, работать — нужно втянуться» [...]

31 июля.

[...] Ян в лучшем настроении. Во время прогулки он вел с нами разговор на литературные темы. Он только обескураживает Лося насчет исторических ро-

манов, — до чего это бунинская черта, кто близко — тот ничего не может делать. [...] А на Леню это подействовало. А на самого Яна как действовали братья уверяя, что он ничего не знает и ни о чем писать не может. А между тем, Юлий Ал. считал его очень талантливый.

2 августа.

Сорин был недолго, т. к. он ежедневно ездит в два часа на этюды. [...] Он рассказывал, что когда жил в Арзамасе, Горький говорил ему: «Вот поезжайте с Катей в Нижний и купите ей шелку на платье, такого, чтобы шуршал, люблю шуршащие юбки».

Галя верно заметила, что Сорин причесывается под Гоголя. [...]

А дома нас ждали гости — Рахманиновы, приехавшие на неделю сюда в своей машине. Он был в отличном сером костюме и новой шляпе. [...] У нее синематографический аппарат, — снимала. [...]

В Рахманинове чувствуется порода и та простота, что была присуща нашим барам. [...] Говорили о черепах: длинноголовые — это высшая раса, большинство военачальников, царей, Петр Вел., Романовы до Александра III и Николая II. [...]

Опять Рахманинов говорил, чтобы Ян писал о Чехове. Возмущался Цетлиным: «Теперь модно поругивать Чехова».

3 августа.

Только что вернулись из Канн. Давно не проводили мы лунного вечера на берегу моря. Ян сказал: «Мы ужинали, как босяки, под лодкой». [...] Я долго разговаривала с М. Ал. [...] Говорили о Дурново, кот. за полгода до войны подал государю записку, где предсказал все, что случилось. [...] Подъехали Рахманиновы, он, как всегда, прост, мил и благостен. [...] С. В. много говорил о Шаляпине. У него голоса нет, успех

падает, он и сам понимает, что пора на покой, да М. В. не дает разрешения. Рассказывал, как Шаляпин роли придумывал. Нужно играть Олоферна — он об Олоферне ничего не знает — ему Савва Мамонтов говорит: нужно, точно с фрески сошел. Шаляпин ухватил и стал вести роль с угловатыми движениями. Газеты упомянули о фресках, а вскоре и он сам стал везде рассказывать, что Олоферна он придумал изображать, «как фреску». Нужно ему было готовить речь Сальери, а он и понятия не имеет, что за человек, какой грим. Врубель на листе почтовой бумаги нарисовал Сальери, и Шаляпин так и стал гримироваться. Гримировался он изумительно, по пути к Грозному он был Листом. Как это он делал, не объяснил. Много с ним возился Ключевский. Заставить его читать бывало трудно. Так Чехова и не прочел!

— А гармонию он знал? — спросил М. Ал.

— Какое там гармонию! Он и из оперы-то знает всегда только свою партию. [...]

Таня сказала мне, что Шаляпин трудный человек, более трудного, даже тяжелого, она не знает. [...]

5 августа.

[...] Попробую записать то, что слышала сегодня у Алданова за завтраком. [...]

Рахманинов рассказывал о Толстом, который жестоко обошелся с ним. «Это тяжелое воспоминание. Было это в 1900 году. В Петербурге года 3 перед тем исполнялась моя симфония, которая провалилась. Я потерял в себя веру, не работал, много пил. Вот, общие знакомые рассказали Толстому о моем положении и просили ободрить меня. Был вечер, мы приехали с Шаляпиным, — тогда я всегда ему аккомпанировал. Забыл, что он пел первое, вторая вещь была Грига, а третья — моя, на скверные слова Апухтина «Судьба», написанные под впечатлением 5 Бетховенской симфонии, что и могло соблазнить музыканта. Шаляпин

пел тогда изумительно, 15 человек присутствующих захлопали. Я сразу заметил, что Толстой нахмурился и, глядя на него, и другие затихли. Я, конечно, понял, что ему не понравилось и стал от него убегать, надеясь уклониться от разговора. Но он меня словил, и стал бранить, сказал, что не понравилось, прескверные слова. Стал упрекать за повторяющийся лейт-мотив. Я сказал, что это мотив Бетховена. Он обрушился на Бетховена. А Софья Андреевна, видя, что он горячо о чем-то говорит, все сзади подходила и говорила: «Л. Н. вредно волноваться, не спорьте с ним». А какой спор, когда он ругается! Потом, в конце вечера, он подошел ко мне и сказал: «Вы не обижайтесь на меня. Я старик, а вы — молодой человек». Тут я ответил ему даже грубо: «Что ж обижаться мне, если Вы и Бетховена не признаете». — Он мне сказал, что работает ежедневно от 7 до 12 ч. дня. «Иначе нельзя. Да и не думайте, что мне всегда это приятно, иногда очень не нравится, и трудно писать». Я, конечно, больше ни разу не был у него, хотя С. А. и звала. Темирязев тоже говорил, что он спорил с ним по физиологии растений, хотя в этом ничего не понимал. Вообще, когда он говорил, то никого не слушал». [...]

Ян старался оправдать Л. Н. Сергей Вас. до сих пор задет.

6 августа.

Продолжаю запись вчерашнюю: Рахманинов передавал слова Толстого о толстовцах: «Это все равно, что ключи в кольце, они кажутся надетыми, а приглядишься, видишь, что им еще один оборот сделать надо, чтобы быть, где я». — Я так больше и не был у Толстого, а теперь побежал бы. Очень он меня тогда огорчил. А утешил Чехов, сказав, что, может быть, просто у Толстого в этот день было несварение желудка, вот он и кинулся.

Вишневский рассказывал, что после первого представления «Дяди Вани» все поехали к Чехову. В театре был Толстой. Вдруг во время ужина, входит Толстой и, здороваясь с ним, говорит: «А зачем вы за чужой женой ухаживаете? Нехорошо!» — Ян замечает, что Вишневский не прочь прилгать.

Шаляпин, когда ехал к Толстому, очень волновался, хотя почти ничего не читал. — Мы приехали вместе, — рассказывает Рахманинов, — Л. Н. сидит на площадке лестницы, а Шаляпин, расставив руки, неожиданно говорит: «Христос Воскресе!» — Толстой приподнимается и холодно, со словами «Мое почтение» пожимает ему руку.

М. Ал. [Алданов. — М. Г.] передавал, что Шаляпин очень высокого мнения о Рахманинове. Рахманинов имел, конечно, большое влияние на Шаляпина, прежде всего своей необыкновенно большой музыкальной культурой и общим развитием.

Говорит Рахманинов очень тихо, глухо. Слушать приходится с большим напряжением. [...]

7 августа.

Вчера все утро ушло на Сорина. Приезжал смотреть, где писать Галю. [...]

Мы все восхищались М. А. [Алдановым. — М. Г.], что он не боится расспрашивать о том, что нужно ему для романа. На обеде у Сорина он расспрашивал его об освещении, какое могло быть в Юсуповском дворце в марте около шести вечера, о дворце, подробностях его украшений. — Он признавался опять, что самое для него трудное — описывать, а разговоры — очень легко. [...]

8 августа.

[...] Вчера он [Алданов. — М. Г.] вспоминал свою эвакуацию, Толстых [А. Н. Толстого. — М. Г.] [...] Вот однажды Толстой говорит: — Давай издавать

журнал! — Как? Да кто покупать будет? Откуда деньги? — Достанем. Редакторами будем мы, пригласим Чайковского, Львова. [...] И представьте, так и вышло. [...] С первого номера начались «хождения по мукам». [...] Там в редакции мы с вами в первый раз встретились после Одессы, Иван Алексеевич. Вы приехали с Толстым, мы все встали. Ведь вам тоже предлагали быть редактором, но вы отказались. Почему? — Да так, видел, что ничего сделать нового не могу, вот и отказался. — А знаете, Толстой всегда о вас хорошо говорил, он ценил вас. [...]

11 августа.

[...] Была у Мережковских. Фильма подвигается. [...] Они составляют фильму по Пушкину, либретто по А. К. Толстому, перечитывают романы, исторические документы. [...] — Я придумал встречу Бориса с Самозванцем, это для кинематографа очень эффектно. — А разве это было? — спросила я. — Конечно, нет, но можно придумать, что Дмитрия взяли в плен и тогда они виделись с Борисом. — А как же он спасся? — Бежал. [...]

16 августа.

[...] Сорин сказал, что он последний ученик Репина. Вообще, он рассказывает о себе много и все время втолковывает, что он знаменит и замечательный человек. [...]

Вспоминаю, как Стеллецкий рассказывал, что Дягилев предлагал ему писать декорации и костюмы для балета из жизни Христа. Он отказался, сказав: во-первых, я дворянин, во-вторых, я русский дворянин, а в-третьих, я православный русский дворянин. Вы на смертном одре вспомните мои слова. — Стеллецкий рекомендовал Гончарову и она даже набросала эскиз иконостаса, при чем перепутала места Богоматери и Спасителя. Должны были танцевать без музыки, на

двойном полу, чтобы отдавались звуки ног. Для антрактов Стравинский должен был написать хоралы.

17 августа.

Были у Неклюдовых на goûter, слушали рассказы из дипломатической жизни и из беженской, о ростовщиках из аристократии. [...]

Обедали à deux с Яном. Было странно и приятно. [...]

22 августа.

Виделись с Поляковым-Литовцевым. Он произвел странное впечатление, точно его лихорадило. Он много говорил, обрушился на Алданова, что у него меньше творчества, чем у Брешко-Брешковского, что он блестящ, умен, как эссеист. [...] Когда же он пишет роман, он делает ошибки. [...] — «Нет, — я говорю ему, — вы еврей и никогда настоящим русским писателем не будете. Вы должны оставаться евреем и внести свою остроту, ум в русскую литературу». [...]

25 августа.

[...] Я немного писала о «Старом Пимене». Очень трудно. Я никогда еще так не мучилась, как теперь. Хочется показать два мира, два века, которые не в состоянии понять друг друга. Это не Тургеневские «Отцы и дети», там разговаривали, спорили, волновались, ссорились, а тут почти всегда молчание. Кончилось все бегством Оли и 18 лет не видались. Такое непонимание! Жутко и символично. [...]

2 сентября.

Завтракал у нас Мочульский. Как всегда, я испытывала удивление от его веселой жизнерадостности. [...] Много рассказывал интересного о немцах. [...] У него гостили 2 немца, принадлежавшие к очень теперь распространенному типу «интернационального сноба».

Они против войны, один был только семестр в университете, т. к. не мог быть в среде патриотов. Все подобные этим немцам молодые люди увлекаются Жидом и Прустом, особенно большое влияние имеет на них Андрэ Жид, как-то они даже подражают ему в жизни. [...] К женщинам, к чувствам — самое циничское отношение. [...]

Потом Ян рассказывал, как Володя [Злобин. — М. Г.] говорил, что по Мережковскому Атлантида погибла от черной магии и «Содома». Мочульский очень смеялся. [...]

24 сентября.

Письмо Яну от Гиппиус — просит присоединить его подпись к письму Беличу, чтобы выдавали пособие хотя бы в 200 фр. в месяц Плещееву, который ослеп. Вот действительно несчастье! Кроме того, она хвалит короткие рассказы Яна. Сетует, что он их бойкотирует и сообщает, что у них котенок. [...]

[К этому периоду относится единственная запись Бунина за этот год:]

16-X-30.

Вышел вечером из дому — звезды. Какие? Белосиние?

Ночью через Монфлери. Осенняя свежесть, звезды белеют сквозь деревья.

20 октября.

[...] Ян долго спал, т. к. ночью просыпался и первый раз кофе пил в 6 ч. утра. Потом он целый день убирался, наводил порядок и перед своим днем рождения и перед, дай Бог, Арсеньевым. Понемногу начинается зимний сезон. [...]

2 ноября.

Еще один юбилей справили — Лоло. Было приятно, вкусно, но очень грустно. Это уже полу-похороны. Он почти ничего не пил, мало ел. [...] телеграммы, адреса. И все это как будто ему нужно, а ведь он должен знать всю сущность этих поздравлений, а все-таки радуется. [...]

Утром с Лене́й были у Герцена, положили цветов к его подножью [...] каким он был русским интеллигентом и кто скажет, что он полу-немец и полжизни прожил на западе. [...]

9 ноября.

Вчера были у Кугушевых. Видели новых их соседей, которые совершенно живут по-американски: сняли хуторок и все делают сами. Чистота, порядок. 60 кур. [...] По рождению они сибиряки, по фамилии Самойловы. [...]

Читаю Ундсет. [...] все же Нобелевская премия слишком большая награда.

Читала Эклезиаст. Что за прелесть! Как вообще неровна Библия — от высшей поэзии до скучнейшей прозы. [...]

11 ноября.

Начала читать «Бесы». Первая глава удивительно хороша. [...]

15 ноября.

Вчера были у Мережковских. Д. С. в необыкновенно хорошем настроении — как у него [?] всегда хорошо сказывается материальное благополучие. Он становится добр, остроумен, блестящ.

«Совр. Зап.» не взяли воспоминаний о брате Ек. М.⁷ [...] Говорили о Сирине. Д. С. сказал: «Боюсь, что все это мимикрия». [...] «Нужен только тот писатель, который вносит что-то новое, хоть маленькое. А даже

Флобер мне не нужен, — ну, великолепная фраза, а дальше что? Вот Стендаль — другое дело, его отношение к Наполеону». «Меня занимают только скучные книги, только они и интересны. Вот «Капитанская дочка» — ее съешь как конфетку, а Маркса или Канта — их читать все равно, что нож во внутренности вводить и там поворачивать. Но такие-то книги и нужны, они-то и делают эпохи. Это я так говорю, что моя 'Атлантида' скучна». Он советовал прочесть из нее конец и начало — середина скучна. [...]

23 ноября.

[...] Опять разговор о Фондаминском. Дм. С. хорошо сказал: «Вишняк лучше, там все ясно, а Илюша это хорошо нарисованная дверь в стене, хочешь войти, а не можешь. У Вишняка же есть где-нибудь вход и кто ему по сердцу, тот входит свободно». [...]

Я сказала Дм. С., что мне нравится «Атлантида», что читаю ее с удовольствием, порой трудно оторваться. Он ответил, что она дает ключ к пониманию христианства, беспорочного зачатия, догмата Троицы. И стал объяснять, но я не слышала, т. к. З. Н. начала со мной разговор о нашем завтраке у них. [...]

18 декабря.

Возвратили «Старый Пимен». Милукоков написал, что двойной фельетон для Иловайского давать нельзя. Значит, в «П. Н.» можно вспоминать лишь о левых. [...]

25 декабря.

[...] Я в этом году прямо нищая, а у Яна тоже брать нельзя, все идет на первые потребности. Молодежь никогда так мало не зарабатывала.

Все время во мне живет непроходимая тоска. Огорчает, что ничего нельзя послать в Ефремов. И ничего

не знаем мы про них. Как все Бунины рассеялись: Ефремов, Ростов, Орел, Воронеж, Москва, Грасс.

26 декабря.

Из письма Троцкого⁸ Полякову⁹: «...Фридрих Беек дал мне свою карточку к проф. Лундского университета Зигурду Аграллю, дабы я с ним познакомился и побудил снова выставить кандидатуру И. А. Бунина¹⁰. Конечно, я это сделаю. [...] Посещу также Копенгагенского проф. Антона Калгрена, с которым намерен побеседовать относительно кандидатуры Бунина и Мережковского. Все это, как видишь, чрезвычайно серьезно. Друзья Бунина должны взяться за дело!»

30 декабря.

Получена книга от Thomas'a Mann'a со следующей надписью: «An Ivan Bunin, zum Dank für 'La Giovenezza di Arseniev' in herzlicher Bewunderung. München, Weihnacht 1930. Thomas Mann». [...]

31 декабря.

[...] Дождь ужасный. Как приедут Зайцевы?¹¹ И звонок от них, решили, что приедут завтра.

Купили фиников, изюму, малаги, печенья, бананов и мандаринов и бутылку вина. [...] Все это поделили по-братски, съели и выпили, вернувшись с прогулки. [...] Все уже спят.

1931

1 января 1931 г.

Одиннадцатый раз встречаем Новый Год во Франции, третий, нет, даже четвертый — в Грассе. И тринадцатый раз не в Москве.

Завтракали у нас Зайцевы. [...] Говорили насчет И. А. Ильина. Он имеет большое значение в Герма-

нии. [...] Шла речь о Гиппиус и Тэффи. Зайцев считает, что Тэффи — падший ангел, а Гиппиус просто зла, что у Мережковских любовь к интригам просто из любви к искусству. Мы говорили, что Мережковский умен, но нарочно притворяется юродивым, т. к. этим ему легче выделиться. Он неискренен, когда ругает Толстого, делает это для того, чтобы уничтожить в литературе то, что ему самому недоступно. А Достоевский — источник для него самого. З. Н. же не понимает истинной красоты Толстого, ее ум абстрактнее и ей Достоевский должен быть ближе.

— Недаром, — сказал Ян, — Карташев говорил, что именно в ней есть ведьминство: «Мне всегда вспоминается наша семинария, в стенах которой идут трупы. И вот иногда туда проваливалась галка и там трепыхалась. Вот так и душа З. Н.». [...]

Говорили о Фондаминском, с которым Зайцев подружился за поездку в Болгарию. Он думает, что в конечном итоге он слабый, несмотря на мудрость, на самопожертвование, на энергию. [...]

4 января.

[...] И. И. (Фондаминский. — М. Г.) рассказывал. Мы слушали.

О политике: Германия — сумасшедший дом. Все взоры обращены на большевиков. Ждут войны: большевики должны стереть Польшу и соединиться с Германией. Франция не вступится. [...] Весь вопрос теперь, решатся ли рискнуть большевики или нет. Надежда, что не решатся. Керенский хочет войны, а И. И. боится. [...]

О Сирине: «Очень приятный и жена его еврейка, образованная, знает языки, очень мила. [...] На отца не похож. [...] И. Ал. обожает. Показывал бабочек. Влюблен в них». [...]

10 января.

[...] Ян решил, что нужно расходиться по комнатам в 10 ч. вечера, чтобы вставать, пораньше. Правда, вечера длинные, ведь мы кончаем обедать уже в 7 ч. [...]

Яна огорчило прекращение субсидии от чехов. [...]

12 февраля.

Записываю мало. [...] я очень утомилась. [...]

3 марта.

[...] Третьего дня ходили в долину, прошли в St. Jean. Нарвали диких гиацинтов. Вспомнила маму, как она любила их. А у Яна эти цветы связаны с Телешовым. У них они бывали с Рождества. Видели дом Уэльса. Ничего живет! Провансальский стиль. Безвкусия нет. Виден он и из парка, с площадки. Три писателя здесь — английский, французский и русский. [...] и чем писатель хуже, тем богаче живет, комфортабельнее. [...]

5 марта.

Набросала конспект своей жизни. [...] Третьего дня мы прошли с Лосем почти 30 клм. [...]

Получила за «Пимена» 120 фр. Отложила 50 на лето.

7 марта.

[...] Степуны приезжают самое позднее 11 марта. Мы все рады. [...]

Оказывается, Тикстон заболел в Копенгагене — удар. Дали знать. Кому ехать — жене или Тэффи? Решили, что Тэффи и сыну. [...]

8 марта.

[...] Ян за обедом говорил о Рильке, о том, что тот не боялся подражать, хотел найти Учителя. По-

том, вечером, он читал из его переписки с Родэном о том, что главное счастье — работа, терпение и концентрация, а главное, чего нужно беречься, — спешка. Какая во всем тонкость! Замечательное явление этот Рильке. [...]

Г. Иванов прислал свои «Розы». Кажется, Гиппиус с Мережковским преувеличивают в нем поэта. [...]

Оказывается, Ян уже не может переносить «Митину любовь». Так и сказал: «Видеть ее не могу».

Начала читать «Письма Достоевского». Много приоткрывается. [...]

11 марта.

[...] После обеда пришли И. И. [Фондаминский. — М. Г.] со Степуном. И Степун всех оживил. Был блестящ, сыпал парадоксами, суждениями, коснулся многих вопросов, сделал несколько характеристик, довольно беспощадных. Но его добродушие, какое-то благоволение сдабривают все, и эта беспощадность не кажется злой, не отдает завистью, злобностью, а дышит весельем.

Ильин, Ив. А., издал стопроцентную книгу против большевиков, а нужно было бы вскрыть и объяснить, а то получилась глупость. Сотрудники у него посредственные, о большевицкой литературе пишет Кульман. [...]

Спор с Яном о Бердяеве, которого Степун ставит высоко, хотя и говорит, что он «кружится, но не достаточно быстро для дервиша».

О Достоевском: — У него точно экзема на языке. — У него большая ноздря и он нюхает канализацию человечества. — У него сильно развито нравственное чувство, мучается, сколько ему поставить в Москве, на празднествах Пушкина, за масло и колбасу. Я, например, не мучался, а просто поставил в счет

свои расходы и расходы Наташи в гостиницах, когда читал теперь лекции о театре. [...]

Он вскакивал, пересаживался, ходил — все это как-то необыкновенно легко, свободно, весело. Говорит, что не чувствует себя настоящим образом образованным, что его интересует теперь политич. эк., что без нее нельзя понять мира, что он в день читает 5 газет, что знакомства отнимают у него много времени, но это необходимо и интересно.

— Германия живет интенсивно. Она сумасшедшая. [...]

Да, еще об Ильине — У него ум только в бельэтаже, ни подсознательного ума, ни надсознательного нет. Он теперь и русскую революцию по Фрейду рассматривает.

— Достоевский самый умный русский писатель. Если отнять талант у Пушкина, неизвестно, что останется, а если отнять талант у Достоевского — то останется ум.

Ян оспаривал — ум всегда талантлив. [...]

12 марта.

Вчера мы были приглашены к Фондаминским. [...] Степун занимал всех. Он много говорил о Рильке, которого очень ценит, как поэта и философа.

20 марта.

[...] Брежневы на-днях привезли свою невестку (вдову их несчастного сына), вышедшую замуж за голландца. [...] они из «Ленинграда», были у «Алексея Максимовича». Он голландец, что-то строит, восторженно говорил о правителях России. Пел настоящий гимн. Вращаются они в литературных кругах — Толстых, Замятина и еще кого-то.

Толстые живут богато — собственная дача. Наташа вся в детях. Фефа — комсомолец. Ника — «очень

милый мальчик». Митя чуть не гениальный ребенок, пишет.

Думают, что здесь к ним относятся с ненавистью. Очень удивились, что Ян сказал, что больше с жалостью и непониманием. «А там вас жалеют», сказала Гуля. [...]

Она, правда, сказала: «Мы там живем, ни о чем не думаем, а тут нас засыпают вопросами». Это правда, думать там страшно, вот и не думают.

Как-то вечером у нас был Степун, много говорил, как всегда. Рассказывал, что ставил при большевиках «Эдипа». [...] Очень хвалил Андрея Белого, восхищался его «Голубем», сценой, как 2 человека одну палку держат. Хвалил очень «Тургенева» Зайцева [...] да еще Сирина. Опять бранил Алданова. [...] Зато Гиппиус — «очень талантлива в стихах».

Ян почти все время ему возражал. Когда припирал Степуна к стенке, то он делает вольт и переводит разговор на другие рельсы. Вообще, он редкий собеседник, главный талант его в этом. Он должен чувствовать своего слушателя, это его возбуждает, почему он и предпочитает форму писем в своих произведениях. [...]

25 марта.

М. С. [Цетлина. — М. Г.] вчера мне звонила. [...] Ей пришла в голову благая идея устроить вечер в отсутствие Ив. Ал. — вечер Бунина. Я сказала, что передам Яну. Это нас спасло бы, ведь в этом году у нас ежемесячный доход уменьшился на 550 фр. (чехи и Маня). [...]

27 марта.

Прочла «Петербург» [А. Белого. — М. Г.] [...] Ужимочки, скачки, самолюбование. Особенно это чувствуешь, когда вспоминаешь Пруста. У обоих «искание новых путей в искусстве», как говорит Андрей Белый,

но у Пруста все органически, а у Белого все пробы, попытки. [...]

6 апреля.

[...] Письмо Яну от Бориса Зайцева, очень милое, дружеское. Его сестра Таня — игуменья «Нечаянной радости». По-видимому, она хорошо влияет на них — и он, и Вера в последних письмах очень благожелательны. Боря сообщает, что Валери едет в Швецию, соперник очень сильный. [...]

За обедом разговор о Достоевском. Ян сказал, что он читал сцену в монастыре и что ему было нестерпимо скучно: «Всегда один прием, собрать всех вместе и скандал». [...]

Леня говорит, [...] что Достоевского Яну мешает понимать его талант, он всегда внутренне отталкивается от него. [...]

10 апреля.

Слава Богу, мы говеем. Ян очень добр ко всем. Вчера приехал к 12 Евангелиям, что нас всех очень обрадовало. [...]

15 апреля.

[...] Вчера после обеда был очень интересный разговор между Яном и Степуном. Начался с того, что Степун рассказал, что он читал Скобцовой фельетон Бунина и объяснял. Ян засмеялся и сказал — это хорошо, ибо это подлинная Россия, а не литературная, Блоковская, Андрей Беловская. — С этого и началось. Степун доказывал, что Бунин берет часть России и не касается другой. В нем 100% бытийность. Ян возражал, что у Бунина есть персонажи небытийные, как Шаша, Аверкий, Иван Рыдалец.

— Бунин и про небытийность пишет бытийно, у него нет невнятности, а у других она есть, у Блока, например.

Ян доказывал, что в хорошем художественном произведении аура художника и аура произведения должны сливаться. Тут Степун как будто уступил. Но заметил, что ему мало Бунинской атмосферы, нужна и Блоковская.

Потом он читал Блока. Читает Степун по-актерски, временами устремляя взгляд в пространство. Ян: Как Блок эстраден. Очень рад, что слышу его в вашем чтении. Это объясняет его успех.

Степун только раз слышал Блока. — Он читал глухим голосом, без выражения, но когда его слушаешь, то улавливаешь очень тонкий рисунок, как водяные знаки.

Да, Ян, между прочим, говорил: — Вот безумие Аполлона Григорьева, его цыганщину, я приемлю. Замечательные у него письма, лучше статей! А вот Блоковская цыганщина меня не трогает.

17 апреля.

[...] Да, Ап. Григорьев умел любить, имел этот, может быть, самый тяжкий дар, дар, встречающийся редко. Он этот дар развивал в себе всю жизнь и познал от него тоску великую, за которую я полюбила его уже на всю жизнь. [...]

Отчего люди, одаренные любовью, редко бывают счастливы? Отчего они так сильно страдают, мучаются? [...] Роднит меня с Григорьевым и та жалость, которую он испытывал к людям. [...]

20 апреля.

Завтракал Демидов. [...] Много расспрашивал о Шалапине. Он ходил к нему записывать его автобиографию. «Нудно было. Как рассказывает хорошо, а не понимает, что нужно. Длинно говорил о Крыме, о горе, где дворец артистов». Кабинет его без окон, т. е. окна есть, но вверху стены, т. ч. комната имеет вечерний характер, улицы не видно. Рояль, дубовая

старая мебель, обитая зеленым репсом. Столик посредине. Большой письменный стол, за которым Шаляпин едва ли сидит. Писать ему трудно.

Квартира его на седьмом этаже. Из передней широкий коридор, убран в виде холла мягкими диванами. В кабинете Кустодиевский портрет.

Демидов находит, что Ян представляет Горького лучше, чем Шаляпин. Ян говорит, что это потому, что он берет его изнутри.

Оказывается, что Даль, чей словарь — родной дед Демидова, отец его матери. Демидов рассказал, как Мельников-Печерский написал свои романы. Наследник Цесаревич был в Нижнем, где служил Даль, а под его начальством Мельников, очень ленивый по природе. Когда наследник поплыл вниз по Волге, то к нему прикомандировали Мельникова, который хорошо рассказывал наследнику о быте раскольников. Наследнику его рассказы очень нравились и на прощание он сказал, что было бы хорошо, если бы Мельников все написал. Даль призвал своего подчиненного и сказал: Вы слышали, что сказал Его Высочество? Это высочайшее повеление. Я прикомандирую вас к себе в секретари и вы ежедневно будете с 9 ч. до 4 писать. Жить вы будете у меня.

Когда было кончено «В лесах», Даль вышел в отставку. Что делать? Он приказывает на основании «Высочайшего повеления» выйти в отставку и Мельникову. Поселяет его в своем имении, где он также ежедневно работает от 9 ч до 4. Написана половина «На горах» и Даль умирает. Мельников переезжает в свою деревню и там, комкая, заканчивает свой роман. [...]

Вечером у Фондаминских. [...] Степун рассказывал о детстве. [...] Говорили опять о Шаляпине, о его таланте артиста и о том, что в жизни он повторяется, что он никем не интересуется, что он всегда чувствует себя в кругу зрителей, а не знакомых, не собеседников.

Говорили и о Горьком, о том, как он терял рядом с Шаляпиным. Ян рассказывал об Андрееве [...] и все сходились, что философия у него от лукавого.

6 мая.

Зашел в 5 ч Демидов. [...] ко дню русской культуры он послал статью о Пушкине, о его сюртуке и кольце, которые были получены Далем, дедом Демидова, после смерти Пушкина, при которой он присутствовал. Кольцо с изумрудом. Последняя из Делей владела им мать Иг. Пл., которая, боясь, что его украдут (сюртук был украден), передала его Вел. Кн. Константину Конст., который не носил его, а хранил у себя в Павловском дворце. Где оно теперь — неизвестно.

[...] не помню, как И. П. вспомнил об осетре, присланном в подарок каким-то рыбником, с которым разговорился Новосильцев. Он попросил рыбака, у которого были большие промыслы, послать большого осетра его тестю кн. Щербатову и вынул сторубливку. Тот возвратил деньги и сказал, что пришлет в подарок. Зимой, когда Новосильцев забыл о своей просьбе, был получен огромный осетр. В чем его сварить? Как его подавать? [...] На осетра было приглашено человек 50 — старая родовитая Москва. [...]

Потом зашла речь об ясновидящих. И. П. рассказал несколько случаев. [...] На фронте одна ясновидящая предсказала все — и что государь будет убит, и что Варшава навсегда отпадет от России, и что в России будет голод. [...] далее она предсказала, что Россия оправится и пойдет войной — «Богатырь встанет, разбросает всех людишек и пойдет на Запад». [...]

И. П. рассказывал, что Бальмонт ему писал ужасно грубые письма, раз написал такое, что И. П. решил порвать с ним и сообщил ему. И вдруг получает письмо Бальмонта, в котором он пишет, что погорячился

и что «дорогой Игорь Платонович» и т. д. В этом весь Бальмонт — нагл, если с ним вежливы, и труслив, если ему сделать окрик. [...]

13 мая.

Год, как мы вернулись в Грасс. [...] Ян все никак не может сидеть, ездит чуть ли не каждый день то туда, то сюда. [...]

17 мая.

Вчера у нас обедали Фондаминские и Демидов. И как всегда при Демидове, разговоры сбивались на Россию, Москву, Тамбовскую губернию. Профессиональные писатели гораздо беднее впечатлениями, чем «бывшие люди». Сколько знает Демидов, он воспитывался в Нижнем в дворянской гимназии, читал «Московские Ведомости», был предводителем дворянства, председателем Земской управы, членом Думы, правым кадетом. Знал хорошо родовитую богатую Москву. У кого из писателей такое поле наблюдения? У Толстого было меньше. Потом война, революция, Добр. армия, Польша, Париж — да, для такого материала Толстой нужен!

Заговорили о том, что в России дворянство все свое состояние пропило и проело. [...]

— Знаете, сколько бутылок шампанского выпивало губернское дворянское собрание, которое длилось, ну, 2 недели? — 3500 бутылок! На 40000 рублей — одна Тамбовская губерния. [...] Но не думайте, что мы всегда так проводили времечко. С февраля мы работали очень много. [...]

21 мая, четверг.

[...] Письмо от М. С. [Цетлиной. — М. Г.] — вечер¹ назначен на 10 июня. Чехов² приедет после спектакля, а потому читать будет то, что уже знает. [...] Лифарь и Спесивцева танцуют, согласились петь Кед-

ровы, — словом, вечер на «ять». Но боюсь, что сбор будет меньше обычного. Кажется, билеты только рассылаются, а в это я не очень верю.

Вчера письмо от Алданова. Он обедал с Т. Манном. Говорили об Ив. Ал. Манн подал в Нобелевский комитет за немца. [...]

3 июня.

Вчера письмо от Верочки [В. А. Зайцевой. — М. Г.], тон дружеский. [...] Боря кончил «Тургенева». Если поедут, то в Ниццу «на курорт для бедных». Концерт Бальмонта дал 700 фр. Какой ужас! [...]

Часам к двум пошла к Лопатэнше [...] на ночь прочла воспоминания Ал. Львовны [Толстой. — М. Г.] и возмущена до нельзя. Главное тем, что «ими восхищаются все — и Илюша и Иван Алексеевич. Вот я поняла, когда читала, почему я не могла бывать у Толстых. Какая грубость! Как пишет о матери [...]

Вечером [...] Ян заговорил о Спировиче, которого он читает теперь. О том, что императрица была психически больная женщина, что кроме истерии, у нее была еще какая-то болезнь. [...]

6 июня.

[...] Потом мы, как очень часто, говорили с ней [Ек. М. Лопатиной. — М. Г.] о любви. Она вспоминала о своем романе с Ив. Ал., за которого чуть было замуж не вышла.

«Когда он делал мне предложение, я очень смеялась. [...] Мы сидели в гостиной, он в сюртуке, бледный, худой, с бородкой [...], похожий на Гоголя. Потом мы ездили в Царицыно дачу снимать. Искали большую, т. к. нужно было, чтобы никто никому не мешал. Он еще спрашивал: «Зачем такую большую? Комнаты хотите сдавать?» — Я очень смеялась. И он тут сказал, между прочим: «Я буду знаменит не только на всю Россию, а и на всю Европу». — А мне было

его жаль. Я, конечно, не верила и думала: дай-то Бог — и жаль мне было его очень. Мне рассказывали, что где-то он сказал, что я «лучше Венеры Милосской» и ему тогда заметили — «Ну, значит, вы влюблены». А я не была влюблена — у меня был роман с Токарским, и я, конечно, очень колебалась. Володя [брат. — М. Г.] говорил «он честно тебя любит». Кроме того, он был моложе на 6 лет. Но главное, почему я решила не выходить замуж, это после свидания с Токарским — он внезапно поцеловал меня, и я не противилась. Как выходить за другого? Накануне нашей разлуки я плакала, мне было очень жаль его, а на другой день, когда я ехала с ним в поезде до Москвы, провожала его на юг, то у меня на душе было так тяжело, что я думала, что если существует ад, то это и есть такое чувство. А он сидел, читал какие-то книжки. И потом, через 2-3 месяца, женился». [...]

Вечером на прогулке Ян нам подробно рассказал о своем романе с Лопатэн. Я сказала о разговоре с Е. М. о том, что он сказал ей, что будет значит [...]

— Это от задора!

— Нет, совершенно спокойно, я был уверен.

— А я думаю, что отчасти и от этого она упустила случай выйти замуж, что ты слишком отличался от ее понятия мужа. Да и смотрела она на тебя, как на мальчика. Да и взрослей она была тебя, ведь 6 лет разницы в тот возраст — немало.

— Это не так, она была менее развита, чем я.

— Но все же ее окружали люди, как брат [Л. М. Лопатин. — М. Г.], Соловьев, Юрьев, она от них много набралась, а у тебя кроме Юлия Алексеевича кто же был?

— И это неверно. Я вращался, если не среди таких блестящих людей, как Владимир Соловьев, то все же среди очень образованных, как напр. Кулябко-Корецкий, Русов и др. Кроме того, вся наша среда

только и делала, что разбирала вопросы политические, литературные, общественные, и я принимал в этом горячее участие, тогда как она жила другим, в стороне от интересов братьев, своим. Один брат, правда, хотя и в душе всегда печален, вечно кого-нибудь да представлял, к другому — Льву Михайловичу, они ходили за разрешением всяких вопросов, и он говорил с ней серьезно — и только. Нет, она не была взрослей, развитей меня. Это ей так казалось, потому что она была старая дева, кое-что пережившая в сфере чувств. Да и доказательство есть, — это я сократил ее роман; там было 500 страниц и очень много наивного, детского и хотя я почти ничего еще не написал, а все же понимал больше, что нужно, и чего не нужно. [...]

Почему я хотел жениться на ней? Влюблен я в нее не был, как женщина она не влекла меня. А чуть было не женился. Нравилась вся обстановка, их старый дом, гостиная — и очарование от этого переносилось на нее. Часто бывает обратное. Кроме того, она любила и понимала литературу, восхищалась ее художественной стороной, с ней можно было говорить на эти темы, а ведь, нужно сознаться, с братьями-писателями трудно было говорить. Да и прелесть, чистота была в ней только такая, какая бывала в некоторых старо-дворянских семьях. Но все же не представляю, что бы вышло, если бы этот нелепый брак состоялся. [...] И ведь, как только расстались, как я выспался в поезде, так все, как рукой сняло, точно и не ходил ежедневно к ним. [...] А женитьба моя [на А. Н. Цакни. — М. Г.] еще более нелепа. Зачем я это сделал, сам не понимаю.

Все время, пока Ян рассказывал, я видела Царицыно, выход с Покровской стороны к пруду и к мосту, по которому идут нам навстречу Лопатина, своей немного подпрыгивающей походкой, тоненькая, в черной юбке и светлой блузке, в соломенном конотье,

с палочкой, а рядом господин с тонким лицом, в шляпе. Когда мы поровнялись, мама остановилась. Поздоровалась с Лопатиной, которая нас познакомила с этим господином, и я услышала фамилию «Бунин». Когда мы разошлись, мама сказала: «Говорят, это новая восходящая звезда. Он поэт, приятель Николая Дм. Телешева, который много рассказывал о нем. Кажется, ухаживает за Лопатиной».

А потом на следующее лето, а, может быть, и зимой я от мамы услышала, что Ек. М. больна нервно. [...] что все это случилось оттого, что Бунин ухаживал, ухаживал, а потом уехал и женился. [...]

На меня этот рассказ подействовал и окружил Бунина романтическим ореолом. [...]

17 июля, Juan les Pins, Chrysanthèmes.

Третий день мы здесь. [...] Ощущение, что мы далеко от Грасса, ощущение новой жизни. [...]

22 июля.

[...] Ян тоже не радуется. И сам страдает, да и других не милует. Все эти разговоры, переписка и, вероятно, думы его очень состарили, выбили из колеи, помешали писать «Арсеньева». Он все больше и больше отъединяется ото всех. Кажется, мы ему нужны, чтобы выносить его дурное настроение, все же письма ему теперь хочется читать одному, меня это даже пугает — раньше было не то. Прошлом лето он мучился тем, что ему минет 60 лет. [...]

27 июля.

[...] Ян добр и очень мил. Помог мне вымыть голову. И как он все делает ловко и хорошо. Но он все время в тяжелом настроении. Как-то он сказал мне — «[...] У меня душевная болезнь. Вечно думаю о смерти. Полное отвращение от всего. Ну, да что

говорить! И при этом сильное раздражение ко всем и ко всему. А потом — нежность».

У меня просто сердце разрывается, глядя на него. [...]

31 июля.

Сегодня уезжаем. [...]

5 августа.

Живем в грязи, пыли, стуке³. [...]

10 сентября.

[...] Много неприятного узнали за это время об Авиловых⁴. Ниночка год назад скончалась от своей ужасной болезни, «изуродовавшей ее и физически, и душевно». Старший ее брат сидит в ГПУ. Их няня Аня была больна странной болезнью, — боялись, что если она и выздоровеет, то останется идиоткой. К счастью, «разума она не потеряла» и скоро выпишется. Болела она 5 месяцев. Лидия Алексеевна послала брату свою фотографию с просьбой: «не плачьте надо мной». Она, по его словам, «вся иссохла от горя, что за руки, что это за лицо! А дух еще жив, еще надеется на что-то, уже готова все кому-то простить».

Да, что выпало на долю Л. Ал., выпадает даже и в России не всякому. И нужно только представить, что она испытывала ежедневно в течение 10 лет, когда ее дочь, такая в прошлом прелестная, буквально теряла образ человеческий. А теперь сын под угрозой расстрела, или «еще худшего», как пишет ее брат — т. е. сломать совесть, честь и заставить доносить. [...]

Он так и стоит перед моими глазами, еще молодым, свежим, полным. [...] он писал красками, окончил юридический факультет. В его маленькой квартирке, где жила во время революции и его мать, и брат, мы раз были. И опять от всей семьи веяло чем-

то особенным. Какая-то свобода, любовь друг к другу. И только зять своей развязностью и болтливостью нарушал тон этой семьи. И я подумала: как странно, что Ниночка полюбила такого.

И няню помню — в другой раз. Мы приехали к ним вечером на Спиридоновку, когда еще был жив сам Авилов, и у подъезда столкнулись с Ниночкой. Она ехала в деревню и как-то особенно, как это бывало в дворянских семьях, целовалась с няней. Помню, как Ян восхитился этой милой, свежей, из какого-то романа прежних лет девушкой и няней [...] И вот от всех потрясений, — и общих, и личных, — такая мучительная и редкая болезнь! За что такие страдания? Действительно, пути Господни неисповедимы.

Письмо от папы, тоже нерадостное. [...] И как ему тяжело, одиноко. [...]

29 сентября.

[...] неожиданно приехал в Канн Шассен⁵. Человек он очень культурный.

О премии⁶ ничего окончательно неизвестно и до последней минуты не будет известно. Paul Valéry больших шансов не имеет. Натиск делают финны, эстонцы. Вообще, кандидатов около 40 человек, но серьезных гораздо меньше.

Олейникова⁷ хвалил: «милый человек». Жена почти глухая.

[...] в понедельник [...] я вижу фигуру незнакомого человека в кэпи, с бородкой клинушкой — Олейников! [...] он рассказал нам о своем романе с женой, которая на 17 лет старше. Роман длился 5 лет и был с ее стороны совсем в духе Гамсуна. «Простираю к вам руки и умоляю оставить меня». Приходила ко мне на квартиру, чтобы отказать, но после каждого отказа чувствовалось, что мы делаемся ближе. Родня была против. Мать прямо сказала: «Я вас любить не могу», а потом как еще полюбила. Ну, Эммануил

Людвигович [Нобель. — М. Г.] — тот, раз в семью войдешь — объятия.

[...] ничего не говорит о родителях, родине, а все о Нобелях. [...] Ему 67 лет. [...] Друг был «писателя Вересаева». [...] Но вообще он из тех русских людей, которые все критикуют. [...]

Многое мы узнали о Нобелях. Эм. Л. имел любовницу, которая с ним увязалась с Кавказа. Жила широко, тратила много, видимо, надоела ему, т. к. после удара его спросили, хочет ли он ее видеть, он ответил — нет, к черту! [...]

У Густава Нобеля жена — бывшая жена Ролля, террориста, сподвижника Савинкова. [...]

Вересаев в «Записках врача» изобразил Олейникова в докторе Стратонове — интересно прочесть, каким он был молодым [...]

2 октября.

[...] Вчера была Ек. М. [Лопатина. — М. Г.] парламентарием от Мережковских. Д. С. предлагает Яну написать друг другу письма и их удостоверить у нотариуса, что в случае, если кто из них получит Нобелевскую премию, то другому даст 200.000 франков. Не знаю, но в этом есть что-то ужасно низкое — нотариус, и почему 200.000? Ведь, если кто получит, то ему придется помочь и другим. Да и весь этот способ очень унижительный. [...] и выбрать Лопатэн для дипломатических разговоров! Все это мне очень неприятно. [...]

У меня почти нет надежды, что Ян получит, но все же, если получит, то почему дать такую сумму Мережковскому? Ведь у нас есть и более близкие друзья. Если же получит Мережковский, то je ne tiens pas — их счастье!

9 октября.

Только что села в своем кабинетике, как вошел

Ян и спокойно сказал: — Нобелевская премия присуждена шведскому писателю. [...]

Потом мы с Яном говорили, как трудно нам будет жить. Считали доходы, расходы. [...] если быть очень аккуратными, никуда не ездить, то можно кое-как жить, сократившись на еде.

Ян все же взволнован, пошел в город, пошлет вырезку Мережковскому. [...] Я рада лишь, что неожиданно рано разрешился этот вопрос, иначе мы в ноябре очень, вероятно, волновались бы. Что делать? А, может быть, это и к лучшему.

10 октября.

[...] Начала Тургенева. Прочла Сирина. Какая у него легкость и как он современен. Он современнее многих иностранных писателей. Вот, у кого [...] есть «ироническое отношение к жизни». Вот, кто скоро будет кандидатом на Нобелевскую премию. [...]

11 октября.

[...] Встали все рано. Ян в хорошем настроении, уже работает. В доме приятная тишина. Может быть, хорошо, что премия «мякнула» — все сосредоточатся и станут серьезно работать без всяких надежд.

18 октября.

[...] Я нахожу, что у нас слишком большое уединение и никаких развлечений, а они особенно нужны Яну. [...]

20 октября.

[...] Вчера были у Кугушевых. Потом катались. Ася [кн. Кугушева. — М. Г.] впервые видела Super-Cannes. На лице у нее написано удивленное восхищение. Вот, как живут — со своей машиной, а никуда не ездят, а мы всем этим объелись и все недовольны. [...]

12 окт./25 окт. 10 ч. вечера.

[...] От Шассена очень милое письмо. Он дал интервью насчет своего посещения Яна. Дал очень умно. Между прочим, сообщил, что Мережковские в Швеции ведут пропаганду о своей бедности. Была статья об «Арсеньеве» в шведской газете, очень благоприятная. Шассен, видимо, надеется насчет будущего года. Ян чуточку повеселел, хотя веры и у нас очень поубавилось. [...]

30 октября.

[...] Денег от сербов нет до сих пор! Галя уже в Париже. [...]

[Из рукописных записей Ив. Ал. Бунина:]

31. X. 31.

Без четверти пять, мой любимый час и вид из окна (на закат, туда, к Марселю). Лежал, читал «Письма» Мансфильд, потом закрыл глаза и не то подумал (соверш. неизвестно, почему) о кукованье кукушки, о дали какого-то весеннего вечера, поля, леса, не то услышал это кукованье и тотчас-же стал действительно слышать где-то в далекой и глухой глубине души, вспомнил вечер нынешней весной, похожий на русский, когда возвращались с Фондаминскими из С. Валье, вспомнил его, этот вечер, уже как бесконечно-давний молодой и счастливо-грустный, и все это связалось с какими-то воспоминаньями и чувствами моей действительной молодости... Есть-ли вообще голос птицы прелестней, грустней, нежней и юней голоса кукушки!

Третий день хорошая погода. Рука лучше.

1-XI-31.

«La Toussant». Были с Верой на музыке, потом пошли в собор. [...] Видел черепа: St. Nonogat'a и St. Yeugoulf'a. В 3 началась служба — под торжествен-

но-звучные звуки органа выход священнослужителей, предшествуемых мальчиками. Потом труба и песнопения — безнадежно-грустные, покорные (мужские голоса) под оч. тугие, кругло-катящиеся, опять таки очень звучные звуки органа, с его звучным скрежетом и все более откуда-то освобождающимся рычанием, потом присоединение ко всему этому женских голосов, уже грустно-нежными, умиленными: «А все таки, Господи, Ты единое прибежище!»

От Гали письмо. (Она в Париже.) Завтра «*Jour des Morts*» или «*Les Morts*».

[Из дневника Веры Николаевны:]

1 ноября.

День всех Святых. Все католики сегодня устремляются с цветами на кладбище, чтобы украсить могилы близких. [...] В прошлом году мы были в этот день у Герцена. [...] Потом юбилейный завтрак Лоло. И зачем это? [...]

У Яна рука стала красная. Он боится экземы. [...] Говорит, что за дачу 4000 фр. в декабре платить нечем. [...]

2 ноября.

[...] Письма: 1) от Глеба Струве⁸, пишет насчет Вирджинии Вульф. Как будто есть надежда, что отнесется со вниманием, если, конечно, русские книги в ее издательстве не читает Святополк Окаянный [Д. Святополк-Мирский. — М. Г.]. 2) От Лютера⁹, очень любезное, и его статья в немецком журнале о «Божьем древе». Он, видимо знаком со статьей Степуна. [...] 3) От Олейникова в запечатанном конверте 3000 — это он «приходит на помощь ослабевшим чехам». [...]

3 ноября.

[...] Вечером говорили о Париже. Я уговаривала

его [Бунина. — М. Г.] ехать. Но тогда чем платить за виллу. [...] Он был терпелив, нежен, внимателен, а это еще хуже меня расстраивает. Так и не спала. Читала Hardy. [...]

Ян раздражается по пустякам. [...] но со мной мил донельзя. Днем гуляли. [...] Живем мы теперь скромно, даю на расход 30 фр. [...]

7 ноября.

[...] Вчера была телеграмма «Tout va bien». [...] хорошо, что он уехал, встряхнется, истратит деньги и начнет работать, а то томился, кис, мучился. Да и следует ему показаться докторам. [...]

Письмо от Троцкого [журналист И. Троцкий. — М. Г.]: большевики ведут агитацию против «эмигрантской премии», распускают слухи, что в случае чего — порвут договор. Горький представлен немцами. Карлфельд был за Яна. Мешает отсутствие единодушия, всякие другие эмигрантские кандидатуры. [...]

17 ноября.

[...] Ян вернулся успокоенный, хотя и уставший. Рука совсем проходит. Настроение спокойное. [...]

27 ноября.

Леня дал свой роман¹⁰ Яну. Он прочел пока 2 части. Хвалит. — «Один недостаток — все очень хорошо. Громадный шаг вперед». [...]

[Из рукописных записей И. А. Бунина:]

3-XII-31.

Четыре с половиной. [...] Вошел в кабинет, уже почти темный. Удивительная огненная красота облачного заката над морем — особенно сквозь черный (как бы железный) узор черно-зеленого шара мандарина. Над той горой, за которой С. Рафаэль, желто-

палевое. Эстерель уже стал синим туманом. Маленькое поле плоского зелено-сиреневого слабо видимого моря. В нашей долине и в городе все в темной синеве, в которой зажигаются огни. Когда зажег огонь у себя, облака над городом сделались цвета подсохших лиловых чернил (оч. мягкого). Потушил огонь — лиловое превратилось в фиолетовое.

Чувство ясности, молодости, восприимчивости, дай Бог не сглазить.

[Вера Николаевна записывает:]

13 декабря.

[...] 11-ого утром неожиданно приехал Илюша. [...]

О похоронах Демидовой он рассказывал с восторженностью. Служил Евлогий, пел чудный полный хор Афонского, церковь была полна. По дороге встречались войска, — а она это любила. Игорь, — как русский князь, — истово крестился, не плакал. Лицо было просветленное. [...]

В журнале они завалены: Алданов — новый роман, продолжение «Бегства», Зайцев — из эмигрантской жизни, Сирин — «Камера Обскура» [...] Берберова — «Повелительница». [...]

Такой завал не очень хорош для Лени. [...]

Ян нас порадовал, сказал, что к февралю пришлет новое свое произведение. Бог даст, Арсеньева. Он начал что-то писать. Дай-то Бог!

Мы, слава Богу, живем сейчас очень хорошо в душевном отношении. Ян пишет и добр. Леня стал много спокойнее. Ян неуловимо стал относиться к нему серьезнее и любовнее. Галя работает много. [...]

Я все это время чувствую себя беспокойно. [...] Четверть века моего романа с Яном. [...] страшно подумать, 25 лет назад началась наша любовь и, как ни странно, она не иссякает, хотя форма ее и изме-

нилась. И сколько за эту четверть века пережито, даже страшно, до чего человек туп. И как изменилась моя душа за это время. [...] поняла, что только в смирении можно что-нибудь сделать. [...] поняла всю тщету земных желаний. [...]

Читаю теперь «Святые» [«Святые древней Руси». — М. Г.] Федотова — очень для меня нужная книга. [...]

24 декабря.

[...] После обеда взволнован Ян:

— Я на границе душевной болезни. Сжег сегодня 17 страниц «Жизни Арсеньева». Я устал. Нужно бы проехаться, а денег нет.

— Поезжай, а там устроимся.

— Я поехал бы в Авиньон и написал бы о Лауре и Петрарке... Но денег нет! Будущее меня страшит. Душа изболелась. Как будем жить? [...]

Письмо Алданова: «Цетлины в начале января переезжают в Лондон. [...] Был у Мережковского — дела их очень плохи. [...] Помогаем им устроить вечер». [...]

31 декабря.

Последние часы старого года. Мы решили на этот раз не встречать Новый. Может быть, это и лучше — прошлый год мало радостей принес. [...] Много стало хуже в денежном отношении, хотя, вероятно, в будущем будет еще хуже. Личные мои дела очень плохи. С апреля ничего не напечатала. Мои воспоминания двигаются медленно, а, главное, не знаю, насколько они ценны. [...]

[Записи В. Н. переписаны на машинке. Привожу выдержки:]

1 января. Пятница.

[...] завтра 9 лет со смерти мамы. [...]

Обедали в кабинете, где тепло. Обед был более, чем скромный. Только к чаю Ян купил по крохотному кусочку фаршированной индейки. [...]

Перед сном мы втроем — Ян, Галя и я — пошли гулять. Поднялись наверх и Ян сказал:

— Как я дурно себя чувствую, замирает сердце.

— Это от подъема, — сказала Галя.

Но он поднимался очень медленно.

Выйдя на дорогу, он стал ругать Шалапина: — Сукин сын, мерзавец! В своем интервью с Поляковым он подчеркивает, что поет в пользу безработных, п. ч. «ведь это русские». Значит, боится слиться с эмигрантами. [...] он не аполитичен, он в душе такой буржуй, что представить себе трудно, жаден ужасно. Как же ему должны претить большевики. Помнишь, что Рахманинов рассказывал. [...]

2 января.

[...] Ян волнуется из-за норвежского издательства. Если бы дело это устроилось, то мы были бы на весь год спасены. [...]

Думала поехать завтра в церковь, но рассчитала — не хватит денег. [...] При бедности самое тяжелое — праздники. [...]

3 января.

[...] Вырубов пополнел, стал блестящ по виду, все так же весел, неистощим. [...] Какая свобода! [...] какая легкость разговора, перескакивание с темы на тему, и все без задержки, без напряжения. [...]

О Савинкове: Он случайно встретился с ним накануне отъезда его в Россию [...] Савинков был выпивши и стал звать его зайти куда-нибудь. Вблизи оказался ресторан. [...]

— Савинков, как вы знаете, — рассказывает Вырубов, — только и интересен, когда выпьет. Он все время нас ругал: «Эмиграция ничего не хочет сделать, союзники равнодушны, нужно теперь действовать иначе».

— Но как иначе?

— А так, идти туда к ним, сделаться любовником жены Троцкого, жениться на дочери Ленина, втираться в семьи большевиков, а затем убивать их. [...]

Говорили о Толстых, возмущались его падением, его «Черным Золотом». [...]

— Ну, в «Петре Первом» дело историческое, можно спорить. А тут ведь сплошная подлость. Денисов бывал у нас, но никаких деловых нефтяных разговоров мы не вели. [...] Тут подлость, он лучших друзей оклеветал.

— А говорят, он должен приехать за-границу, — сказал Ян.

— Он, кажется, уже приехал в Берлин, — ответил Вырубов.

— А мне все кажется, что он вернется в эмиграцию и опишет всех этих большевиков, — сказал Ян, — и мы все ему простим. [...]

Разговор шел о дочери Герцена, Наталье Александровне. Она живет в Женеве, ей 87 лет, говорит по-русски с акцентом. В большевицкой революции ее больше всего возмущает, что «большевики курили книги». [...]

7 января.

[...] Елки не зажгли. Такой маленькой у нас еще не было никогда. [...] такого безденежного Рождества тоже не было. Еще вчера, слава Богу, Ян на-

ткнулся на конверт с 200 фр. и это нас вывело из отчаянного положения, т. к. сегодня уже не было бы денег на базар. [...]

Днем гуляла с Яном. Много молчали. Он грустен. Жаловался на старость, «ничего не радует. Раньше, бывало, вспомнишь, что к обеду жиги и красное вино, обрадуешься, а теперь полное безразличие, даже неприятно». [...]

10 января.

Таких грустных праздников еще никогда не проводили. Все в дурном настроении и каждый на другого влияет дурно. А денег ни откуда не присылают — просто горе! [...]

Жаль мне Галю да Леню. Оба они страдают. Много дала бы, чтобы у них была удача. Яну тоже тяжело. Сегодня он сказал мне: «было бы лучше нам вдвоем, скучнее, может быть, но лучше». Я ответила, что теперь уж поздно об этом думать.

11 января.

[...] Леня получил открытку от Илюши: «...Роман ваш всей редакции *очень* понравился. Проводить его не пришлось, чему я очень рад». Мы все ожили, Леня сразу повеселел. [...]

20 января.

Сразу 2 смерти: из «Возрождения» узнали, что умер Чириков, а из телеграммы, присланной нам, — что завтра похороны В. Н. Ладыженского. [...] Он был нам настоящий друг и верный человек с редкими душевными качествами. Ни одной жалобы, ни одного стона, а жизнь его была все последние годы очень трудная, даже тяжелая. [...] Отчего умер Чириков? Они были приятелями. Эта смерть еще более неожиданная, никаких не было слухов, что он нездоров. Вероятно, сердце. Да, оба они не берегли себя. [...]

21 января.

Вчера мы хоронили Влад. Ник. Ладыженского на кладбище Сосад. [...] похоронен он удивительно хорошо, даже в «фамильном» склепе. [...]

Кладбище идет террасами. Дорожка замыкается церковью-часовней. [...] Иконостас темный, дубовый. [...] мужчины подняли на плечи гроб и понесли. [...] Служил священник Любимов. [...] Был и хор. [...] Похоронили его так, как дай Бог всякому. [...]

Дома нас ждал Ян. Мы ему все рассказали. [...] Я сказала, что мне на Сосаде так нравится, что я не имела бы против лежать там, а Ян сказал: «Нет я предпочитаю кладбище в Пасси — идут трамваи, проходят люди, все лучше...». [...]

30 января.

[...] На-днях ходили в Клозон. [...] На обратном пути я интересно разговаривала с Федотовым. [...] Он не любит женские монастыри, находя, что женщинам нужна половая жизнь, больше, чем мужчинам — это включает и материнство. Иначе развивается истерия и др. болезни, а потому, может быть, в женских монастырях встречается чаще произвол и всякие извращения. [...] Касались мы многих предметов, начиная Святыми и кончая Ремизовым, которого он очень ценит и любит. [...]

Вечер. В Гурдоне я кое-что записала: Опять Гурдон. Почти 6 лет мы не были в нем. Все то же самое. Только иное время года — зима.

Мы закусывали в кабачке. Мúка от кошек. [...] Ян сказал, что он мог бы здесь жить и писать: «Был бы богат, купил бы этот замок и жил бы». [...]

Довольно легко, даже Ян, дошли до Пре-дю-Лака, где сели на автобус. Леня был так голоден, что купил себе какой-то очень грубой сизой колбасы, и тут же съел ее с большим аппетитом. Рассердился, что мы с Галей не последовали его примеру. [...]

11 февраля.

[...] Он [Бунин. — М. Г.] жаловался, как он устал от всего. От одиночества, от того, что он никого не видит, что даже в Париж мы не можем теперь ехать, а главное, что то, что мы получаем, все висит на волоске. [...]

— Я так устал от вечной благодарности, голова утомилась кланяться. Ведь подумай, как я живу, никого не вижу, нигде не бываю, перестал писать. А если о себе не напоминать, все забудут. А я не могу писать при таком однообразии жизни. [...]

Я посмотрела на Яна. Он, в своей меховой шапке, был очень печален той особой печалью, которая сильна была и у Юлия Алексеевича. У меня защемило сердце. Когда он стал говорить, что чувствует, что писать больше не будет, я сделала усилие над собой, чтобы не поддаться его настроению и сказала, что так нельзя. [...]

Ян вообще ничем не может себя забавлять — он даже ни в одну игру не играет. Это важная черта в его характере. Он может наслаждаться только подлинной жизнью, и никакая игра ни в какой области его не занимает. Поэтому ему так трудно жить. Ведь все эти Новые грады, Новые корабли, Новые дома тоже в некотором роде игра, более возвышенная, но игра. [...] Ведь теперь Фондаминский весь живет «Новым градом»¹. [...] Ян сказал мне:

— Главное, что мне вся эта затея кажется ничтожной, и я не могу серьезно о ней говорить. И зачем название «Новый Град»? Претензиозно и даже безвкусно. Да и кто там? Федотов? Степун? [...] Остальные еще хуже, все эти Бердяевы. [...] А в Россию нам не вернуться, раньше жила где-то на дне надежда, а теперь и она пропала. Надолго там заведена песенка.

И я вспомнила в сотый раз Ростовцева, как он в первый год эмиграции говорил:

— В Россию? Никогда не попадем. Здесь умрем. Это всегда так кажется людям, плохо помнящим историю. А ведь как часто приходилось читать, например: «не прошло и 25 лет, как то-то или тот-то изменились»? Вот и у нас будет так же. Не пройдет и 25 лет, как падут большевики, а, может быть, и 50 — но для нас с вами, Иван Алексеевич, это вечность. [...]

После завтрака пили кофе [...] Разговор вел И. И. [Фондаминский. — М. Г.]. [...] Он сидел на стуле почти посредине комнаты и казался очень большим, массивным. [...]

— Мне кажется, что в христианстве 2 правды: «правда Божеская» и «правда человеческая». Христос сошел в мир в самом простом виде простого человека. Почему? Ведь ни в одной религии этого никогда не было. И люди как-то об этом забыли. Сначала помнили о Божией правде и так до Возрождения, когда начался гуманизм и т. д. И тут, как бы забыв о Боге, вспомнили «правду» о человеке. Стали думать, как бы человеку жить на земле хорошо. И хотя это и была правда о человеке, мне кажется, что христианином может быть только тот, кто понял, что в каждом человеке есть божественная правда. — И он по-еврейски на память прочел начало Библии. [...]

— А только один писатель об этом сказал, — засмеялся Ян и постукал себя по лбу: — это я в «Бернаре»².

— Да, да, — подхватил И. И. — «Я хорошо исполнял свое дело. Я был хорошим моряком». — А теперь, — продолжал И. И., — весь мир заражается правдой о человеке без Бога, Китай, например. [...] Вот многие удивляются, почему я не крещусь, раз я христианин. [...] я просто не чувствую себя готовым. [...]

5 марта.

[...] Послали Зайцевым телеграмму. Верочка сей-

час, вероятно, волнуется. Последнюю ночь у них Наташа, последняя ее девичья ночь. [...] Мужа ее все хвалят. [...] Мне очень жаль, что не увижу ее эти дни.

6 марта.

[...] Вчера Ян сказал мне, что он желал бы поехать в Париж, но со всеми нами. Но как это сделать? [...] Я устал, запутался. Чувствую, что сделал глупость, три года стараясь написать продолжение «Жизни Арсеньева», нет не могу. Мне надо переменить обстановку, уехать куда-нибудь. [...]

Как я предвидела, что много горя принесет нам Бельведер. Ведь какая была находка: ежегодно на 3 месяца уезжать — законный повод встряхнуться. А Ян был недоволен. И что же? Стало еще хуже. Жизнь без всяких впечатлений и никаких денег — работоспособность каждого очень понизилась. [...]

20 марта.

[...] Событий за это время было немало. Главное свадьба Наташи, которую мы пережили издали.

Из письма Н. И. Кульман: «[...] Настроение торжественности, взволнованности и даже умиленности охватило всех — молодость и большая привлекательность невесты и жениха, симпатии, которыми пользуются Зайцевы и Соллогубы, самый обряд с его замечательной красотой, проникновенное пение хора — все это создало особую атмосферу». [...]

Боря написал чудесное письмо Яну, но у меня нет его под рукой.

[В архиве это письмо сохранилось. Привожу отрывки из него:]

«Дорогой Иван, пишу тебе тем самым пером, которым Вера только что кончила эпическое и обстоятельное описание Наташиной свадьбы. [...] Нынче

я из «Возрождения» говорил с Н. по телефону. Из Фонтенбло тоненький, звонкий голос сразу сказал «Папа»? Разговор был короткий. [...] мне очень мешали, но голос фонтенблосский веселый. Потом другой, пониже, тоже веселый. «Ну, как вы себя чувствуете, Андрей?» — «Чудно».

Вот это факты. Надо думать, что «молодые» и правда в хорошем настроении.

А старые засели в некое парижское Притыкино. Ты, верно, знаешь, что мы переехали в Булонь. [...] В день Наташиной свадьбы, утром, я впервые увидел из своего окна [...] St. Sulpice и Notre Dame, по случаю очень ясной погоды. Это мне было приятно. Потом приятно то, что вышел пасьянс «Наполеон» на Наташино счастье загаданный — а до того 6 раз не выходил и сейчас, только что, еще 2 раза не вышел. Это глупость, конечно, но пишу уж все.

[...] Благодаря вечеру, удалось переехать и выдать Наташу замуж, но все же есть долги и будущее очень неясно. Слава Богу, что Он дал мне легкий (в этом отношении) характер. [...]

[Запись И. А. Бунина:]

10. III. 32. Grasse.

Темный вечер, ходили с Галей по городу, говорили об ужасах жизни. И вдруг — подвал пекарни, там топится печь, пекут хлебы — и такая сладость жизни.

[Из дневника Веры Николаевны:]

22 марта.

[...] Третьего дня были на «Утре Лоло». [...] Зал был полон. [...] Лоло мне сказал: «А жаль, что Иван Алексеевич не пришел. Мы хотели сделать ему оvation». А он именно этого больше всего и боялся.

Публика была, конечно, сплошь русская. И когда она в таком большом количестве, то удручает очень. [...] главным образом люди пожилые и старые. [...]

1 апреля.

Совершенно неожиданно, по настоянию Яна, еду в Париж². [...] Я ему не жаловалась, точно его осенило сверху. Одно жаль, он хочет, чтобы я пробыла не больше 2-х недель, а у меня 30 домов навестить, Национальную библиотеку, Венсенскую, Тургеневскую, словом, не знаю, как успею. [...]

3 апреля.

Сегодня едем. Грустно оставлять своих, хотя они оба радуются за нас. А Ян, как всегда перед моим отъездом, мил, нежен и очень ласков. [...]

Вчера были у Фондаминских. [...] от них узнали новость: Скобцова постриглась тайно, хотя пострижение было в Сергиевском подворье при всех. [...] Имя ее Мария. Но в миру она должна называться по-прежнему, Елизаветой Юрьевной. Евлогий ей сказал: ваш монастырь — весь мир. [...] Вот круг — от левой эсерки к монашеству. [...]

3 апреля.

Вагон третьего класса. [...] Сейчас Галя сказала:

— Знаете, почему И. А. так решительно и настойчиво уговаривал вас ехать в Париж? Он мне сказал: — Меня тронула ее кротость, ее полное смирение. Ей в голову не приходит, что она может тоже захотеть поехать. Такая скромность. [...]

4 апреля.

Спала часа два! [...] Пишу письмо Яну. [...] Галя спит, занимая три четверти лавки. А я все никак не могу глаз отвести от жемчужно-серого пейзажа [...]

6 апреля.

Вчера были у Зайцевых. [...] Кричали так, что Боря сказал: — Я по крику догадался, что это вы пришли. — Квартира у них приятная. [...] Две комнаты, ванна, кухня с проведенной горячей водой. Убрано по-студенчески, просто, чисто. Вид у Бориса ужасный — провалены щеки с румянцем. Третьего дня был у Зернова: истощение, расширение сердца и нервы. [...] А к завтраку у них было приготовлено всего 2 мерланки, вот тебе и усиленное питание. [...]

Ночь с 9 на 10 апреля.

Вернулись от Цетлиных. Были, кажется, все их знакомые, а потому было «неуютно». Сильное впечатление произвел на меня Мережковский: худ и испуган. Он весь вечер перебегал от одного к другому и говорил что-то с паническим видом. Конечно, о своем вечере, о том, что им есть нечего. За чаем сидел рядом с Галей. Я с ним не сказала ни слова. З. Н. не было — она не совсем здорова. [...] Вечер их налаживается. Участвовать будет Плевацкая, Вертинский, Тэффи, Аминад. [...]

Потом они с Тэффи, давась от смеха, проектировали программу: она прочтет фельетон, в котором она насыпала Мережковскому за Пилсудского, когда тот сравнивал его с Христом. А Аминад — стихи, где он «воспел» Д. С.

[...] Ходасевич сидел со мной. Он, как всегда, оставил приятное впечатление. Ругал писателей, что они мало работают — «Только Тэффи и я трудимся, а остальные перепечатывают старые вещицы». Это, конечно, зло, но злость мне в нем нравится. [...]

Ночь с 10 на 11 апреля.

Только что вернулась из Трокадеро. «Русский вечер». Очень приятно было послушать «Евгения Онегина». [...] Балет Нижинской хорош. [...] Хорош был

и гармонист-казак. [...] А когда вышли цыгане и одна девченка плясала с такой отчаянностью, что мы пожалели, что с нами нет Яна — он пришел бы в вос-торг. [...]

Керенский вчера был весел, легок, жив. Много болтал, когда все «метрошники» ушли и оставшиеся гости вместе с хозяевами уселись в кружок у стола. Он очень все время веселился — незаменимый чело-век в обществе. И откуда у него берутся еще силы? [...] Алданова он назвал «первым учеником». Думаю, что М. А. это было неприятно. Продавали билеты на его доклад, который состоится в понедельник [...]

13 апреля.

Из вчерашних писем вижу, что Ян изнемогает без нас. Написала ему, чтобы он приехал, что, если бо-ится ехать один, пусть едет с Рудневым, который на два дня отправляется в Грасс к Фондаминским. [...] Лене одному, может быть, будет и свободнее, пойдет туда, сюда. [...]

15 апреля.

Собираюсь сегодня пойти в библиотеку на рю де Лилль, просмотреть «Русские Ведомости». [...]

К Манухиной. [...] говорили о святых католичес-ких. [...] она говорила, что хорошо бы переводить их и частью издавать, что, может быть, я приняла бы в этом участие. Меня это предложение очень радует. [...]

У Мережковских. Комната З. Н. Она мила. Гово-рили о постороннем. Затем вошел Мережковский. Вид его страшен. Глаза сверкают черным огнем. Сев на постель, он с места в карьер стал снова говорить о том, чтобы «застраховаться» на случай получения Нобелевской премии. Я сказала, что Ян едва ли согла-сится, что он суеверен, да и едва ли дадут русским. Он остался недоволен. В это время влетел черный кот, я вскочила и заспешила уйти. Все заахали, закричали.

От них к Аминаду. [...] замучен, но мил, добр, умен. [...] Он нам с Галей напомнил чем-то Яна. [...]

17 апреля.

[...] Шестовых не застала. [...] Пошла к Зайцевым, купила яблок, но и их не застала дома. Рери³ отговаривала меня слушать Кульмана. [...] но я все же решила итти. Там я поняла причину, оказывается, кроме Кульмана выступают сегодня Куприн, Зайцев, Осоргин. [...] В перерыве я пошла в артистическую. Там все участники: Куприн, тихий, трогательный, кроткий. И читал хорошо, было приятно его слушать. Зайцев сиял в смокинге, собирался ехать на вечер Бальмонта, но не поехал — было уже поздно. Осоргин подошел ко мне очень радостно, стал пенять, что я не повидалась с ним до сих пор. [...]

Кульман в своей лекции ни разу добрым словом не помянул Осоргина. [...] зато Яна, Зайцева, Куприна, Шмелева хвалил очень. Народу было порядочно. К концу приехал Алданов, мы с ним возвращались вместе. [...]

18 апреля.

Чувствую себя плохо. Неужели грипп?. [...]

20 апреля.

Вчера проспала 20 часов. Я решила день пролежать, но не в постели, а на постели. — Лекцию Керенского слушала сквозь сон. Под конец он так оживился, что я одолела свое состояние. [...]

21 апреля.

Ян приезжает с Леней. Пишет, что ему жаль оставлять Леню одного. [...]

22 апреля.

Наши приехали. Очень радостно было их видеть.

[...] У Яна вид хороший. Настроение прекрасное. Леня без нас поправился. [...]

Завтра четверть века нашей совместной жизни. Ян предложил мне ресторан, а я предложила купить кувачу и всяких вкусных вещей и позавтракать дома. Накормим «детей» [Кузнецову и Зурова. — М. Г.], пригласим Капитана. Ян засмеялся и сказал: «Да, если бы собрать все деньги, которые мы с тобой за эти 25 лет истратили на рестораны, можно было бы дом купить».

Грустно мне очень. Все вспоминается последний день дома. [...] Грустный вечер, хотя и с большими надеждами. Многие оправдалось, многое оказалось тщетным, но все же жаловаться на свою судьбу не могу.

24 апреля.

На сегодня много всего: Лувр с Ленею, концерт духовный у Инвалидов, потом всенощная и соборование. Хочу завтра причащаться, чтобы седьмая неделя была свободнее. [...]

[В середине мая Бунины вернулись в Грасс. Записи Веры Николаевны возобновляются в июне:]

12 июня.

[...] и какое у нас невежество относительно католиков даже до сих пор. И многие повторяют, что французское сердце от ума, а вот русская душа — это другое дело. А куда же тогда деть М-ель Шапен? Такой доброты и деятельности я не знаю среди русских женщин, это напоминает доктора Гааза, но он был немец. [...]

17 июня.

[...] Но как бы ни восхищаться католиками, я захожу, что мы все должны оставаться в православии

и лишь вносить, не насилуя, то лучшее, что есть у них. Вчера долго и горячо спорила с Ек. М. [Лопатиной. — М. Г.]. Она так стоит за католиков, что желала бы, чтобы все перешли к ним. И сама только боится, а то перешла бы. И по большой страстности своей натуры уже как-то ничего не видит величественного в православии. [...]

23 июня.

[...] Вчера у нас обедал И. И. [Фондаминский. — М. Г.]. Ян завел разговор о «Николае Переслегине»⁴, который он читает.

— Жаль, что некому написать об этой книге. Нет критиков равного уровня. Это не о Шмелеве или Федине писать.

— Неужели вам нравится? — спросил И. И.

— Да, хотя наряду с тем, что он касается очень важных вещей, есть и пошлость и, конечно, уязвимые места. [...]

— Но чего-то в нем нет, несмотря на такой блеск и одаренность, — продолжал И. И. [...]

1 июля.

[...] Мы стали очень мало есть. Принесла Клодиа юбку, а платить нечем. Дала на нитки 6 фр., остальные обещала в понедельник или вторник. [...]

15 июля.

Две недели не записывала. Чувствовала себя дурно. Был вызван к Яну Маан и за одно меня осмотрел. Оказывается, я очень истощена. Нельзя даже по саду вверх ходить. Ян уже больше трех недель теряет кровь. Похудел, побледнел. Все чаще приходит мысль, что без второй операции дело не обойдется. Жаль его ужасно и страшно за него. [...] Мне «детей» жаль. Им очень хочется куда-нибудь проехаться. Но они

кратко проводят целые дни за работой в саду или в доме. [...]

24 июля.

Ян пугает меня своей бледностью. До сих пор кровь. [...] К французскому врачу он обращаться не хочет. Маану звонить тоже не хочет. Пригласить его — дорого. Да и советов Ян все равно не исполняет. [...] Чувствую себя плохо. И Ян беспокоит, и Леня не устроен. [...] Он все больше и больше стоит на том, что осенью уедет в Ригу, а я очень беспокоюсь за него. [...]

7 августа.

Совершенно неожиданно написала фельетон «Заморский гость» — о приезде в Москву Верхарна. [...] Если бы мне Бог помог печатать один фельетон в месяц, т. е. зарабатывать 200-350 фр. в месяц, я была бы несказанно счастлива и это могло бы немного облегчить нашу жизнь. [...]

Здесь Зайцевы (Кирилл), наняли над нами комнату в 300 фр., с правом готовить в кухне. [...]

1 сентября.

[...] Этот месяц прошел с Зайцевыми. Их приезд был приятен. Они довольно легкие люди и нашего уровня, а это уж не так часто встречается. Мне очень приятно говорить с ним, «детям» — с ней. Вот, где чувствуешь разницу поколений. [...]

3 сентября.

[...] Крымов⁵ был у нас в среду. [...] Зеленый яркий галстук туго подтягивал его крахмальный воротничек, курточка розовато-коричневая с золотыми пуговицами, сиреневая рубашка. В очках, через которые ярко голубели ирисы глаз. [...] Разговаривал он только с Яном, ни на кого другого внимания не об-

ратил. Снял только Яна и снялся с ним вдвоем. Лет ему за 50. В прошлом он издатель «Столицы и усадьбы», писал некогда в «Московских Ведомостях», знает очень многих. Они живут под Берлином. [...] Видается с Горьким, Алексеем Толстым. [...]

Ян: — Зачем вы печатаете по новой орфографии, да еще Бог с маленькой буквы пишете?

Крымов: — Новая орфография не большевиками выдумана. А Бог с маленькой буквы — но ведь и человек с маленькой пишется.

(Когда мы это рассказывали Зайцеву, то Кирилл Осипович заметил: — А вы не сказали ему, что и свинья с маленькой пишется?)

Восхищался Толстым: — Сидел он у меня до самого рассвета и много интересного рассказывал. Я считаю, что из прежней литературы только 4 писателя, Иван Алексеевич. Вам, может быть, эта компания не понравится — вы, Куприн, Горький и Алексей Толстой. [...]

Потом он спрашивал о своих произведениях. Ян сказал ему, что он во всех и во всем видит только скверное, точно ничего нет хорошего ни в людях, ни в религии. Даже тяжело читать. [...]

29 сентября.

Канун моих именин, заказали немного лучший обед и завтрак. В доме так мало денег, что нельзя завтра будет никуда отправиться. [...]

Интересное письмо получили от Манухиной. Много верно написано в нем о Скобцовой. «[...] Задалась хорошей и мудрой целью — организовать общежитие для женской эмигрантской молодежи⁶. [...] Денег, конечно, никаких, но веры в предначертанье благого, в помощь Божию — большая. [...] Очень хорошее впечатление осталось у меня от этой монахини совсем нового духа и душевного стиля. Много в ней светлой веселости, врожденной доброты, и при

этом разумность, даже рассудительность и деловитость русской женщины-хозяйки. [...]». [...]

Вчера от папы письмо. Ему [...] поднесли целый поднос подарков, восемьдесят вещей, в честь его восьмидесятилетия. Но что это за вещи. [...] Семь иголок, гвозди, пузырек с подсолнечным маслом, одно яйцо, одно яблоко, четыре конверта. Но были и лучше: кальсоны, воротничек, 2 больших носовых платка, духи, одеколон. [...] Видимо доволен, т. ч. и гости его не утомили. Но у него грудная жаба, значит, каждый момент может быть конец.

13/30 сентября.

[...] письмо от С.: папа почти голодает, нет ни сахара, ни масла. С. советует посылать ему деньги через Торгсин. [...] Легко сказать, но трудно сделать. [...] Я совершенно без копейки, у Яна тоже очень плохо. [...] Вчера не могла заснуть пол ночи. Разные проекты. [...]

1/14 окт., Покров.

[...] Вчера была у всенощной. Ян дал мне 15 фр. — «последние». В церкви было очень хорошо. И я молилась усердно. Больше всего о папе, о возможности послать ему нужное. [...]

Возвращалась, как и шла в церковь, морем. [...] Шла и думала, что мама чувствовала и о чем мечтала накануне моего рождения. [...] Я вышла не в ее вкусе, ей нужно было иметь дочь совершенно из иного теста. [...] Мы же на редкость были несозвучны, и много заставляли друг друга страдать. С папой, особенно в детстве, было легче. [...]

[Из записей Ив. Ал. Бунина:]

Понед., 3. X. 32.

В городе ярмарка St. Michel, слышно, как ревут

коровы. И вдруг страшное чувство России, тоже ярмарка, рев, народ — и такая безвыходность жизни! Отчего чувствовал это с такой особ. силой в России? Ни на что непохожая страна.

Потом представилось ни с того, ни с сего: в Париж приехал англичанин, разумный, деловой, оч. будничныи человек. Отель, номер, умылся, переделся, вышел, пошел завтракать. Во всем что [что-то. — М. Г] такое, что сам не узнает себя — чувство молодости, беспричинного счастья... Напился так восхитительно, что, выйдя из ресторана, стал бить всех встречных... Везли в полицию соверш. окровавл[енного].

[Из записей Веры Николаевны:]

12/25 октября.

День Ангела Яна. Празднуем его фазаном. [...] Сегодня получен чек от Гербера в 3000 фр. за «Чашу жизни и другие рассказы» на шведском языке. [...]

Взволновала меня мысль о «подвижной библиотеке религиозных книг» [...]

[Запись И. А. Бунина:]

18. X. 32.

Лежал в саду на скамье на коленях у Г., смотрел на вершину дерева в небе — чувство восторга жизни. Написать бы про наш сад, — что в нем. Ящерицы на ограде, кура на уступе верхнего сада...

[Из дневника Веры Николаевны:]

6 ноября.

[...] Нужно сознаться, что я не дождусь, когда, наконец, разрешится на этот год вопрос о Нобелевской премии — устала ждать. [...] Ян спасается писанием — второй том «Жизни Арсеньева» понемногу развивается. Отвлекает его от всяких мыслей. [...]

Письмо от Амфитеатрова. Очень грустное. Им очень плохо. [...] Он пишет: «'Иисус Неизвестный' Мережковского, по моему неизвестен только самому автору, по крайней мере, тщетно искал в нем хотя бы одной новой мысли, а тем более «нового слова». Сплошной монтаж (в старину плагиатом звали) в перемежку с кимвалом, пусто гремящим. Я очень рад, что мне не пришлось писать об этой книге в печати. [...]» О себе: «Естественная смерть в сентябре пропустила случай взять, искусственную презираю: грех велик перед Богом — боюсь».

Вот, действительно, жизнь. И чего, чего не пере-пробовал Амфитеатров за свою долгую жизнь, был богат и знатен, а стал нищ и почти безвестен.

7 ноября.

Медленно проходит томительный день. [...] Ян днем спал. Он с утра пишет. Писал и вчера весь день. [...] Я долго не могла уснуть. И почему такая тревога? Какой бы ни был исход, радостей он принесет меньше, чем печалей, во всяком случае, мне. [...]

14 ноября.

Четыре дня прошло со дня присуждения Нобелевской премии⁷. От Шассена письмо, в котором он выразил возмущение академиками и стыд за них. Значит, шансы Яна были велики и только не посмели. [...]

Дом наш принял это известие сдержанно. Все-таки хорошо, что дана настоящему писателю, а не неизвестному. Но только он богат и, кажется, денег себе не возьмёт. [...] Сердцем я не очень огорчена, ибо деньги меня пугали. Да и есть у меня, может быть, глупое чувство, что за все приходится расплачиваться. Но все же, мы так бедны, как, я думаю, очень мало кто из наших знакомых. У меня всего 2 рубашки, наво-

лочки все штопаны, простынь всего 8, а крепких только 2, остальные — в заплатках. Ян не может купить себе теплого белья. Я большей частью хожу в Галиновых вещах. [...]

Ян спасается писанием. Уже много написал из «Жизни Арсеньева». [...] работает он, как всегда, по целым дням. [...]

19 ноября.

[...] Мережковского во всех почти газетах называют единственным кандидатом на Нобелевскую премию. Почему? И что страннее всего, даже в «Сегодня», где писали, что «Бунин в Стокгольме у всех на устах». [...]

30 ноября.

Опять давно не писала. Труден стал дневник. Главного не скажешь, а не главного очень мало.

Письмо от Верочки Зайцевой. Очень талантливо дала Сирина. Я так его и чувствую. [...] Пишет, что он «Новый град» без религии. Глядя на него не скажешь: «Братья писатели в вашей судьбе что-то лежит роковое». [...]

20 декабря.

Ян и Галя уехали [в Париж. — М. Г.]. Леня готовит обед. [...] Ян мне сегодня раза 3 сказал, что ехать ему очень не хочется. Это меня немного волнует. [...]

31 декабря.

Последний день этого високосного года, даже последние 4 часа. Сейчас ровно восемь. Если в эти дни ни с кем из моих близких ничего несчастного не случилось, то я буду считать этот год счастливым. [...] У меня, благодаря чтению хороших книг, выработалось спокойное отношение ко всему, что происходит.

[...] Кроме того, моей души коснулись 2 величайшие души, жившие на земле: Тереза Святая и Жюльена Норвич. [...]

Мое писание подвигается медленно. [...] За весь год написала я только 2 фельетона: «Заморский гость», «Завещание», а «Москвичи» были написаны в прошлом году. [...]

Я научилась в этом году хорошо переносить одиночество, ибо я его не чувствую. [...] Об Яне я не скучаю. Лишь беспокоюсь. Буду счастлива, когда они вернутся. Он пишет нежные, но очень короткие письма. Галя же делится с нами почти всем. [...]

1933

[Из рукописного дневника Веры Николаевны:]

4 января.

[...] много интересного рассказывал А. В. [Неклюдов. — М. Г.] о доме Соллогуба-Бодэ Колычева, что на Поварской, дом, где якобы жили Ростовы в «Войне и мире». Он в этом доме бывал еще гимназистом, знает все его закоулки. [...]

6 января (24 дек.).

[...] От Яна деньги для Жозефа¹ и 100 — нам. Перед вечером [...] тревожный звонок: телеграмма, еще 100 франков. [...]

7 января (25 декабря).

[...] За 25 лет я первый раз проводила этот день без Яна. А тревожно провожу вторично. Первый раз это было 22 года тому назад, в Порт-Саиде. У него — боли в почке, всю ночь горячие припарки. [...] Сейчас тревоги меньше, но все же тревога.

11 янв.

У Гали плеврит, пока сухой. Вот горе! У Яна было тоже около 40°. [...] Деньги опять вышли. [...]

24 января.

[...] Наши приехали в четверг 12-ого. Оба больные. У Яна насморк и кашель, а Галя в страшной слабости. [...]

Рассказывал [Крымов. — М. Г.] о Толстом. У них 14 комнат. Картинная галлерея. Дочь его, Марьяна, летчица, живет с ними. Ника, ему теперь лет 16, очень способный, электротехник, но, видимо, хулиган. Прибил крохотными гвоздями галоши гостей к полу, гость надел их, хотел сделать шаг и растянулся. Папаша рассказывал об этом с восторгом. Раз он вернулся домой часа в 3 ночи, нажал кнопку, чтобы зажечь лампу, и вдруг электрический плакат: «Не пора ли бросить водку и вспомнить о книжке». [...]

От Толстого Крымов в восторге, и как от писателя, и как от собеседника. Но никаких замечательных бесед он не передал. [...] Крымову понравилось, когда я рассказала, что Толстой говорил: «Когда вхожу куда-нибудь, то бледнеют, — боятся, попрошу займы». [...]

У них в Берлине в их литературном кружке, состоящем из Крымова, Бурда, Гуля, Горького, Кречетова и еще кого-то происходят литературные чтения. [...]

Ян на-днях написал приветствие Митрополиту Евлогию в стиле 17-ого века. [...]

[В архиве сохранился листок — рукописная копия этого письма:

Высокочтимый и возлюбленный Владыко.

Позвольте просить Вас принять наши самые сердечные поздравления по случаю тридцатилетия Вашего архиерейского служения. Да пошлет Вам Господь

еще многие и многие лета сил и благоденствия на радость всей Вашей пастве. Испрашивая святых молитв Ваших за всех нас, пребываем навсегда всей душой преданными Вам

Смиренными чадами Вашими

Ив. Бун.

В. Бунина.]

16 февраля.

Жили тут Минские². Я раза 3 с ними встречалась, он не узнавал меня. [...] Раз мы с Яном увидели их. Шли навстречу. Минский повернулся на 90° и стал смотреть через улицу, а Ян меня крепко схватил за руку. Я думала, что он хочет обратить мое внимание на то, что это русские, а он, пройдя, сказал: — Да это Минский. — И стал декламировать его стихотворение о Сирокко, посвященное Гиппиус.

Ян говорил об его стихах — Неправда, что он плохой поэт, как его теперь расценивают. Он очень искусный стихотворец! [...]

Приехали Фондаминские. [...] Страстно, яростно он говорит только о политике, при чем обнаружилось, что он хочет уловить доминирующее желание молодежи в СССР и работать с ними: — Дайте мне десяток молодых людей оттуда и я пойму, что *им* нужно. [...]

24 февраля.

[...] Получила на-днях письмо от Манухиной, очень хорошее, и от «Loratin». [...] в нем она прислала письмо Каллаш к ней.

Все письма длинные — вот 3 русские женщины, чисто русские души, все души религиозные и напряженно верующие — какие они разные!

Культурность и умственно-духовное напряжение Манухиной, воспитанное десятилетним чтением католических книг, серьезное отношение к себе, к своей

работе. [...] Писание для нее — служение в меру сил. Страстность, блеск, беспорядочность, безудержность Каллаш, издаваемойся надо всем и над всеми, начиная с себя самой, какая-то религиозная одержимость. И, наконец, взволнованное чувство Бога Лопатэн, ее художественность в религии, богатство религиозного восприятия и, в то же время, не меньше, чем у Каллаш, страстность ко всем — и друзьям, и врагам. Но, если у нее есть тонкий юмор, то у Каллаш — сатира, порой довольно грубая, порой блестящая.

Все три писательницы, все три любят литературу, но по-разному. [...]

24 февраля.

[...] стали говорить о Толстом [А. Н. Толстой. — М. Г.], и тут обнаружилось, что и Фондаминский и полковник считают его необыкновенно интересным человеком и И. И. сказал, что его личность несравнима с личностями Зайцева, Куприна, Шмелева. Меня это удивляет, неужели если человек буфонит, смешит, то, значит, личность его выше? [...] Ведь Толстой очень однообразен — рассказы о действии желудка с подробностями, утаскивание золотых перьев с шуточками, переход на «ты», якобы в пьяном виде, съедание какого-нибудь блюда, предназначенного для всех. Действительно, все это он делал талантливо, но и только. Но почти никого он не умеет представлять и, конечно, он как писатель несравненно выше, чем как рассказчик, как собеседник. [...] Но у него был шарм, комичность фигуры, и то, что он себе сказал, что ему все дозволено, а это очень ошарашивает людей. [...]

8 марта.

[...] Вчера приехали Степуны. [...] Он так чудесно говорит, каждому отдает чуточку внимания, каждому отвечает. [...] Конечно, о Гитлере — «метафизический парикмахер». [...] И как с ним легко касаться всяких

тем, сразу все схватит, перевернет и подаст так, как редко кто. [...]

Из всего, что мы узнали от Степуна:

Гитлер является оплотом мелкой буржуазии, маленьких чиновников, ремесленников, деклассированных офицеров, людей свободных профессий, вроде массажистов. [...] Гитлер человек глупый, но такой, что всегда, даже за бритьем, только думает «о своем». Окружение выше его. У молодежи явилась тяга в деревню. [...] Уже несколько профессоров-евреев лишлись места. [...]

Положение наше денежное очень плохо. Слава, Богу, до 7 апреля заплачено Жозефу. [...]

10 марта.

Сию минуту письмо от Мити [Дм. Н. Муромцев. — М. Г.] — *скончался папа*.

Я не подозревала, что это будет так тяжело. [...] Папа сам надписал конверт мне, в котором должно быть извещение об его смерти, и просил сделать это немедленно.

13 марта.

Сказала вчера Яну. Он очень был трогателен. Много говорили. Сегодня я сказала Гале с Леней. [...]

Письмо от Павлика [П. А. Муромцев. — М. Г.]. [...] «Теперь таковы условия жизни, что уход в 80 лет, быть может, является освобождением от слишком тяжелых цепей и многие из окружающих с завистью поглядывали на труп. Современная жизнь не влечет, и уход из нее, б. м. — освобождение от очень и очень тяжелых уз». И кончает: «Никто, как Бог, а пока будем тянуть ляжку».

20 марта.

[...] Приехал Олейников. [...] Познакомили его со Степунами и Фондаминскими. [...]

31 марта.

Вечером к нам пришли И. И. [Фондаминский. — М. Г.] и Степун. [...] Затем разговор перешел на серьезные темы.

И. И.: Теперь хотят распространить власть до самого дна души, а если человек этому не поддается, ему говорят: «не существуй!» Так у большевиков добивают всех, кто не с ними, так, в меньшей мере, и у фашистов. [...] в Германии нельзя быть нейтральным. У них то же, что у большевиков — «кто не с нами, тот против нас». [...]

Степун: [...] все совершилось без всякого сопротивления, ведь в России все же сопротивлялись.

Ян: А кто мог сопротивляться?

Степун: Социал-демократы. [...]

Потом И. И. говорил, что у него одна надежда, что Франция, Англия и Америка поумнеют и, так сказать, сохранят «свободы». [...]

Ян: А скажите, — обратился он к Степуну, который в этот момент с большим аппетитом ел свое любимое пирожное, которое тут называется «макаронами»: — а скажите, чем можно объяснить антисемитизм у немцев? Ну, у хохлов понятно: они любят лезать, коряки драть, а «жид» работает.

Степун, проглотив лакомый кусок, с радостной готовностью стал говорить, сначала сидя, затем встал, потом зашагал: — Нет, тут другая причина, немцы работать умеют не хуже евреев. Антисемитизм развивался у них в разных кругах по разным причинам. Так, в ученых кругах он связан с противомарксизмом. Среди евреев много ученых этого направления, т. ч. в Германии имеется научный антисемитизм. Ведь социализм с юдаизмом имеют одну и ту же цель — оба хотят осчастливить всех людей. [...] Большой антисемитизм в армии. [...] Меньше всего антисемитизма в биржевых, торговых кругах. [...]

18 апреля.

[...] То, чего я больше всего боялась, случилось — *Павлик* [брат В. Н. — М. Г.] *заболел психически*. [...] Нашим не сказала. [...] Такого дня я, кажется, никогда не переживала. [...] Тяжело до боли. Хочется кричать!

24 апреля.

Я в ужасном состоянии. Ничего не могу делать. Работоспособность упала до минимума. [...]

19 мая.

[...] Вчера ровно месяц моих невыносимых мучений за Павлика. Это даже грех. [...] сознавать, что страдает самый близкий тебе человек, которому ты почти ничем не можешь помочь, это иногда мне кажется сверх моих сил. [...] Мой грех и Павлик. Я чувствую, что должна была сделать в жизни — посвятить себя ему. Ведь его душа была в моих руках, ведь я, вероятно, могла бы удержать его от всего дурного, если бы всецело отдала ему себя. [...] А Ян и без меня прожил бы отлично [...]

Ян на-днях сказал мне: — Я пока вниз, тысячу раз подумаю о тебе. Тысячи мыслей прорежут мой ум. — Он, конечно, говорил правду. Но я ему нужна лишь чем-то одним. И понятно, он, собственно, весь в творчестве, т. е. сам в себе. [...]

Один Ян все же прибежал, заглянул ко мне. Из него истекает ко мне нежность большая, но безмолвная и всегда убегающая. [...]

26 мая.

Кризис полный, даже нет чернил — буквально на доньшке, да и полтиннички у меня на доньшке. [...]

27 мая.

Потушила свет вчера ровно в полночь и скоро заснула. Сквозь сон — шаги, затем кто-то крадется.

Оказалось — Ян, пришел проститься. Я обрадовалась. Он рассказал содержание фильма, которую так расхвалили [...]

Проснулась рано. Ян встал раздраженный. [...] он в ужасе от своего писания — был в каком-то припадке тихого отчаяния. Он переутомился. Безденежье. Однообразие. Неврастения. [...]

Ян восхищается, как умирал Толстой, как он все хотел понять смерть, а мне это желание кажется беспомощным. И, если что потрясает, так это именно его слабость, беспомощность всех этих действий и поступков.

[Запись Бунина, уехавшего в Париж:]

8. VI. 33.

7½ вечера, подъезжаю к Марселю. Горы голые, мелового цвета, ужасные предместья. Мост, под ним улица, трамвай... Рабочие улицы, ужас существования в них. Всякие депо, шлак... Еще жарко, сухо. Зажженные алым глянцем стекла в домах на горе. Вдали Notre Dame de la Garde... К какому-нибудь рассказу: больной подъезжает к большому городу.

[Запись Бунина:]

10. VII. 33.

Бальмонт прислал мне сонет, в котором сравнивает себя и меня с львом и тигром.

[Среди писем К. Бальмонта Ивану Алексеевичу сохранилась страничка с упоминаемым Буниным сонетом, написанным рукой Бальмонта:

ДВА ПОЭТА

Ив. Бунину

Мы — тигр и лев, мы — два царя земные.
Кто лев, кто тигр, не знаю, право, я.
В обоих — блеск и роскошь бытия,

И наш наряд — узоры расписные.
Мы оба пред врагом не склоним выи,
И в нас не кровь, а пламенной струя.
Пусть в львиной гриве молвь, — вся власть моя, —
В прыжке тигрином метче когти злые.
Не тигр и лев. Любой то лев, то тигр.
Но розны, от начала дней донине,
Державы наши, царские пустыни.
И лучше, чем весь блеск звериных игр, —
Что оба слышим зов мы благостыни,
Призыв Звезды Единой в бездне синей.

Кламар, 1933, 5 июня К. Бальмонт.]

Я написал в ответ:

Милый! Пусть мы только псы
Все равно: как много шавок,
У которых только навык
Заменяет все красы.

[Из записей Веры Николаевны:]

14 июля.

Эти дни очень тяжело. Вести о Павлике неутешительные. Видимо, полного выздоровления не будет. Боюсь, начнется разложение личности. [...]

Я кончила перестукивать книгу Курдюмова³. По новому подает Чехова, с религиозной стороны. [...]

[Из записей Бунина:]

21. VII. 33.

Вечер, шел через сад Montfleury, чувствовал снова молодость и *великое одиночество*. [...]

В молодости неприятности на долго не держались у меня в душе — она их, защищаясь, выбрасывала.

Почти все сверстники были грз. [гораздо] взрослей меня. Vita scribi ne quit.

30. VII. 33. Grasse.

Проснулся в 4½. Довольно сумрачно — рассвет совсем как сумерки. В синеватых тучках небо над Эстерел[ем], над Антибск[им] мысом по тучкам красноватое, но солнца еще нет.

Вечером гроза. Лежал, читал — за окнами содрогающееся, голубое, яркое, мгновенное.

Ночью во мне пела «Лунная Соната». И подумать только, что Бог все это — самое прекрасное в мире и в человеческой душе [глагол тут пропущен. — М. Г.] с любовью к женщине, а что такое женщина в действительности?

[Вера Николаевна записывает:]

5 августа.

[...] Гуляли все вместе. Далеко прошли по Ницкой дороге. Ночь прелестная, высоко в небе стоял полный месяц. [...] Опять говорили о Шмелеве. О том, что он многим доступен, благодаря своей «национальности». [...]

Потом долго сидели на лавочке. А на обратном пути я завела речь об Анне Карениной. [...] И всю дорогу до дому у нас шла речь о Толстом. И я вспомнила наши глотовские вечерние прогулки и те же восхищенные речи о нем.

7 августа.

[...] Вчера после обеда, когда уже стемнело, вошел Ян со словами: — Ночь — одна в году. Пойдем же к павильону, только через 20 минут.

И, действительно, было хорошо. Шли по парку, увидели маленьких зверьков [...] пришли к заключению, что это крысы. [...] Дошли до дуба. Сидели,

смотрели на море, откуда низко шел туман, закрывший уже прибрежные огни. [...] Иногда мне кажется, что Ян чувствует, понимает мое горе и даже бережно к нему относится. [...]

20 августа.

[...] От Цветаевой⁴ письмо. [...] Хочет написать об Иловайских и своем доме. Просит у меня материалов. По ее вопросам сужу, что у нее материала мало и многое легенды. Я уже отослала ей 2 письма. [...]

5 сентября.

[...] Нам придется 2 недели быть без мяса, ибо Ян выдает по 35 фр. в день. [...]

6 сентября.

[...] Проснулась в девятом часу. Ян уже встал. Когда я вошла, он сидел за столом и собирался писать. Поздоровался ласково, радостно.

Вчера мы — Ян, Галя и я вечером гуляли. Говорили о преподавании в школах. Ян напал на то, что столько лет тратится на учение, говорил, что нельзя учить елецкого гимназистика о Теодорике, или что такое «изъявительное наклонение», что учебники очень плохи. [...] Ему кажется, что во всем мире учат не тому, что нужно и убить 20 лет на учение — это Бог знает, что такое. [...]

[Из записей И. А. Бунина:]

17. IX. 33. Воскресенье.

Видел во сне Аню [А. Н. Бунина, ур. Цакни. — М. Г.] с таинственностью готовящейся близости. Все вспоминаю, как бывал у нее в Одессе — и такая жалость, что... А теперь навеки непоправимо. И она уже старая женщина и я уже не тот.

Уехал Рошин. Тихий сероватый день. И все напеваётся внутри «Яблочко» — истинно роковая песня России. Какая в ней безнадежная тоска, гибельность!

Coitus — восторг чего? Самозарождения? Напряжения жизни? Убийства смерти?

За последнее время опять — в который раз! — перечитал «Анну К[аренину]» и «Войну и м[ир]». Нынче кончил почти четвертый том — осталась посл. часть «Эпилога». Про Наполеона неотразимо. Испытал просто ужас, и *до сих пор* обожевлен!

18. IX. 33. Понедельник.

Удивительно прекрасный день. Был в Cannes [...] Сидел на скамеечке перед портом, ел виноград. Был у Карташевых [...] Опять он поразил меня талантливостью. [...]

Читаю «М[ертвые] Души». Нельзя читать серьезно — оч[ень] талантл[ивый] шарж и только. А чего только не наплели! «Гениальн. изображение пошлости...» И чего только сам не вообразил! «Горьким словом моим посмеюся...» России почти не видал, от этого местами нелепое соедин[ение] Малороссии и Великороссии.

Умер Осип Серг. Цетлин. И осталось Монте Карло, вечная праздничная синь моря.

1. X. 33.

Вчера именины Веры. Отпраздновали тем, что Галя купила кусок колбасы. Недурно нажился я за всю жизнь! [...]

Проснулся оч. рано, мучась определением почерка подписи под какой-то открыткой ко мне: Сталин.

Прочел 2/3 «Воскресения» (вероятно, в десятый раз). Никогда так не ценил его достоинства (просто сверхъестественные в общем, несмотря на множество каких-то ожесточенных парадоксов, что-ли).

Известие в письме из Москвы о смерти Насти⁵. Оказывается, умерла уже «года три тому назад». Какой маленький круг от начала до конца человек. жизни! Как я помню, как я гимназистом ехал с ней, держа венч[альную] иконку, в карете в Знаменское! В жизни то и дело изумление, недоумение, а выражать это — наивность!

12. X. 33.

Прекрасный день, но ничего не мог писать. Кажется, серые, прохл., вернее, совсем свежие дни лучше для меня (для работы). Только теперь.

Проснулся часов в 5 — уже не первый раз за последн. [время. — М. Г.] под пение петухов.

Думал: что тут главное? Кажется, что очень *горловое*, ни чуточки груди. И напряженное. И еще думал: как хорошо так жить — живу с природой, с петухами, с чистым воздухом горным (сплю все еще внизу, отворяя дверь в столовую, где открываю балконную дверь).

13. X. 33.

Ездил в Cannes. Хороший день, что-то под одесское осеннее. Море похоже на Черное. Купание кончилось. Пляж пустой и стал маленький, главное — маленький.

15. X. 33.

По утрам, проснувшись, слышу, как лают собаки на соседней дачке уже совсем новым, *зимним* лаем: за *этим* лаем зима (южная), глушь, свежесть (та, что у нас в октябре).

[Вера Николаевна записывает:]

19 октября.

Неприятный день. Завтра присуждается премия Нобеля. Хорошо, что в этом году мы за неделю узнали об этом, и только сегодня об ней думали и говорили.

[...] К нам теперь ездят со своей закуской. Действительно, обеднели очень.

Есть одна надежда — на синематограф. Полонский из Холливуда прислал предложение дать ему право продать или заглавие или всю вещь «Г[осподин] из Сан Франциско». [...] Если бы это дело вышло, то мы были бы спасены, иначе будет очень плохо. [...]

[Запись Бунина:]

20. X. 33. 9 ч. утра.

16-го послал авион Полонскому в Холливуд. 18-го еще.

Нынче проснулся в 6½. Лежал до 8, немного задремал. Сумрачно, тихо, испещрено чуть-чуть дождем возле дома.

Вчера и нынче невольное думанье и стремление не думать. Все таки ожидание, иногда чувство несмелой надежды — и тотчас удивление: нет, этого не м. б.! Главное — предвкушение обиды, горечи. И правда непонятно! За всю жизнь ни одного *события*, успеха (а сколько у других, у какого-нибудь Шаляпина, напр!) Только один раз — Академия⁶. И как *неожиданно!* А их ждешь...

Да будет воля Божия — вот что надо твердить. И, подтянувшись, жить, работать, *смириться мужественно*.

[Вера Николаевна записывает:]

29 октября около 7 час. утра.

Проснулась в 6 ч. Сошла вниз, напилась кофею. Приготовила Яну. И опять наслаждаюсь утренней тишиной спящего дома.

Вчера весь вечер провела у Кульман. Было грустно — они уезжают. [...]

Ян встал — добр и спокоен. [...]

Письмо от Марины Цветаевой — страстно-восторженное передо мной в прошлом. Пишет, что у меня «козьи глаза». Леня и Галя согласны. Леня даже пришел в восторг. Ему нравятся ее портреты: «намешано, намешано, а выходит живой человек». [...]

5 ноября.

[...] Из Америки насчет синема ответа нет. Ян думает, что один из многих неосуществленных проектов. [...]

В четверг почта принесла деньги из 2 мест: из «Совр. Зап.» и от сербов. Передышка дней на 15.

7 ноября.

Вчера нас взволновали письма: от Могилевского, Алданова, Бориса [Зайцева. — М. Г.]. В субботу пришла от Кальгрена⁷ телеграмма в «Посл. Нов.», в которой он просит сообщить адрес Яна почтовый и телеграфный и какое его подданство. [...]

13 ноября.

[...] В четверть пятого 9 ноября по телефону из Стокгольма я впервые услышала, что Ян Нобелевский лауреат⁸. [...] За эти дни у нас столько было всего, что сопровождает всегда славу — и как все это поверхностно, и собственно не нужно. [...]

14 ноября.

[...] Ян едет в Париж. Отъезд Яна — настоящее комическое синема. Он все делал сам, убирал вещи, комнаты, складывал белье, пары — словом, волновался очень.

21 ноября.

Ночь. Не сплю. Убираю вещи. Вчера письмо от Мити — Павлик покончил с собой 12 ноября в 1 ч. дня. Принял яд. [...] в 7 часов скончался. [...] Ян очень взволновался, хорошо сказал мне несколько слов. Остро хочется быть с ним.

25 ноября, Париж.

Уже ощущение славы явственнее. Уже живем в Мажестике. Уже заказываем манто у Солдатского. Уже чувствую, что многие обиделись, обижаются. Но не могу сказать, что много испытываю радости. Лучше всего ездить на такси и смотреть вокруг.

Два дня здесь, а наедине с Яном была всего минут 20, не больше. Устала так, что сейчас нет 10, а писать трудно.

27 ноября.

Вчера познакомилась с Г. Л. Нобелем и его женой, за завтраком у Корнилова. Он мне очень понравился, похож на Царицынских немцев..

3 декабря.

Поезд. Цветы, конфеты, фрукты. Проводы. Необыкновенно грустно. В голове Павлик. [...] Трудно улыбаться. Ян тоже был какой-то растерянный. Грустно было разлучаться с Леней. Хотя ему пожить в Париже одному полезно. Книги его нравятся. [...]

На границе: [...] вызвал подозрение мой чемодан, перевязанный ремешком. Старший [...], увидав тетради, альбом, как-то безнадежно махнул рукой.

У Яна тоже потребовали открыть чемодан, где были рукописи. [...] Яша [Я. Цвибак — Андрей Седых. — М. Г.] что-то говорил перед этим насчет премии, но на бельгийцев это не подействовало. [...]

Около часу ночи Галя разбудила меня. Приблизилась Германия. [...] Опять быстро заснула. И опять была разбужена, на этот раз проводником, принес кофе с розанчиком, где были тончайшие ломтики колбасы. Было около 8 ч. утра (нем. время). [...] Вошел Ян. В восхищении: «Солнце оранжевое, красное выкатилось. Чудесное морозное утро». Вчера, когда мы вернулись из вагона-ресторана, он сказал: «Первый раз почувствовал, испытал приятность». [...]

В Гамбург пришли с опозданием на 3 ч. Но, м. б., к лучшему. Ян весь день спал. [...]

От парижской жизни осталось лишь впечатление сутолоки. [...] Пожалуй, приятнее всего было у Кянжунцевых — среда, где премия кажется грошами. Они, действительно, рады, что нам лучше, неприятных завистливых чувств у них не может быть.

В этот же день заезжали к Шаляпину. Я не видела его почти столько же времени, как и Павлика, почти ровно 18 лет. Он постарел, но приобрел более, я бы сказала, организованный вид и в лице и в манерах. Был любезен, гостеприимен. Квартира богатая, с редкими вещами. Кабинет с камином, высокое огромное окно, как в студии художников. Деревянная лестница куда-то, наверху на перила наброшен гобелен. Угощал нервно, порывисто медом, белым вином, которое сам пил, несмотря на диабет. [...] Одет был изысканно. Темные брюки, бежевый пиджак, сшитый очень хорошо. Зеленая рубашка и в тон галстук — продолговатая клетка зеленая и черная.

Столовая тоже огромная, освещена тускло. Есть фарфор русский. Поражает высота комнат. Видели дочерей — Стеллу, уже барышню, похожую на мать,

и самую младшую, высокую 12-летнюю девочку. Обе с отцом обращались свободно.

Говорили о Горьком. Они с Шаляпиным переписывались еще 2 года тому назад. Шаляпин или не понимает или делает вид, что не понимает ничего в политике — «Я думал, что эти люди действительно хотят блага народу. Я мужик, крестьянин. А у них Бог знает что. Горький звал назад. Я отказался. Он написал, что знает мою жадность. А они обещали все возратить мне, но почему только мне? Я здесь тоже богат, но тут всякий богатым может быть, а там исключение».

Говорил, что боялся видеться с нами, т. к. ему передавали, что Ян бранит его сильно. Я думаю, что просто не вспоминал. Как и раньше, интереснее то, как он говорит, чем то, что он говорит. [...]

Покинули Гамбург без большого сожаления. [...] Четверть третьего паром. [...] Вошел шведский журналист, говорящий по-немецки и по-английски. Мне пришлось давать ему интервью. [...] В Малме — депутация русских и журналисты. [...]

6 декабря.

[...] В Стокгольме встреча — русская колония, краткое приветствие, хлеб-соль, цветы; знакомые — Шассен и Олейников, — много неизвестных. Знакомства. Фотографы, магния итд.

Прекрасный дом, квартира в четвертом этаже, из наших окон чудный вид. Напоминает Петербург. Комнаты прекрасные, мебель удобная, красного дерева. Картины. Портреты. [...]

После завтрака сидели с Мартой Людвиговной [Нобель. — М. Г.], рассматривали книгу о Нобеле. Она очень милая женщина, но совсем глухая. [...]

Был Троцкий. Рассказывает, что за кулисами творилось Бог знает что. Кто-то из Праги выставил Шмелева. Бальмонт тоже был кандидатом, Куприн — но

это не серьезные. Мережковский погубил себя последними книгами. Ян выиграл «Жизнью Арсеньева». [...] Дания выставляла Якобсона и пишет, что «Бунин это тот, кто помешал нашему писателю увенчаться лаврами».

Ян вернулся из турецкой бани веселый, надел халат, обвязал платком голову и пьет чай с Олейниковым. Сегодня я не сказала с ним ни слова. [...]

[В «Воспоминаниях» Ив. А. Бунина (Париж 1950 г.) помещена статья «Нобелевские дни». В архиве сохранилась рукописная записка Бунина с воспоминаниями о событиях 10 декабря 1933 года:]

В день получения prix Nobel.

Был готов к выезду в 4½. Заехали в Гранд-отель за прочими лауреатами. Толпа едущих и идущих на улице. Очень большое здание — «концертное». Лауреатов [след. слово написано неразб. — М. Г.] провели отдельным входом. Все три молодые. [Опять неразб. напис. слово. — М. Г.], который должен был произнести обо мне речь (Секр. академии?).

В зале фанфары — входит король с семьей и придворные. Выходим на эстраду — король стоит, весь зал стоит.

Эстрада, кафедра. Для нас 4 стула с высокими спинками. Эстрада огромная, украшена мелкими бегониями, шведскими флагами (только шведскими, благодаря мне) и в глубине и по сторонам. Сели. Первые два ряда золоченые вышитые кресла и стулья — король в центре. Двор и родные короля. Король во фраке (?). Ордена, ленты, звезды, светлые туалеты дам — король не любит черного цвета, при дворе не носят темного. За королем и Двором, которые в первом ряду, во втором дипломаты. В следующем семья Нобель, Олейниковы. В четвертом ряду Вера, Галя, старушка-мать физика-лауреата. Первым говорил С. об Альфреде Нобель.

Затем опять тишина, опять все встают, и я иду к королю. Шел я медленно. Спускаюсь по лестнице, подхожу к королю, который меня поражает в этот момент своим ростом. Он протягивает мне картон и футляр, где лежит медаль, затем пожимает мне руку и говорит несколько слов. Вспыхивает магния, нас снимают. Я отвечаю ему.

Аплодисменты прерывают наш разговор. Я делаю поклон и поднимаюсь снова на эстраду, где все продолжают стоять. Бросаются в глаза огромные вазы, высоко стоящие с огромными букетами белых цветов где-то очень высоко. Затем начинаются поздравления. Король уходит, и мы все в том же порядке уходим с эстрады в артистическую, где уже нас ждут друзья, знакомые, журналисты. Я не успеваю даже взглянуть на то, что у меня в руках. Кто-то выхватывает у меня папку и медаль и говорит, что это нужно где-то выставить. Затем мы уезжаем, еду я с этой милой старушкой-матерью. Она большая поклонница русской литературы, читала в подлиннике наших лучших писателей. Нас везут в Гранд отель, откуда мы перейдем на банкет, даваемый Нобелевским Комитетом, на котором будет присутствовать кронпринц, многие принцы и принцессы, и перед которым нас и наших близких будут представлять королевской семье, и на котором каждый лауреат должен будет произнести речь⁹.

Мой диплом отличался от других. Во-первых тем, что папка была не синяя, а светло-коричневая, а во-вторых, что в ней в красках написана [написаны. — М. Г.] в русском билибинском стиле две картины, — особое внимание со стороны Нобелевского Комитета. Никогда, никому этого еще не делалось.

[Продолжение записей Веры Николаевны:]

24 декабря. Сочельник — их. Дрезден.

[...] Очень живу Павликом. [...] Очень тяжело. [...] В Дрездене я ничего не видала. [...] У Степунов бываем, они очень милы и заботливы. Ян с Ф. А. перешли на «ты». У них живет его сестра Марга. Странная большая девица — певица. Хорошо хохочет. [...]

25 декабря.

[...] Была в церкви, но католической, а Галя — в двух протестантских. В них горят огнями елки. [...]

31 дек.

Мы в Берлине. Все случилось неожиданно, как это у нас всегда бывало в далекие годы наших странствий. [...]

Остановились в Континенталь-отель. [...] Вечер вчера прошел хорошо. Но все же это не Стокгольм. Там был энтузиазм, а тут чувствуется вялость. Гессен, оказывается, не оратор, в нем нет ничего чарующего. Степун говорил хорошо. [...] Главная тема его речи — «подлинность». Сирий гораздо лучше понимает стихи Яна и звук их передачи правильный. Выбор хорош и смел. [...] И все же Ян стихи свои читает лучше всех. Он умеет заморозить слушателей. [...]

Кончается самый для меня незабываемый год. Тяжело было и после кончины мамы, но все же была одна потеря, а этот, кроме двух смертей, принес еще ужасную болезнь Павлика, кончившуюся самоубийством. И это известие пришло среди поздравительных телеграмм и писем. Не знаю, как отнестись к Нобелевской премии. С ней тоже что-то утерялось дорогое для меня в Яне. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть третья

1920 (продолжение)

1. Остановились Бунины у Мих. Ос. и Марьи Сам. Цетлиных. Цетлин, бывший эс-эр, критик и писатель, и его жена, видная общественная деятельница, играли большую роль в русской эмиграции, имели литературный салон, были близки к редакционной коллегии журнала «Современные Записки» и др.
2. И. И. Бунаков-Фондаминский, бывший эс-эр. Один из редакторов «Современных записок». Жена его — Амалия Осиповна.
3. Ал. Ник. Толстой эмигрировал еще в 1919 г., но потом «сменил вехи» и вернулся в Россию. Жена его, Н. В., урожд. Крандиевская. См. И. Бунин «Третий Толстой» в «Воспоминаниях», Париж, 1950.
4. Шполянский, Аминад Петрович, писал под псевдонимом Дон Аминадо.
5. Адвокат.
6. М. В. Вишняк, эс-эр, член Учредительного собрания. В эмиграции один из редакторов «Современных Записок».
7. Н. Д. Авксентьев, правый эс-эр, видный общественный деятель.
8. В. В. Руднев, эс-эр, член редакционной коллегии «Современных Записок».
9. В. М. Зензинов, эс-эр. Литератор и общественный деятель.
10. В. А. Маклаков, кадет, бывший русский посол в Париже.
11. Жена Н. В. Чайковского, издателя, политического деятеля.
12. Б. В. Савинков (лит. псевд. В. Ропщин), бывш. помощник военного министра во Временном правительстве, эс-эр, руководил террористическими актами. В литературной деятельности ему покровительствовали Мережковские.
13. Петр Бернгардович Струве, известный экономист, историк, бывш. член Госуд. думы. В эмиграции видный общественный деятель, редактор «Возрождения», «России и Славянства» и многих др. изданий. Стоял во главе правых демократов.
14. Художник М. Ф. Ларионов.
15. В. Д. Набоков, кадет, член Госуд. думы, бывш. посол в Берлине, отец писателя В. Набокова (Сирина).

16. Дм. С. Мережковский; писатель, вождь ранних символистов, литературный критик.
17. Врач и общ. деятель. Его жена, Т. И., впоследствии помогала разбирать архив Бунина.
18. Издатель и журналист И. В. Гессен.
19. П. Н. Милоков, проф., член партии Конституционных демократов, член Госуд. думы, в эмиграции видный общественный деятель, издатель «Последних Новостей».
20. Писатель Ал. Куприн. См. И. Бунин «Куприн» в «Воспоминаниях», Париж, 1950.
21. Старший брат Бунина.
22. Поэт-символист.
23. Писатель Леонид Андреев.
24. Брат Веры Ник. — Всеволод Ник. Муромцев.
25. А. Вл. Карташев, министр вероисповеданий во Временном правительстве, потом проф. Богословской академии в Париже. Автор многих работ по вопросам религии.
26. А. А. Поляков, секретарь газеты «Последние Новости», журналист.
27. См. пр. 5, 1924 г.
28. Писатель Марк Алданов.
29. Зинаида Ник. Гиппиус, поэтесса, литерат. критик (псевд. Антон Крайний), жена Мережковского.
30. А. Тыркова-Вильямс, писательница.
31. Бунин страдал геморроями и врачи настаивали на операции.

1921

1. Общественный деятель.
2. Вероятно, Д. П. Святополк-Мирский, литературовед.
3. Общественный деятель, публицист.
4. Лидер эс-эров, бывш. министр во Временном правительстве.
5. Г. Дм. Гребенщиков, писатель.
6. Вл. А. Злобин, поэт и личный секретарь З. Гиппиус с 1916 года.
7. Журналист и общественный деятель.
8. Кн. В. Н. Аргутинский, бывш. директор Эрмитажа, потом первый секретарь русского посольства в Париже.
9. Художница.
10. Вероятно, в связи с Кронштадтским восстанием.
11. Ив. Ив. Манухин, врач. Его жена, Т. А. — близкая подруга З. Н. Гиппиус.
12. Вероятно, С. А. Кренетов, издатель, с женой-киноактрисой.
13. Илья Эренбург, советский писатель.
14. Писатель Ив. Серг. Шмелев.
15. Философ Лев Шестов. Был женат на родственнице Веры Ник.

16. И. П. Демидов, бывший член Госуд. думы.
17. Известная актриса.
18. Художник.
19. Теперь архиепископ Иоанн Сан-Францисский.
20. Бывш. министр земледелия А. В. Кривошеин.
21. Рассказ Ив. Бунина.
22. Философ и поэт Вл. Соловьев.
23. Юрий Ник. Маклаков, правнук сестры Льва Ник. Толстого, Марья Ник.
24. Вера Ник. про эту поездку, между прочим, записала: «Ян все время вскрикивал от удовольствия. Я давно не видала его таким впитывающим в себя впечатления».
25. М. М. Филоненко, адвокат.

1922

1. Это последняя из рукописных записей. Следующие опять перепечатаны на машинке.
2. Министр-президент, потом президент Чехословакии.
3. Писатель Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), видный символист.
4. Писатель А. Ремизов впоследствии все же эмигрировал.
5. Адмирал, один из вождей Белого движения.
6. Французский писатель Андрэ Жид.
7. Рассказ Чехова.
8. В. Д. Набоков (см. прим. 15, 1920) был убит монархистом, покушавшимся на жизнь Милюкова.
9. Бунин в конце мая поехал вместе с В. Злобиным на юг Франции искать, где поселиться.
10. Писатель Б. К. Зайцев с женой, приехавшие из Москвы через Германию.
11. Сменовеховская берлинская газета.
12. На русско-франц. жаргоне так называли уборщицу, от слова «фам» образовали «хама».
13. Проф. Н. К. Кульман, историк литературы.
14. Писатель Н. Телешов, оставшийся в Москве.

1923

1. А. И. Гучков, военный министр во Временном правительстве.
2. В. Злобин приезжал, чтобы снять дачу для Мережковских.
3. Весной 1920 г. Шмелевы купили дачу.
4. Тайное, пропорциональное, прямое, общее голосование.
5. Патриарх.
6. Монастыри, которые Шмелев отлично знал.

7. Произведение Б. К. Зайцева.
8. Великий князь.

1924

1. Журналист Морис Донзель.
2. См. запись от 23 дек./5 янв. по поводу предполагаемого вечера «Миссия русской эмиграции».
3. Вечер состоялся 16-го февр. Участвовали: И. А. Бунин («Миссия русской эмиграции»), А. Карташев («Смысл непримиримости»), И. С. Шмелев («Душа родины»), о. Г. Спасский («Вокруг Креста»), Д. С. Мережковский («Слова немых»), И. И. Машухин («Русский Дом»), И. Я. Савич («Вестники Возрождения»), Н. К. Кульман («Культурная роль эмиграции»). Речь Бунина напечатана в сборнике «Под серпом и молотом», под ред. С. П. Крыжицкого, изд. «Заря», 1975.
4. По поводу вечера в газетах началась, часто грубая, полемика.
5. У Неклюдовых была ферма недалеко от Грасса. В царское время А. В. Неклюдов был русским посланником в Болгарии, Швеции и, наконец, в Испании.

1925

1. М. Каллаш, лит. псевдоним Курдюмов.
2. Писатель Мих. Осоргин.
3. Ф. Степун, проф., философ, литературный критик, писатель.
4. Д. В. Философов, журналист, критик, близкий друг Мережковских.
5. О Лопатиной см.: «Устами Буниных», т. I, с. 350.
6. Кн. Г. Е. Львов стоял во главе Временного правительства.
7. Виллу Бунины сняли вместе с Фондаминскими.
8. Видимо, первый номер газеты, изд. в Париже под ред. П. Б. Струве.
9. См.: П. Ковалевский, «Зарубежная Россия», доп. вып., сс. 56-58 (Париж, 1973).
10. Литературная переделка дневниковых записей Бунина одесского периода.
11. См. прим. 4. 1921 г.
12. Борис А. Лазаревский, писатель.
13. Литературный критик и поэт Георгий Адамович.
14. См.: З. Гиппиус, «Живые лица», Прага, 1925, вып. 2, с. 167.
15. Дочь Зайцевых, впоследствии Н. Б. Соллогуб.
16. Рассказы Бунина.
17. Ожидались проф. Кульман с женой.
18. Речь идет о Леониде Андрееве.

19. На вилле Альба, у Лопатиной и Еремеевой.
20. Гукасову принадлежали в свое время нефтяные промыслы, и он субсидировал «Возрождение».

1926

1. Речь идет о «Зарубежном съезде» русской эмиграции.
2. Бывший ректор Петербургского университета, историк.
3. А. И. Белич, сербский академик. См. также запись от 3 сент. 1928 г.
4. Писательница, которую, по убеждению Бунина, серьезно любил Чехов. (См.: Ив. Бунин, «О Чехове», изд-во имени Чехова, сс. 134-204.)
5. Вл. Ходасевич, поэт, критик.
6. Писатель.
7. У Веры Николаевны, как оказалось, были камни в печени.

1927

1. См. прим. 19, 1921 г.
2. Предполагаю, что речь была о Г. Н. Кузнецовой, молодой писательнице, которая вскоре поселилась у Буниных.
3. В поездке, кроме Буниных, участвовали И. И. Фондаминский и Г. Н. Кузнецова.
4. В. Н. работала над воспоминаниями, которые были напечатаны уже после смерти Бунина.

1928

1. Рассказ Бунина.
2. Я. М. Цвибак (Андрей Седых) — журналист и писатель, сопровождал Бунина в Стокгольм в 1933 г.
3. Писательница, жена Ходасевича.
4. Писательница, жена С. А. Соколова (Кречетова).
5. Валерий Брюсов вывел Н. Петровскую в «Огненном ангеле».
6. А. Н. Радищев (1749-1802), автор «Путешествия из Петербурга в Москву».
7. В Белграде устраивался съезд русских писателей. См.: Г. Струве, «Русская литература в изгнании», изд. имени Чехова, 1956, с. 198.
8. Письмо, вероятно, адресовано С. К. Маковскому, комментарий В. Н. не дает. О пребывании Мережковских в Белграде см. также письма З. Н. Гиппиус В. Злобину (Т. Pachmuss, «Intellect and Ideas in Action», München, 1972).
9. Прозвище Рощина.

10. Брат Веры Николаевны — Д. Н. Муромцев.
11. Лагерь в Соловецком монастыре.
12. Критик, автор «Силуэтов русских писателей».
13. Книга написана не была, но материалы Бунин начал собирать.
14. О Леониде Андрееве.
15. Журнал, издававшийся в Риге.
16. Письма И. А. Бунина Л. Зурову опубликованы мною в «Новом Журнале» № 105, сс. 225-231.
17. Дочь проф. Д. И. Иловайского.
18. Вера Ник. работала над очерком «У старого Пимена». См. «Неизданные письма», Марина Цветаева, Париж, 1972, сс. 531-541.
19. Вера Ник. собирала материал о писателе А. И. Эртеле.

1929

1. Великий князь, двоюродный дядя Николая II.
2. Интересно сравнить это описание с творчески переосмысленным изображением этого события в «Жизни Арсеньева» (Нью-Йорк, 1952, сс. 225-258).
3. Поэт, был женат на И. Одоевцевой.
4. См. «Эртель» в: Ив. Бунин, «Воспоминания», Париж, 1950.
5. Писатель А. Амфитеатров.
6. Популярное в то время течение, представители которого считали, что русские «не суть ни европейцы, ни азиаты». О евразийстве см.: Г. Струве, «Русская литература в изгнании», сс. 40-49.
7. Философ Николай Федоров, учение которого, как доказано, повлияло на Достоевского.
8. И. А. Ильин, проф., философ.
9. Г. П. Федотов, проф., историк Церкви.
10. Б. П. Вышеславцев, философ.
11. В то время это слово употреблялось в женском роде.
12. См. апрель 1926 г.
13. Поэт Ник. Оцуп.
14. В. В. Розанов, философ, писатель.
15. Дочери поэта Ф. Тютчева.
16. Писатель В. Набоков (Сирин).
17. Известный пианист.
18. Вероятно, речь идет о романе Ф. Степуна «Николай Переслегин».
19. Фельетон Веры Николаевны.
20. Бунин пригласил Л. Ф. Зурова приехать к ним.

1930

1. Генерал, стоявший после смерти Врангеля во главе «Русского Общевоинского Союза».

2. Книга Г. Кузнецовой.
3. Литературовед, автор трудов о Достоевском, Блоке и др.
4. В перечне Керенского нет, вероятно, опущен случайно.
5. Вера Ник. работала над своими воспоминаниями.
6. О Катаеве см.: «Устами Буниных», т. I, «Одесса».
7. Воспоминания о философе Л. М. Лопатине, брате Ек. М.
8. Журналист И. Троцкий.
9. Предполагаю, что это Поляков-Литовцев.
10. Речь идет о Нобелевской премии.
11. Проф. Кирилл Ос. Зайцев с женой. Автор книги «И. А. Бунин. Жизнь и творчество», изд. «Парабола».

1931

1. См. запись от 25 марта.
2. Артист МХАТа Михаил Чехов, племянник Антона Павловича.
3. Виллу Бельведер ремонтировали, и на время ремонта Бунины уезжали, но ремонт не был закончен вовремя. Иван Алексеевич на несколько дней уехал в Торан.
4. См. прим. 4, 1926 г.
5. Французский журналист.
6. О надеждах и разочарованиях в связи с Нобелевской премией см. мою публикацию «Письма М. А. Алданова Буниным», «Новый Журнал» № 81, сс. 110-116.
7. Зять Э. Нобеля.
8. Г. П. Струве, впоследствии профессор, устраивал в «Clarendon Press» перевод «Жизни Арсеньева», которая и была издана под названием «The Well of the Days».
9. Немецкий критик и переводчик.
10. Речь, думается, идет о романе Л. Зурова «Древний путь».

1932

1. Возникший в 1931 г. журнал религиозно-философского содержания.
2. В Париж ехала и Г. Н. Кузнецова.
3. Вера Ник. остановилась у первой жены М. Осоргина.
4. Роман Ф. Степуна.
5. Писатель В. П. Крымов.
6. См.: П. Е. Ковалевский, «Зарубежная Россия», Париж, 1971, с. 216.
7. Нобелевская премия была дана Дж. Голсуорси.

1. Слуга Буниных.
2. Поэт Н. М. Минский.
3. Курдюмов — псевдоним писательницы М. Каллаш, написавшей книгу о Чехове «Сердце смятенное», Париж, 1944.
4. См.: Марина Цветаева, «Неизданные письма», Париж, 1972, сс. 407-414.
5. Жена Евгения Алексеевича Бунина.
6. В ноябре 1909 г. Бунин был избран почетным академиком.
7. Шведский профессор-славист.
8. Более подробно об этом в статье В. Н. «То, что я запомнила о Нобелевской премии», «Новый Журнал» № 67, 1962, сс. 136-140.
9. Речь Бунина напечатана в «Воспоминаниях», Париж, 1950, сс. 270-272.

Указатель имен

(Не включены лица, фамилии которых установить не удалось и которые лишь мельком упоминаются в тексте.)

- Авилов 251
Авилова Л. Ал. 157, 250
Авилова Нина 250
Авиловы 250
Авксентьев Н. Д. 9, 13, 19-21, 142
Авксентьева Шура 13
Ага А. И. 132, 173, 176
Агралл Зигурд, проф. 235
Аламович Г. В. 146, 147, 174, 200, 207, 208
Азеф Е. 130
Аитов В. Д., д-р 23
Аитова 82
Айхенвальд Юл. Ис. 188, 190, 191
Алданов Марк (псевд. М. А. Ландау) 17, 20, 23, 28, 31, 35, 36, 65, 69-71, 73, 79, 81, 132, 134, 136, 153, 165, 168, 170, 173, 174, 178, 182, 189, 197, 199, 201, 205, 216-219, 222-227, 229, 231, 240, 246, 257, 258, 269, 270, 293
Алдановы 134
Александр I 178, 189
Александр II 178, 194, 243
Александр III 105, 224, 226
Александр, король серб. 183
Александра Федоровна, императрица 246
Алексей Михайлович, царь 190
Алексинский, Гр. 24
Алексинский И. П., д-р 11, 24, 164, 165
Алексинская Т. И. 35
Алексинские 13, 14, 137
Алексинская Н. И. 212
Альтшулер, д-р 183
Аминад (Дон Аминадо), см. Шполянский
Амфитеатров А. В. 196, 276, 277
Андреев Л. Н. 15, 16, 70, 115, 151, 244
Апухтин А. Н. 227
Аргутинский П. Н. кн. 28, 44, 45, 83, 99, 106, 107
Аргутинские 64
Арсеньев К. К. 179
Афонский (хор А-го) 257
- Бакст Л. 44, 45, 64, 81
Балавинский 12, 13, 20, 24, 27
Балахович 18
Бальмонт К. Д. 15-17, 35-37, 45, 46, 56, 64, 71, 82, 83, 85, 87, 98, 99, 102, 103, 108, 112, 137, 197, 199, 210, 244-246, 270, 286, 287, 296
Бальмонт Ел. К. 82, 137
Бальмонты 16, 71, 81, 82, 199
Баратов Н. Н., ген. 214
Барятинский В. В., кн. 31, 176
Беек Фр. 235
Белинский В. 200, 201
Белич А. И. 154, 181, 182, 184, 232
Белобородов А. Я. 44
Бельи́й Андрей (Бугаев Б. Н.) 38, 41, 42, 78, 84, 99, 101, 156, 220, 240, 241
Бенеш Э. 76, 79, 120

Сердечно благодарю Э. И. Вознесенскую за проверку указателя имен. Ответственность за ошибки, конечно, несу я. — М. Г.

Берберова Н. 174, 175, 180, 199, 257
Бердяев Н. 131, 134, 135, 238, 263
Бернацкий, проф. 21
Бернацкие 21
Бетховен Л. 21, 227, 228
Билибин И. Я. 298
Блок А. А. 26, 34, 41, 52, 53, 92, 93, 95, 99, 101, 109, 159, 160, 223, 241, 242
Блох Г. А. 151
Блохи 151, 163
Борис Влад., вел. кн. 104
Боссар (изд.) 107
Брежнев А. Н. 186
Брежневы 239
Брешко-Брешковский Н. Н. 29, 32, 231
Брюсов Вал. Я. 174
Будберг, бар. 150
Буковецкий Е. И. 27, 67
Бунаков, см. Фондаминский
Бунин А. Н. (отец) 127
Бунин Евг. А. 72
Бунин Юлий А. 15, 64, 65, 66, 69, 70, 72, 74-76, 78-81, 91, 94, 127, 188, 226, 247, 263
Бунина А. Н., ур. Цакни 248, 289
Бунина Л. А. (мать) 127, 161, 163, 206
Бунина Анаст. К. (Настя) 291
Бунины (семья) 65, 131, 235
Бурд С. 280
Бурцев В. Л. 13, 29, 30
Бухарин 38

Валери Поль 241, 251
Васильев, д-р 164
Вахрушевы 159
Вересаев В. В. (Смидович) 252
Верлэн П. 127
Вертинский А. 268
Верхарн Э. 273
Веселовский 123
Винтерфельд 195
Виталий, старец 139
Вишневский Вс. 102, 229
Вишняк М. В. 8, 123, 160, 207, 217, 223, 234,
В-и 13
Винчи Леонардо да 90, 91
Володарский 61
Вольтер 54
Вольнский А. П. 41
Врангель П. Н., ген., барон 10, 18, 26, 37, 39, 101, 110, 113, 215
Врубель С. А. 227
Вульф Вирджиния 255
Вырубов В. В. 12, 13, 259, 260
Высоцкая Н. Г. 102
В-ие 141
Вышеславцев Б. П. 198
Вышеславцева 191

Гааз д-р 271
Габрилович Л. Е. 23
Гавронская Л. С. 8, 101
Гавронский д-р Б. О. 101
Гальперн, адв. 8, 12
Гамсун Кнут 251

Гегель 21
Гербер (изд.) 276
Герцен А. 19, 21, 34, 65, 233, 255
Герцен Н. Ал. 260
Гершензон М. О. 85
Гессен А. 82
Гессен И. В. 12
Гессен Н. 82, 299
Гёте В. 116, 196
Гиппиус З. Н. (Мережковская) 18, 24, 31, 32, 34, 40, 41, 45, 46-50, 52-56, 59-62, 68, 69, 74, 87, 89, 91-93, 98, 109, 111-114, 116, 122, 126, 128, 130, 134, 139, 143, 145, 147-149, 156, 158, 159, 169, 170, 175, 180, 182-185, 195, 201, 202, 204-206, 208, 209, 210, 212, 213, 217, 223, 232, 234, 236, 238, 240, 268, 269, 281
Гиппиус Татьяна Н. 209, 218
Гирс А. Ф. 85
Гитлер А. 282, 283
Глазунов А. 209, 218
Глякберг А. М. см. Черный Саша
Гоголь Н. В. 91, 169, 200, 201, 226, 246, 290
Годунов Борис 230
Голобородько И. 35
Голштейн А. В. 72
Гольштейн М. Л. 30
Гольцев В. А. 32
Гончарова Н. С. 102, 120, 121, 230
Гораций 115
Горький Максим (А. М. Пешков) 11, 12, 16, 17, 53, 62, 71, 76, 77, 94, 108, 113, 115, 122, 136, 186, 188, 226, 239, 243, 244, 256, 274, 280, 296
Горькие 36
Гофман М. Л. 192
Гребенщиков Г. Д. 22, 39
Гребенщиконы 35
Григ Э. 227
Григорьев Ап. 242
Грым Д. Д. 154
Грозный, см. Иоанн Грозный
Гужасов А. О. 152, 153, 189, 198
Гуль Р. Б. 280
Гусаков А. Г., проф. 161
Густав, шв. король 297
Гутман 76
Гучков А. И. 109, 217

Даль Вл. 243, 244
Дали 244
Данте 157
Дейч Л. Г. 149
Демидов И. П. 40, 122, 170, 217, 242-245, 257
Демидова 257
Деникин А. И., ген. 18, 197
Денисов 260
Денисова 101
Джемс 17
Дзержинский Ф. 186, 187
Диоген 109
Дионео (Шкловский И. В.) 81
Дионис 40
Дон Аминадо, см. Шполянский
Донзель Морис 121
Достоевский Ф. М. 59, 81, 124, 125, 136, 145, 147, 192, 233, 236, 238, 239, 241
Дроздов А. М. 77

Дурново П. 226
Дягилев С. П. 64, 88, 230
Дьякова 57

Евлогий, архиеп. 78, 110, 175, 257, 267, 280
Елпатьевский, д-р 161
Ельяшевич В. Б., проф. 20, 21, 23-25, 27, 29, 137, 140
Ельяшевич Ф. Ос-а 200
Еремеева О. Л. 137, 219
Есенин Сергей 38, 106

Жид Андрэ 81, 91, 92, 97, 232
Жозеф 279, 283

Зайцев Б. К. (Борис, Боря) 116, 120, 134, 140, 150, 153, 157-159, 173, 174, 179, 180, 182, 189-191, 198, 201, 208, 222, 236, 240, 241, 246, 257, 265, 268, 270, 282, 293
Зайцева В. А. (Верочка) 115, 120, 149, 165, 174, 197, 198, 222, 240, 241, 246, 264, 265, 278
Зайцевы (Зайчики) 17, 89, 115, 131, 133, 146, 148, 158, 159, 176, 197, 198, 201, 208, 216, 222, 235, 264, 265, 268, 270
Зайцева Наташа (см. Соллогуб)
Зайцев К. О. 236, 273, 274
Зайцевы 235, 273
Замятин Е. 239
Зенинов В. М. 9
Зернов В. М., д-р 268
Зилотти А. 106
Злобин Вл. А. (Володя) 24, 41, 48-50, 54, 56, 57, 62, 64, 80, 88, 89, 111, 206, 232
Зноские 16
Зуров Л. Ф. (Леня, Скабарь, Питомец, Лось) 189, 190, 210, 211-213, 214, 216-221, 223-226, 233, 237, 241, 256, 257, 261, 262, 269, 270, 271-273, 278, 293, 294

Ибаньес Бласко 72
Иванов Вяч. Ив. 85
Иванов Георгий В. 195, 238
Иванов С. А. 165
Игнатъев, граф 42, 216
Иловайская О. 191, 231
Иловайский В. И., проф. 234
Иловайские 289
Ильин И. А., проф. 144, 153, 197, 235, 238, 239
Ильины 169
Инбер В. 23
Иоанн Грозный 40, 227

Каган-Семенов 30
Калгрэн А., проф. 235, 293
Каллаш М. (псевд. Курдюмов) 133, 176, 203, 281, 282, 287
Калыев 187
Кант Э. 234
Капитан, см. Н. Рошин
Карабчевский 132, 133
Карлфельд 256
Карташев А. Вл., проф. 16, 24, 29, 34, 84, 112, 114, 117, 121, 122, 134, 142, 170, 175, 202, 236
Карташевы 43, 77, 99, 105, 117, 120, 290
Карсавина Т. П. 88
Катаев В. 221, 222
Качалов В. И. 102, 104, 123
Кедрин 39
Кедровы 202, 245
Керенский А. Ф. 8, 11, 42, 61, 169, 170, 217, 236, 269, 270
Кессель И. 107
Кизветтер А. А., проф. 120
Кишкин 43

Клодия (портниха) 272
Ключевский В. О., проф. 227
Книппер (Чехова) О. Л. 102-104
Ковалевский М. М. 14
Койранский А. А. 21
Койранские 82
Колчак А. В., адмирал 78, 79, 129
Комиссаржевская 45
Константин Константинович, вел. кн. 244
Конюс Т. С. (ур. Рахманинова) 218, 227
Корнилов Л. Г., ген. 32, 61, 144, 170
Корнилов Ф. Д. 294
Короленко В. Г. 32, 71
Крандиевский 186
Кречетов С. А. 280
Кречетовы 35
Кривошеин А. В. 10, 49-51, 56, 60, 61
Кривошеины 60
Кронштадтский о. Иоанн 175
Крымов В. П. 273, 274, 280
Кугушева Ася 253
Кугушева М. А. 224
Кугушевы 214, 220, 224, 233, 253
Кузнецова Г. Н. (Галина, Галя) 169, 170-173, 175, 178, 185, 190, 191, 192, 200, 203, 204, 206, 210, 216, 218, 220, 223, 225, 226, 229, 254, 255, 257, 259, 261, 262, 266-268, 270, 271-273, 277-280, 289, 290, 293, 295, 297, 299
Кузьмин-Караваев Д. 20, 30, 39, 166
Кульман Н. К., проф. 102, 121, 122, 151, 163, 167, 210, 270
Кульман Н. И. 150, 151, 153, 192, 203, 238, 265
Кульманы 120, 132, 150, 151, 162, 185, 210, 293
Кун Бэлла 37
Кулябко-Карецкий Н. И. 247
Куприн А. И. (папочка) 16, 19, 21, 22, 24, 25, 31, 56, 81, 84-87, 89, 98, 99, 102, 105, 112, 115, 117, 132, 137, 176, 182, 184, 189, 216, 220, 270, 274, 282, 296
Куприна Е. М. (Лизи) 89
Куприны 15, 16, 20, 21, 22, 28, 32, 33, 34, 64, 71, 87, 88, 98, 131, 137
Курдюмов см. Каллаш
Кусевицкий С. А. 36
Кусиков 92, 93
Кускова Е. Д. 92, 159
Кустодиев Б. М. 243
Кутепов А. П., ген. 113, 214, 215, 216
Кянжунцевы 295

Лавров П. Л. 32
Лалыженский В. Н. 32, 261, 262
Лазаревский Б. А. 145
Ландау Гр. 130
Ландау М. А. (см. Алданов Марк)
Ландау Т. М. 222
Лаоцзы 117
Лалинская 220
Ларионов М. Ф. 10, 102, 103, 150
Левина М. 133
Левины 82, 175
Ленин В. И. 11, 17, 53, 87, 104, 121, 260
Леонтьев К. 224
Лермонтов М. Ю. 62, 189, 223
Лист Ф. 227
Литовцев, см. Поляков-Литовцев С. Л.
Лифарь С. М. 245

Лихошерстов 89, 99
Ллойд Джордж Д. 73
Лоло (Мунштейн В. Н.) 19, 223, 255, 266
Лопатин Вл. М. 247, 248
Лопатин Л. М. 247, 248
Лопатина Ек. М. (Лопатэн) 137, 138, 144, 203, 204, 223, 224, 233, 246, 247-249, 252, 272, 281, 282
Лохвицкий, ген. 85
Лужские 102, 103
Луначарский А. В. 11
Лурье С. В. 134, 170
Львов Г. Е., князь 9, 12, 13, 30, 137, 138, 139, 230
Львов Лоллий И. 145, 199
Любимов, свящ. 262
Лютер А. 255
Ляцкий Е. А. 11

Маан, д-р (он же Мак) 163, 183, 272, 273
Магеровский Л. Ф. 74, 77
Макеев М. Н. 172
Маклаков В. А. 9, 28, 217
Маклакова М. 9, 28
Маклаковы 13, 122
Маклаков Ю. Н. 54
Маковский С. К. 183, 189, 198
Малиновская 186
Малиновский 36
Малявин Ф. А. 132, 137
Мамонтов Савва 227
Манн Томас 211, 235, 246
Мансфильд Кат. 254
Манухин И. И., д-р 33, 40, 71, 101, 121, 122
Манухина Т. И. 185, 201, 269, 274, 281
Манухины 89, 97, 121, 122, 136
Маркс Карл 234
Маршак А. О., д-р 10, 102
Маяковский В. 104, 106
Медичи Ек. 93
Мейнгард 25
Мельгунов С. П., проф. 158, 217
Мельников-Печерский П. И. 243
Местье 94
Мережковский Д. С. 11, 18, 23-25, 30, 40, 45-50, 53-57, 59-63, 68, 73, 74, 77, 84, 85, 87, 91-93, 98, 101, 110-113, 121, 128, 129, 131, 134, 135, 136, 147, 148, 156, 158, 160, 169, 175, 181, 183-185, 201, 202, 211, 217, 223, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 252, 253, 258, 268, 269, 276, 278, 297
Мережковская Зин. Н. см. Гиппиус З. Н.
Мережковские 17-19, 23, 24, 27, 32, 41, 46, 48, 49, 52, 55, 57, 62, 64, 68, 69, 71, 77, 84-88, 90-93, 95, 97, 101, 109, 110, 112-114, 126-129, 131, 132, 136, 141, 145, 148, 149, 158, 159, 163, 169, 181-183, 185, 192, 200, 201, 202, 204, 207, 211, 217, 222, 223, 225, 230, 233, 236, 252, 254, 269
Микоян А. 207
Милица Ник., вел. княг. 194
Миллер Е. К., ген. 215
Милль Пьер 46
Милоков П. Н. 14, 26, 35, 42, 52, 83, 92, 104, 120, 123, 137, 141, 142, 160, 169, 191, 200, 207, 234
Минский (Виленкин) Н. М. 41, 281
Минские 281
Миронов Н. Д. 141
Мироновы 137
Мирский (Святополк-Мирский) Д. П. 20, 22, 30, 158, 255

Михайлов, д-р 66
Михайлов П. А., проф. 132
Михайловы 131, 177, 197
Могиланский 16
Моисеенко Е. И. 114, 116, 130
Могилевский 293
Мольер 73
Мопассан 185, 189
Москвин И. М. 102, 104
Мочульский К. В. 216, 231, 232
Муллен Камилл де 14
Мунейхин Мисюр 190
Муромцев Вс. Н. (Сева) 16
Муромцев Дм. Н. (Митя) 161, 186, 283, 294
Муромцев Н. (папа) 93, 161, 251, 275, 283
Муромцев П. Н. (Павлик) 161, 283, 285, 287, 294, 295, 299
Муромцева Л. Ф. (мама) 108, 109, 120, 172, 237, 249, 259, 275, 299
Муссолини 212
Мустангет 78

Набоков В. Д. 10, 83
Наполеон 129, 169, 234, 290
Нарышкины 12
Неклюдов А. В. 16, 129, 148, 150, 207, 279
Неклюдова 148
Неклюдовы 148, 231
Немирович-Данченко В. И. 124, 184
Нижинская 268
Николай I 207
Николай II 11, 113, 118, 217, 226, 244
Николай Николаевич, вел. кн. 117, 140, 192-195, 214, 215
Нилус П. А. (Петр) 67, 120, 196, 199, 200
Нилус Б. С. 131, 165
Нилусы 131
Нобель Альфред 296, 297
Нобель Г. Л. 252, 294
Нобель Марта Л. 296
Нобель Э. Л. 251-252
Нобели 252
Новгородцев П. И., проф. 120
Новосильцев, ген. 244
Нольде Б. Э., барон 83
Нувель В. Ф. 45, 106

Овсянко-Куликовский Д. Н. 145, 192, 210
Одоевцева Ирина 195, 202
Олейников 251, 252, 255, 283, 296, 297
Олейниковы 297
Ольденбургский А. П., принц 20
Онегин (музей Онегина) 11
Орлов-Давыдов 12, 13
Осоргин М. А. 134, 153, 159, 220, 270
Осоргина (Рери) 270
Осоргины 136
Оцуп Н. А. 200, 201

Павловичи 117
Палеолог 113
Паскаль 164
Петр Великий 21, 226
Петр Николаевич, вел. кн. 194

Петрарка 258
Петровская Н. И. (Соколова-Кречетова) 174
Пешков А. М. см. Горький
Пешков Максим 113, 186
Пешкова Е. П. 43, 113, 136, 185-188, 226
Пикассо Пабло 42, 106
Пилкины 129
Пилсудский Ю. 11, 14, 33, 212, 268
Писаревские 137
Платон 109
Плевако Ф. Н. 224
Плевицкая Н. В. 268
Плеханов Г. В. 149
Плещеев 42, 232
Плотин 109
По Эдгар 17
Полнер Т. И. 32, 35, 36
Полонский Я. Б. 292
Полонские 132
Поляков А. А. 16, 31, 36
Поляков-Литовцев С. Л. 30, 35, 123, 231, 235, 259
Потресов С. В. см. Яблоновский
Прево Марсель 73
Прокопич 92
Прокофьев С. С. 45
Пруст М. 206, 207, 208, 209, 232, 240, 241
Пуанкарэ Р. 73, 79
Пуарэ 12
Пушкин 33, 52, 87, 151, 189, 223, 230, 234, 238, 239, 244
Пэти Е. Ю. 217

Радищев А. Н. 178
Раковский 131
Распутин Гр. 35, 110
Рахманинов С. В. 161, 162, 218, 226-229, 259
Рахманинова 162, 226
Рахманинова см. Конюс Т. С.
Рахманиновы 162, 218, 226
Рачковский 30
Ремизов А. М. 78, 134, 156, 262
Репин Илья 230
Рильке Райнер М. 206, 237-239
Роговский 13
Роджерс 77, 86
Родэн Р. Ф. О. 238
Розанов В. В. 156, 201
Розенберг К. 134
Розенталь Л. М. 44, 46, 85-88
Роллан Ромэн 101, 145
Роль 252
Романовы 226
Ростовцев М. И. 130, 263
Ростовцевы 130
Рошин Н. (Капитан) 160, 163, 180, 185, 190, 199, 208, 210, 211, 214, 215, 218, 271, 290
Рощина-Инсарова Е. 42
Руднев В. В. 9, 19, 24, 123, 142, 143, 269
Рудневы 13
Русов 247
Рябушинская М. Д. 28, 35

Савельев А. 219

Савинков Б. В. 9, 10, 11, 13, 14, 18, 31, 32, 34, 60, 61, 71, 129, 130, 141, 143, 149, 170, 212, 252, 260
Савинкова Е. И. 77, 86, 186
Савинковы 13
Сазонов И. 10
Сальери А. 227
Самозванец (Дмитрий Отрепьев) 230
Самойловы 233
Серов С. М., д-р 182, 183
Сирин (псевд. В. В. Набокова) 208, 209, 233, 236, 240, 253, 257, 278, 299
Скирмунт С. А. 186
Скобцова Е. Ю. (мать Мария) 241, 267, 274
Скоропадский П. П., ген. 28
Соколов С. А. (псевд. Кречетов, см.) 174
Солдатский 294
Соллогуб Н. Б., ур. Зайцева 149, 265, 266
Соллогубы 265
Соловьев С. М. 33
Соловьев Влад. 53, 54, 247
Соломон 54
Сорин С. 209, 226, 229, 230
Сосновский 51
Спаский о. Георгий 121
Спесивцева 245
Спирович 246
Спировичи 137
Сталин 290
Сталь м-ме де 13
Станиславский К. С. 102, 103, 123, 124
Стахович Г. Е. 12, 13, 148
Стеллецкий Д. С. 230
Стендаль 234
Степун Марг. А. 299
Степун Ф. А., проф. 134, 135, 136, 137, 139, 140, 157, 158, 159, 179, 200, 201, 205, 210, 238-243, 255, 263, 272, 283, 284, 299
Степун Нат. 200, 239
Степуны 138, 200, 221, 237, 282, 283, 299
Стравинский Игорь 231
Струве А. П. 10, 29
Струве Г. П., проф. 255
Струве П. Б., проф. 10, 14, 16, 18, 19, 20, 26-29, 77, 120, 130, 142, 143, 153, 154, 181, 182, 184
Судейкин С. 56
Сургучев И. Д. 132

Тагор Рабиндранат 125, 126
Тарновский, полк. 23
Татаринов 191
Телешов А. Н. 104
Телешов Н. Д. 104, 220, 237, 249
Телешова Ел. А. 104, 138, 220
Телешовы 102, 104, 220
Темирязев, кн. 228
Теодорик 289
Тикстон П. А. 182, 209, 237
Тихон патриарх 113
Токарский 247
Толстой А. К. 12, 230
Толстой А. Н. 8-13, 15, 16, 20, 21, 23-27, 29-32, 35-37, 56, 65, 81, 116, 229, 230, 260, 274, 280, 282
Толстая Н. (Натasha) 15, 27, 32, 38, 39, 239
Толстые 8, 10, 12, 15, 19-22, 28, 36, 38, 39, 83, 89, 186, 229, 239, 260

Толстые Ника, Фефа, Митя, Марьяна 239, 240, 280
Толстая А. Л. 246
Толстой Лев 9, 12, 16, 17, 42, 59, 72, 75, 104, 110, 125, 138, 147, 162, 181, 184, 189, 192, 213, 224, 227-229, 236, 245, 279, 286, 288, 290
Толстая С. А. 228, 246
Толстые 224, 246
Топорков 26
Третьяковы 73
Троцкий И. 235, 256, 296
Троцкий Лев 11, 77, 260
Тургенев И. С. 17, 79, 144, 189, 213, 231, 253, 267
Тыркова-Вильямс А. В. 18
Тютчев Ф. 117, 207, 223
Тютчевы А. Ф. и Китти 207
Тэффи Н. А. (Лохвицкая) 19, 20, 32, 36, 51, 78, 83, 109, 133, 134, 175, 177, 182, 189, 200, 201, 209, 236, 237, 268

Ундсет Зигрид 233
Унковский, л-р 174
Урицкий М. 61
Уэльс Герберт 18, 237

Фарер Клод 77, 86
Фареры 86
Федин К. 272
Федоров А. М. 64
Федоров Н. 197
Федотов Г. П., проф. 198, 258, 262, 263
Фет А. 12, 223
Филоненко М. М. 60, 61
Философов Д. В. 135, 205
Флобер Гюстав 66, 136, 234
Фондаминский И. И. (Бунаков-Фондаминский, Илис, Илюша) 7, 8, 19, 20, 70, 125, 140-143, 156, 170, 171, 178, 179, 189, 199, 202-208, 216, 218, 219, 221, 223, 234, 236, 238, 246, 257, 261, 263, 264, 272, 282, 284
Фондаминская А. О. 88, 221
Фондаминские 7, 89, 101, 152, 171, 215, 216, 223, 224, 239, 243, 245, 254, 267, 269, 281, 283
Франс Анатолий 46, 134
Франциск I 90
Фрейд Зигмунд 239

Hardy Thomas 256
Харитоненко 51
Ховен, барон 144
Ходасевич В. Д. 160, 174, 182, 183, 189, 195, 208, 210, 213, 217, 218, 220, 268
Ходасевичи 175, 222, 223
Хомяков А. С. 179
Huxley Aldous 224

Цакни А. Н., см. Бунина
Цетлин А. В. 102
Цетлин М. О. 9, 10, 12, 38, 42, 174, 175, 189, 218, 226
Цетлина М. С. 8, 10, 12, 13, 17, 38, 68, 74, 78, 88, 89, 103, 123, 134, 153, 174, 217, 240, 245
Цетлины 37, 45, 67, 81, 82, 102, 105, 106, 107, 173, 174, 176, 197, 202, 223, 258, 268
Цетлин О. С. 290
Цветаева Марина 17, 37, 157, 158, 208, 289, 293
Цвибак Я. (псевд. — Андрей Седых) 174, 295

Чайковский Н. В. 34, 40, 43, 87(?), 230
Чайковская В. Н. 9, 43
Чайковский М. 268

Чернов В. М. 21, 143
Черный Саша (Гликберг А. М.) 137
Чехов А. П. 32, 81, 94, 101, 102, 103, 145, 162, 189, 208, 226, 227, 228, 229, 287
Чехов И. П. 103, 109
Чехов Мих. 245
Чехова М. П. 103
Чириков Е. 156, 261

Шаляпин Федор 162, 225-227, 229, 242, 243, 244, 259, 292, 295, 296
Шаляпина М. В. 227
Шаляпина Стелла 295
Шапен m-elle 271
Шассен 251, 254, 277, 296
Шаховская З. А., кн. 83
Шаховской Д. А., кн. (арх. Иоанн Сан-Францисский) 45, 165
Ш-ие 45
Шекспир 17
Шеллинг 208
Шестов Лев 40, 85, 87, 109, 135, 208
Шестовы 77, 109, 171, 270
Шиман, д-р 52
Шишкина-Афанасьева 22
Шлецер Б. Ф. 85, 107
Шмелев И. С. 37, 99, 100, 103, 105, 106, 107, 108, 112-116, 121, 122, 140, 150, 153, 154, 169, 182, 189, 198, 199, 210, 217, 270, 272, 282, 288, 296
Шмелева О. А. 109, 112, 116
Шмелевы 99, 106, 107, 109, 111, 112, 116, 118, 199
Шполянский А. П. (Дон-Аминадо, Аминад) 8, 19, 21, 22, 23, 27, 28, 191, 222, 268, 270
Штерн 25, 26
Шульгин В. В. 26, 158

Щеголев М. 192
Щепкина-Куперник Т. Л. 69
Щербатов, кн. 244

Эмилия Вас. 76
Эренбург Илья 36-39
Эристова, кн. 175
Эртель А. И. 192, 195, 196, 197
Эррио Э. 44

Юрьев 247
Юсупов Ф., кн. 124, 229
Юшкевич П. 154, 157, 177
Юшкевич С. С. 165, 166

Яблоновский А. 29, 30, 189
Яблоновский С. В. (Потресов) 35, 69, 178
Яблоновские 22, 32
Якобсон Е. 297
Якунчикова 52

СОДЕРЖАНИЕ

Часть третья. Чужбина	7
Примечания	300
Указатель имен	308

